

Армия моей страны

Армия у нас — это совершенно закрытая зона. Все равно, что тюрьма. Собственно, это и есть тюрьма, просто названа другим словом. И в армию, и в тюрьму не может вступить нога ни одного человека, которого не «захотело» военное (тюремное) начальство. Отсюда сложилась традиция, что жизнь любого в армии — это путь раба.

Конечно, мы тут не оригиналы — в любой стране армия стремится к закрытости, и именно это, похоже, дает нам основания говорить о генералах как о едином международном племени людском с общепланетарными характерологическими особенностями, вне зависимости от того, президенту какого государства служит тот или иной генерал.

Однако в России есть свои специфические армейские, а точнее, особенности армейско-гражданских отношений. Они состоят в том, что в России отсутствует хоть какой-то гражданский контроль за действиями военных. Солдат, как низшая каста армейской структуры, есть никто, зеро, и только так. За бетонными стенами воинских частей любой офицер может делать с солдатом абсолютно все, что этому офицеру в данный момент в голову взбредет. Точно так же, как и старший офицер может сделать с младшим своим коллегой все, что ему нравится.

Наверное, у вас на языке уже вопрос: мол, не все же так плохо? Точнее, все не может ведь быть так плохо?..

Действительно, не все. Это сложившееся положение вещей меняется в лучшую сторону лишь в том случае, когда в армейской структуре вдруг появляется конкретный человек с гуманитарными наклонностями и начинает их демонстрировать, призывая к порядку подчиненных... Только так, методом ЛИЧНОГО ИСКЛЮЧЕНИЯ, а не общественно урегулированных

взаимоотношений мы имеем в армии хоть какой-то свет в конце тоннеля. В целом же система закрытая и рабская.

«Ну а как же ваши вожди?» — опять спросите вы. Которые по совместительству президенты и верховные главнокомандующие — персоны 1 в армии? И поэтому, персонально отвечают за положение дел в ней?..

Занимая место в Кремле, наши вожди (президенты) соревнуются не в том, как покончить с отвратительными традициями и как способствовать принятию законов, ограничивающих беспредел в армии, а скорее, наоборот, — в том, как дать армии еще большую власть над подчиненными людьми. И вот в зависимости от этого — дает вождь или не дает — армия то ли поддерживает этого конкретного вождя, или противодействует ему. Попытки гуманизировать армию имели место единственно при Ельцине — на фоне всеобщего стремления к демократическим свободам. Но быстро прекратились — власть у нас традиционно дороже спасенных солдатских жизней. И под напором возмущенного Генерального штаба Ельцин пал на милость генералитету.

Теперь, при Путине, и этих попыток нет. Более того, при нынешнем президенте, который сам офицер, их не может быть по определению. Только лишь слегка обозначившись на российском политическом горизонте в качестве вероятного главы государства, а не в должности непопулярного директора ненавидимой почти всем народом ФСБ, Владимир Владимирович стал высказываться в том духе, что армия, униженная при Ельцине (имелись в виду как раз те самые чудосочные попытки ограничения армейской анархии), у нас отныне будет повсеместно возрождаться и единственное, чего ей не хватает для полного и окончательного ренессанса, так это войны, второй чеченской войны... Все, что потом произошло у нас на Северном Кавказе, объясняется именно этой изначальной посылкой Путина: когда началась вторая чеченская война, армии позволили делать в Чечне все, что хочется, — и она дружно проголосовала за Путина на президентских выборах 2000 года.

Почти нет сомнений, что проголосует и во второй раз — в 2004 году. Нынешняя война на Кавказе стала крайне выгодной и прибыльной во всех смыслах — там люди быстро получают чины, ордена, куются стремительные карьеры, молодые «боевые» генералы открывают для себя путь в политику — в ряды политической элиты. А Путин сейчас уже подкатывается к стране со следующим предвыборным лозунгом: о возрождении армии как свершившемся факте, о том, что он, Путин, помог армии, ранее оскорбленной (при Ельцине) и побежденной в первой чеченской войне, встать с колен...

О том, как он действительно ей «помог», я и расскажу дальше несколько историй. Ну а вы уж сами сделаете выводы, прикинув ситуацию на себя: хотели бы лично вы жить в ТАКОЙ стране и исправно платить налоги на ПОДОБНУЮ армию? И считали бы вы возможным, чтобы ВАШИ сыновья, достигнув 18-летия (срок призыва), превратились в армейский «человеческий материал», как это у нас принято называть? Могла бы вас устроить армия, где каждую неделю солдаты массово дезертируют — иногда целыми взводами, а время от времени и поротно? Бегут прочь, лишь бы сохранить свои жизни? Армия, где не на войне, а ТОЛЬКО ОТ ПОБОЕВ и за один 2002-й год погиб целый батальон — больше 500 человек?.. Где офицеры воруют все — от 10-рублевки у солдат, присланных родителями, до танковых колонн у государства? Где старшие офицеры ненавидят младших офицеров и тоже бьют их, как хотят и когда хотят? А младшие офицеры спускают свою накопившуюся против старших офицеров ненависть на солдат? Где офицеры дружно, вместе ненавидят солдатских матерей за то, что те временами — не очень часто, большинство у нас боится, но все-таки иногда, когда обстоятельства гибели уж совсем вопиющие, — возмущаются тем, что их сыновей убили, и требуют справедливого возмездия?..

История первая

Седьмой

или № У-729343 — Забытый на поле боя

На календаре — 18 ноября 2002 года. Нина Ивановна Левурда, бывшая (теперь на пенсии) школьная учительница русского языка и литературы с 25-летним стажем, грузная, усталая и немолодая женщина с букетом тяжелых болезней — опять, в который уже раз за последний год, выстаивает часы ожидания в подчеркнуто-неуютном судебном предбаннике Пресненского межмуниципального столичного суда.

Деваться Нине Ивановне некуда. Она — мама без сына. И, что самое главное, без правды о сыне. Павел Левурда, старший лейтенант, 1975 года рождения, или, согласно специальной армейской калькуляции, № У-729343, погиб в Чечне почти два года назад, в начале второй чеченской войны. Той самой, где армия, по Путину, возродилась. Как это возрождение происходило — в истории последних месяцев жизни и смерти У-729343-го номера. Где даже не сам факт смерти — наши матери привыкли ко всему, и даже к смертям своих детей — а обстоятельства, при которых она произошла и которые последовали за нее, заставляют Нину Ивановну вот уже одиннадцать месяцев подряд ходить по судебным инстанциям. Ходить с одной-единственной целью — пытаться добиться от государства юридически точного ответа на вопрос: почему ее сына просто-напросто забыли на поле боя? И за что уже ее, мать забытого на поле боя бойца, потом, после гибели сына, так жестоко мучило Министерство нашей беспощадной к людям обороны?

...Павел Левурда хотел быть военным. Он мечтал об армейской карьере с детства — нельзя сказать, что сегодня это уж очень распространенное явление, скорее все наоборот: мальчики из бедных семей, не способных заплатить за высшее образование своих детей, действительно, стремятся поступить в военные училища, но это для того, чтобы получить диплом и тут же уволиться, имея в руках специальность, — и именно этим, тотальной бедностью желающих иметь образование, а не подъемом престижа армии во времена правления Путина объясняются такие явления, как, с одной стороны, постоянные бравурные официальные рапорты администрации президента о растущих конкурсах в военные институты (что сущая правда), но также, с другой стороны, наглухо

умалчиваемая властью, совершенно не афишируемая информация о катастрофическом некомплекте младших офицеров в частях (младшие офицеры, окончив училища, просто не доезжают до гарнизонов, куда получили распределения, «тяжело заболевают» по дороге, «делают» справки о неожиданной инвалидности, что вполне возможно в такой коррумпированной стране, как наша).

Но Павел был другим, особенным — он хотел быть именно офицером. Родители его отговаривали, потому что знали, как это несладко: Петр Левурда, отец Павла — сам офицер, и семья всю жизнь моталась по дальним гарнизонам и сельским полигонам.

К тому же все это было в начале 90-х, и в стране, вслед за империей, все стремительно разваливалось, и только сумасшедший — так тогда считалось — решался пойти после школы в военное училище, где в то время даже кормить курсантов было нечем...

Павел настоял на своем. И уехал в Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище. В 1996 году он стал офицером и попал служить сначала под Петербург, а потом, в 98-м, и вовсе в самое пекло — в 58-ю армию.

У 58-й армии у нас — дурная слава. Именно она — во многом символ разложения Вооруженных сил страны. Конечно, все это произошло не только в связи с правлением Путина, а гораздо раньше. Однако на Путине лежит огромная ответственность, во-первых, за полную офицерскую анархию, дозволенную в войсках, и, во-вторых, за фактическое придание офицерам статуса «государственно-неприкосновенных» — их практически не отдают под суд, какие бы преступления ими ни были совершены, они безнаказанны.

58-я армия, куда попал Левурда, — это еще к тому же и так называемая армия генерала Владимира Шаманова, Героя России и участника двух чеченских войн, где прославился он особенной жестокостью по отношению к

гражданскому населению. Теперь генерал Шаманов в отставке, уволился и стал губернатором Ульяновской области, используя вторую чеченскую войну, когда он не сходил с телеэкранов, ежедневно объясняя стране, что «все чеченцы — бандиты» и поэтому подлежат уничтожению, и всячески поддержанный за это Путиным — используя войну в качестве трамплина в своей политической карьере.

Боевые подразделения 58-й армии, штаб которой дислоцируется во Владикавказе (столица соседней с Чечней и Ингушетией Республики Северная Осетия-Алания), воевали и в первую чеченскую войну, воюют и сейчас. Офицерский корпус 58-й, вслед за своим генералом, прославился особенной жестокостью по отношению как к людям Чечни, так и к собственным солдатам и младшим офицерам. Архив Ростовского комитета солдатских матерей (Ростов-на-Дону — базовый, штабной город Северо-Кавказского военного округа, в который входит 58-я армия) состоит в основном из дел, связанных с дезертирством рядовых от офицерских побоев именно из 58-й. Ну а, кроме этого, «славится» это воинское подразделение наглым воровством (боеприпасов с собственных военных складов) да предательством, поставленным на поток (продажей ворованного у самих себя оружия полевым командирам сил чеченского сопротивления, то есть действиями против «своих»).

Лично знаю многих молодых офицеров, которые делали все от них возможное, только чтобы не оказываться на службе в 58-й армии. А вот Левурда решил по-другому. Он оставался в строю, писал тяжелые письма, приезжал в отпуск домой, и родители замечали: сын все мрачнее и мрачнее... Однако, когда те умоляли его уволиться, говорил просто: «Раз надо, значит, надо». Сегодня можно уверенно сказать, что Павел Левурда был одним из тех, о ком власть могла бы с уверенностью сказать: вот уж этот молодой наш гражданин с его особым, обостренным чувством долга перед Родиной и представлением о патриотизме, — он и есть наша надежда на действительное, а не по-путински, возрождение лучших военных традиций, офицерской чести и достоинства.

Однако власть сказала совсем другое...

В 2000 году Павел Левурда опять получает шанс отказаться и не ехать ни на какой Северный Кавказ воевать — и мало кто бы его осудил тогда, в 2000-м, вопреки расхожей теперь государственной пропаганде многие молодые офицеры, не желая ехать на войну, искали возможности избежать этого. Опять же — «делали» всяческие справки, «находили» в своем организме признаки неожиданной «инвалидности», вступали в фиктивные браки с женщинами, у которых уже было двое детей, и это давало право избежать назначения.

Но... Так уж сложились обстоятельства — Павлу Левурде стало неудобно бросать своих солдат (так он объяснял родителям) — их отправляли на войну, а он должен был крутиться, обманывать, химичить, чтобы остаться и уцелеть...

И — Павел своим шансом выжить не воспользовался. 13 января 2000 года он отбыл на войну. Сначала из Брянска (из очередного отпуска, там жили тогда его родители) — в Подмосковье, в 15-й гвардейский мотострелковый полк 2-й гвардейской (Таманской) дивизии (в/ч 73881). А потом и дальше: 15 января Нина Ивановна в последний раз слышала голос сына в телефонной трубке, он позвонил и сообщил, что подписал специальный контракт для отбытия в Чечню и...

В общем, было понятно, что значит это мерзкое «и».

— Я плакала, уговаривала отказаться, — рассказывает Нина Ивановна. — Но Паша сказал, что все уже решил, обратной дороги нет. Я попросила свою племянницу, которая живет в Москве, срочно съездить в Таманскую дивизию, встретиться с ним, попытаться отговорить... Но когда племянница приехала в часть, то оказалось, что разминулась с Пашей всего в несколько часов — он уже улетел военным бортом в Моздок... *(Моздок — маленький городок в Северной Осетии на границе с Чечней. В начале войны здесь располагалась главная*

военная база Объединенной группировки сил и войск, задействованных в «антитеррористической операции». — Прим. Авт.)

Итак, 18 января 2000 года У-729343-й, будучи погружен на самолет вместе с другими такими же «номерами», оказался в Чечне.

«Сейчас я нахожусь под Грозным на юго-западной окраине... — Это строки из письма Паши родителям. Первого и единственного письма с войны, и оно датировано 24 января 2000 года. — Город блокирован со всех сторон, и в нем идут серьезные бои... Стрельба не прекращается ни на минуту. Город горит постоянно, небо все черное — иногда прямо рядом может упасть мина или какой-нибудь истребитель пустит под ухо ракету. Артиллерия — та вообще не умолкает... Потери в батальоне ужасные. В моей роте вообще всех офицеров повыбивало... До меня командир моего взвода подорвался на нашей же растяжке с гранатой. А мой командир роты, когда я прибыл к нему, неудачно взял свой автомат и пустил очередь в землю в сантиметрах от меня. Чудом не попал. Все потом смеялись: «Паша, до тебя пять командиров взвода было, а ты и пяти минут мог бы здесь не продержаться!». Народ здесь хороший, но психически неустойчивый. Офицеры — контрактные, но солдаты, за исключением единиц, молодые, держатся. Спим вместе в палатке, на земле. Вшей — море. Питаемся каким-то дерьмом. Иначе никак. Что ждет нас впереди — неизвестно. Либо наступление неизвестно куда; либо сидение на одном и том же месте, пока не сдуреем; либо выведут отсюда на фиг в Москву... Либо черт знает что... Я не болею, но охватывает дикая тоска... Все, пока. Обнимаю, целую. Паша».

Трудно такое письмо назвать способным успокоить родителей... Однако на войне быстро пропадают ориентиры мирной жизни, человеческий мозг их просто отшвыривает — иначе, наверное, сойдешь с ума, и ты перестаешь понимать, чем можно успокоить, а чем шокировать того, кто далеко от войны, потому что ты шокирован во сто крат больше, и ты запутываешься...

Как станет известно позже, Паша был, действительно, уверен, что именно такое письмо должно сыграть роль валерьянки для его родителей... Потому что ничего он, на самом деле, не ждал, лежа в палатке, а, по крайней мере с 21 января, принимал участие в этих самых «серьезных боях», приняв сначала командование гранатометным взводом, а потом, очень вскоре, и всей ротой (офицеров «повыбивало», как он писал, и исполнять обязанности командиров было просто некому).

И был он при этом не только «на окраине» Грозного, который, согласно письму, «горит постоянно» где-то в стороне...

Дальше — язык официального документа: 19 февраля, помогая выходить из окружения батальонным разведгруппам и «прикрывая отход своих товарищей» (цитата из наградного листа — представление к ордену Мужества) из селения Ушкалой Итум-Калинского района, старший лейтенант Левурда был тяжело ранен и скончался «от массивной кровопотери вследствие множественных огнестрельных пулевых ранений»...

Итак, значит, Ушкалой. Зимой 2000 года там была самая трудная война: в горных лесах, на узких тропках — отчаянная партизанская война. Однако это пояснение — лишь для общего понимания ситуации. Нина Ивановна, мама, думала в ту пору по-другому: раз «скончался», то где же тело? Что похоронить? И ведь должно быть оно, тело, где-то?

Но никакого гроба с останками сына домой, к семье Левурды, не пришло. С этого и началась новая полоса мучительной жизни Нины Ивановны — ее собственное расследование с целью разыскать останки любимого сына, потерянные государством, которому ее сын так отчаянно-верно старался служить...

Вот что выяснила мать, превратившись одновременно и в военного прокурора, и в следователя. 19 февраля, в день официальной гибели ее сына, те

«товарищи», которых он прикрывал ценою собственной жизни, действительно отошли... А вот Пашу, ее Пашу, вместе еще с другими семью бойцами, прорывавшими окружение для выживших, они просто оставили на месте тяжелого боя. Когда их оставляли, большинство были еще тогда ранеными, но живыми. Они умоляли о помощи, кричали, просили не оставлять — так об этом бое и его последствиях позже свидетельствовали жители этого далекого горного селения Ушкалой. Много происходило на их глазах, кого-то из раненых они сами перевязали, но не более того. В Ушкалое нет никакой больницы, нет своего врача и даже медсестры...

Война, как известно, — это место, где не всегда случаются подвиги и человек способен на одно лишь благородство. Сначала Павла Левурду оставили на поле боя. А потом — еще и забыли, что его тело там лежит и что есть семья, которая это тело ждет.

Те, кто выжил в том бою, просто выкинули из головы тех, кто погиб ради того, чтобы они выжили.

Необходимое пояснение: то, что произошло с Павлом Левурдой после смерти, типично для нашей армии. В этом позорном эпизоде — суть наших подходов. В армии человек — ничто. И еще в армии отсутствует четкая система контроля и ответственности перед семьями военнослужащих. В армии в этом смысле — полный хаос. И везет только тем, у кого есть вышестоящий командир, ЛИЧНЫЕ качества которого не позволяют ЗАБЫТЬ бойцов на поле боя.

...Вспомнили о Левурде только почти через неделю после его смерти. 24 февраля, когда, согласно официальной информации Главного военного штаба в Чечне (а это было более позднее вранье штаба, рассчитанное только на то, чтобы доказать в суде, куда обратилась позже мать с иском о возмещении нанесенного ей Министерством обороны морального вреда, что «не было объективной возможности» забрать тело ее сына), Ушкалой был полностью освобожден «от боевиков», селение «перешло под контроль» федералов...

Хорошо, пусть так... Но и 24 февраля военные подобрали в Ушкалое тела только шести из семи прорывавших окружение! Подобрали — и уехали. А седьмого — нет. Этим «седьмым» и был Левурда. Не найдя его, они опять забыли про него...

Мать дома билась в истерике. То единственное письмо, напомним, пришло к ней 7 февраля, и с тех пор ничего — ни весточек, ни сына, ни информации, ни ответов на вопросы. Даром что Министерство обороны отсылало всех подобных на свою «горячую линию», это мало что меняло, с тамошними дежурными офицерами — все равно как с компьютером поговорить о своем неумолимо надвигающемся горе. «Старший лейтенант Левурда Павел Петрович в списках погибших и пропавших без вести не значится», — вот что они отвечали, и все. Ни слова сверх того.

Такие «исчерпывающие» тексты с «горячей линии» слушала Нина Ивановна несколько месяцев подряд. Самое гадкое в том, что даже тогда, когда она самостоятельно нашла Пашины останки. В самый последний раз мать позвонила в Министерство обороны, на «горячую линию» — не поверите — 25 августа, через полгода с момента официального уведомления о смерти и уже после того, как нашла и опознала, без всякой помощи полка, Пашино — «седьмое», тело, и, значит, отцы-командиры все пребывали и пребывали в своей «забывчивости», и потому информацию в центральный аппарат не обновляли...

Впрочем, по порядку. 20 мая, через три месяца после тех боев, сотрудники временного отдела внутренних дел Итум-Калинского района (местная милиция) обнаружили в Ушкалое «захоронение, в котором находился труп мужчины с признаками насильственной смерти». Так они зафиксировали в своем протоколе.

Однако, как уж там все получилось — наверное, виновата опять же наша извечная, равнодушная к человеческой судьбе, преступная суета, — и только 6 июля, спустя еще полтора месяца ежедневных звонков Нины Ивановна и на

«горячую линию», и в местный военкомат, итум-калинские милиционеры наконец написали специальную на этот случай бумагу на поиск — «ориентировку-задание № 464», что-де у них в мае обнаружен труп с такими-то признаками.

19 июля «ориентировка» наконец дошла до Брянского уголовного розыска — потому что Павел уезжал на войну из последнего отпуска именно из Брянска, и Нина Ивановна, бросаясь во все возможные инстанции, подала официальное заявление на розыск без вести пропавшего сына (он таковым же стал числиться) именно в брянскую милицию. И 2 августа (когда даже с момента обнаружения тела в Ушкалое прошло уже два с половиной месяца) домой к Пашиным родителям пришел обычный милиционер из обычного районного отдела милиции — оперуполномоченный Абрамочкин.

Дома была одна 14-летняя девочка — внучка Нины Ивановны, племянница Павла, дочка его старшей сестры Лены. Милиционер Абрамочкин что-то расспрашивал у нее о Паше, выяснял, какие вещи у него были с собой, и, наконец, был очень сильно удивлен, что попал в семью военнослужащего... Оказалось, он был уверен, что речь идет просто о парне, который неизвестно зачем подался в Чечню и там погиб...

Когда девочка объяснила, что их Паша — офицер, официально попавший в зону «антитеррористической операции», что их известили о его гибели, но тела не прислали и что уже несколько месяцев они совсем ничего не знают о нем и не понимают, как им быть дальше...

Именно рядовой оперуполномоченный Абрамочкин, которому «спустили» это рядовое для милиции расследование «по неизвестному трупу», — а не Министерство обороны в любом своем лице, в конце концов и сообщил матери героически погибшего офицера, что с 19 февраля Павел Петрович Левурда официально числится пропавшим без вести, а с 20 февраля — снятым со всех видов довольствия в воинской части № 73881 (результат милицейского

расследования)... И он, милиционер, только потому этим занимается, что его коллеги нашли в Ушкалое труп военнослужащего с признаками, похожими на признаки числящегося без вести пропавшим старшего лейтенанта, согласно заявлению Нины Ивановны, но не запросу Министерства обороны! И те, итумкалинские милиционеры, попросили его, Абрамочкина, сходить к родителям в Брянске и узнать (!) «адрес постоянной дислокации воинской части № 73881, в которой проходил службу Левурда П.П.», чтобы связаться с ее командиром для выяснения всех обстоятельств гибели человека, по описанию матери похожего на их офицера...

То, что в кавычках, — цитаты из официальной переписки с Ниной Ивановной. Однако это и детали, характеризующие как армейские реалии, так и суть той войны, которую ведет у нас на Кавказе ТАКАЯ армия, какую мы имеем при Путине. В этой армии правая военная рука никогда не знает, чем занята левая, и легче письменно, а значит очень долго, спрашивать у родителей, которые за тридевять земель, чем докричаться до главного штаба в Ханкале (военная база под Грозным), где найти командира Таманской дивизии — вроде бы раз плюнуть...

Милиционер Абрамочкин, видя состояние, в котором находится семья, искренне посоветовал Нине Ивановне не ждать у моря погоды и быстрее ехать в Ростов-на-Дону — он уже узнал к тому времени, что останки «неизвестного военнослужащего» из Ушкалоя перевезли как неопознанные в главный военный морг в Ростове-на-Дону — к известному в России полковнику Владимиру Щербакову, начальнику 124-й военной судебно-медицинской лаборатории, занимающейся опознанием неизвестных. Но! Занимается этим полковник Щербаков — и это очень важно — не по заданию командиров, генералов, главного штаба, а по собственному ЛИЧНОМУ душевному расположению и ЛИЧНОЙ убежденности — видя глаза несчастных матерей, которые приезжают со всей страны в Ростов-на-Дону в поисках своих потерянных сыновей-военнослужащих.

Абрамочкин посоветовал также все же не нервничать загодя, потому что «все ведь у нас бывает», как это говорят в России, имея в виду путаницу с трупами. Тем временем к истории семьи Левурды подключился Брянский комитет солдатских матерей, и только так — через Абрамочкина, сходившего к Нине Ивановне, и брянских солдатских матерей — 15-й очень гвардейский полк и совсем уж гвардейская Таманская дивизия наконец-то узнали, что седьмое, забытое «товарищами» тело, возможно, есть тело Павла Левурды...

— 20 августа мы приехали в Ростов, — рассказывает Нина Ивановна. — Я сразу пошла в лабораторию. Вход туда не охраняется. Я вошла. Свернула в первый попавшийся по дороге кабинет судмедэксперта, и я увидела, что на его рабочем столе стоит на канделябрах голова, отделенная от тела. Точнее, череп. Но я сразу поняла, что это Пашина голова... Хотя рядом стояли другие черепа.

Можно ли хоть как-то оценить или восполнить тот моральный урон, который понесла мать?

Конечно, нет. И еще, кто спорит — работа у судмедэкспертов такая, что черепа у них стоят на столах и всякий может с улицы зайти...

Но все же... Мы все более становимся нацией людей без затей — простецкой, не чувствующей тонкостей и поэтому аморальной...

Ну, а тут как раз к матери, которую только что отпоили таблетками после встречи с Пашиным черепом (позже этот сразу признанный матерью череп действительно оказался Пашиным), и подлетел так называемый «представитель части», также прибывший в Ростов. Это Абрамочкин узнал у родителей адрес части, телеграфировал туда, командир снарядил в Ростов «представителя» для улаживания формальностей...

В руках у «представителя» было «извещение». Нина Ивановна посмотрела в бумагу и — как на тот череп в кабинете судмедэксперта — упала в долгий

обморок. «Извещение» представляло собой бумагу, в которой гвардии подполковник А. Драгунов, и.о. командира воинской части № 73881, и такой же гвардии подполковник А. Початенко, начальник штаба той же части, просили (неизвестно кого) официально известить «гр. Левурда», что «их сын..., выполняя боевое задание, верный военной присяге, проявив стойкость и мужество, погиб в бою». Это воинская часть пыталась замести следы своей преступной «забывчивости».

Придя в себя, Нина Ивановна внимательно прочитала «извещение» — это «погиб в бою». И увидела, что в документе нет никакого числа — когда, собственно, погиб ее сын...

— А как же быть с датой? — спросила Нина Ивановна «представителя».

— Да сами и впишите, какую хотите, — ответил он ей просто.

— Как это — «впишите»? — выкрикнула Нина Ивановна. — Я родила Пашу в тот день, когда родила, — и это день его рождения. И я имею права знать день его смерти — я хочу знать, когда же он погиб!

«Представитель» развел руками: мол, ничего не знаю, мне лишь приказали обменяться бумагами, а ничего не обсуждать... И сунул матери в руки еще и выписку из приказа по строевой части об исключении «старшего лейтенанта из списков полка» — и тоже без всякой даты, причин и прочего, но с печатями и подписями внизу. И, опять на голубом глазу, попросил Нину Ивановну все это собственноручно заполнить и передать по возвращении домой в районный военный комиссариат, чтобы Пашу там сняли с воинского учета.

Нина Ивановна уже молчала. Что можно объяснить человеку, у которого нет ни души, ни сердца, ни ума.

— Но, согласитесь, так же — проще?.. Мне далеко будет ехать в Брянск, в военкомат... — полувопросительно продолжал «представитель».

Конечно, проще. И не поспоришь: действительно, просто БЫТЬ ПРОСТЫМ, без затей. Как наш нынешний министр обороны Сергей Иванов, ближайший товарищ президента еще со времен работы Путина в ФСБ Санкт-Петербурга: еженедельно по телевизору Иванов озвучивает для страны военные послания президента, где тон Иванова обычно, как у Геббельса на киноплёнке времен Второй мировой войны, и Иванов говорит, что никто не заставит нас «встать на колени перед террористами», что собирается он продолжать войну в Чечне до какого-то там «победного конца»... Но НИКОГДА не услышать от министра Иванова ни слова о судьбах тех самых людей, солдат и офицеров, которые, собственно, и обеспечивают ему и президенту возможность выглядеть «не вставшими на колени перед террористами». Вектор развития нынешней власти совершенно несоветский: нет людей — а есть винтики, обязанные беспрекословно воплощать в жизнь политические авантюры тех, кто присвоил власть, и у этих «винтиков» нет права ни на что, включая достойную смерть.

Куда сложнее БЫТЬ НЕПРОСТЫМ. Для меня это означает видеть не только «генеральную линию партии и правительства», но и подробности ее реализации. Подробности же таковы: 31 августа 2000 года № У-729343-й наконец-то был похоронен в городе Иваново. Ростовские судмедэксперты отдали Нине Ивановне ту самую Пашину голову — других останков, собственно, и не оказалось.

Почему хоронить решили в Иваново? Потому что семья навсегда уехала из ставшего теперь очень тяжким для них Брянска — поближе к старшей дочери, живущей в Иваново.

Сегодня Нина Ивановна — человек, известный в России. Потому что, предав земле останки сына, с таким трудом выданные у государства, уже на девятый день после похорон Нина Ивановна собралась в дорогу — в тот самый

15-й полк Таманской дивизии, в его штаб в Подмосковье. Сначала, отправляясь из Иванова, она хотела одного — посмотреть в глаза Пашиным командирам, увидеть там хотя бы раскаяние перед матерью за то, что «забыли».

— Я, конечно, не надеялась на извинения... — говорит Нина Ивановна. — Но хотя бы сочувствие и раскаяние в глазах...

Однако в Таманской дивизии с матерью никто не захотел даже поговорить. Командир был недосыгаем: рано утром, днем и поздно вечером. Нина Ивановна трое суток сидела на проходной, ожидая встречи с ним — без еды, чая, сна, внимания. Старшие офицеры туда-сюда пробегали мимо нее, как тараканы, делая вид, что не замечают... Именно там, на проходной, Нина Ивановна Левурда и приняла решение подать в суд на государство — этим она стала известна в России, — вчинив иск Министерству обороны и его руководителю министру Иванову по совокупности причиненных ей моральных страданий. Причем не в связи со смертью сына — он погиб, выполняя воинский долг. А в связи с тем, что случилось после его смерти.

Суть требований матери, если перевести со сложного процессуального на обычный язык, в следующем: она хочет ответа на несколько вопросов. Почему полк оставил тело ее сына на поле боя? Почему не искал? Почему ничего не сообщил ей о его судьбе? Почему она сама должна была искать? И кто персонально несет за это ответственность?..

Что было потом? Во-первых, орден Мужества — награду сына Нине Ивановне вручили в Ивановском областном военкомате. Во-вторых, месть. Министерство обороны и Таманская дивизия встали на тропу войны с матерью погибшего лейтенанта, посмевавшей открыто возмутиться их поведением. В ее ходе Нину Ивановну подвергли пыткой моральным «Путин-газом», применив к ней дозу с той же целью, что и к террористам, — сломить волю, «поставить на место», чтобы другим неповадно было.

Это выразилось в следующем. Почти что за год прошло восемь судебных заседаний (первое — 26 декабря 2001 года, последнее — 18 ноября 2002-го), и все — без всякого результата. К сути иска Нины Ивановны суд даже не приступил — представители Министерства обороны заседания игнорировали, будучи уверены в своей полной безнаказанности. И они были правы: сначала дело «Нина Левурда против государства» попало к судье Тюленеву (Пресненский межмуниципальный суд Москвы, по месту юридического адреса Министерства обороны), и тот решил, что мать «не имеет права на информацию» о теле собственного сына, а значит, Министерство обороны не должно было ей эту информацию предоставлять. И... Нина Ивановна пошла в Московский городской суд, и там, ввиду полной абсурдности решения, дело вернули в тот же Пресненский суд, на новое разбирательство, которое стало новой порцией пыток государственной машины против матери, потерявшей сына: массовые прогулы судебных заседаний официальными представителями министра Иванова, командования Сухопутных войск, в состав которых входят Таманская дивизия и 15-й полк. Они просто не являлись на назначенные слушания — нагло и настырно. Брали мать измором. Или осадой. А она — все ездила и ждала... Всякий раз. Туда-сюда из Иванова — и утыкалась в пустоту на скамейке ответчиков. И уезжала ни с чем. Простая пенсионерка — с уровнем нашего отечественного господобия по старости, рассчитанного только на то, чтобы не умереть с голоду, с мужем, смертельно запившим после Пашиных похорон и так и оказавшимся не способным выйти из этого страдательного пике...

В конце концов не выдержала судья Болонина (судья также Пресненского районного суда, к которой попало дело из Московского городского суда). Наконец, на восьмом заседании без ответчиков она оштрафовала Министерство обороны на 8 тысяч рублей. Естественно, в пользу госказны и из госказны. Жаль, что не из кармана министра Иванова и не в пользу матери. Подобное просто не предусмотрено — законодательство у нас на стороне не слабой жертвы, а власти, и без того сильной. 18 ноября 2002 года, после штрафа, представители министерства наконец-таки появились в Пресненском суде, но были они какие-

то странные — ничего не знали о деле, не понимали сути и, отказываясь представляться, жаловались на хаос в своем ведомстве, который во всем-то и виновен... И? И суд опять был перенесен — на сей раз на 2 декабря.

...Нина Ивановна плакала, стоя в неудобном судебном коридоре.

— Ну за что? — говорила она. — Можно подумать, это не они у меня сына забрали? Не они надо мной издевались?..

Как я завидую Сергею Иванову, министру нашей безжалостной к народу обороны. Ему так просто живется. Он не видит «деталей». Главная из которых — глаза матерей, потерявших сыновей на той «войне с международным терроризмом», на тему которой он, министр, так любит поговорить, доказывая лояльность к Путину. Он не слышит голоса матерей — они далеко от него. Он не чувствует их боли. Он ничего не знает о жизнях, которые поломал. О тысячах отцов и матерей, брошенных СИСТЕМОЙ после того, как их дети отдали за нее жизни.

«Путин не может отвечать за все!» — кричат у нас те, кто любит президента.

Конечно, не может. Он как президент отвечает за методологию. За подходы. Формирует их. Такая уж у нас традиция: кто наверху, тому и подражают.

И его методология по армейскому вопросу — как раз вышеописанная. Другой нет. Он неоднократно уже подписался под тем, что согласен с подобными рядовыми историями — а они именно РЯДОВЫЕ истории, — происходящими в нашей армии. А раз подписался, значит, ответствен за методологию жестокости и непримиримости, насаждаемую и в армии, и в государстве. Потому что жестокость — тяжелейшая инфекция, склонная к пандемии. Она не бывает одноразовой. Начинали с жителей Чечни и, хотя многим казалось, что на них и закончится, но продолжили на «своих», как это

принято теперь «патриотично» выражаться. Включая тех «своих», кто как раз-то и «патриотично» воевал с теми, с кого начинали, и только наивный мог рассчитывать на что-то другое.

— Ну да, случилось... Ну да, он погиб... Сделал свой выбор и шел своей дорогой, — говорит Нина Ивановна, отирая слезы на лице. Мимо идет судья Болонина в мантии с непроницаемым лицом. — Но вы же люди...

Люди?

Я часто думаю: человек ли Путин вообще? Или железная мерзлая статуя? Думаю и не нахожу ответа, что человек.

История вторая

54 солдата, или Эмиграция домой

Эмиграция — это такое место, куда бегут, когда дальнейшее пребывание на родине грозит смертью либо широкомасштабным наступлением государства на твою честь и достоинство. 8 сентября 2002 года именно это и случилось в Российской армии. 54 солдата ушли из армии в эмиграцию.

Было это так. На окраине деревни Прудбой Волгоградской области располагается учебный полигон 20-й гвардейской мотострелковой дивизии. Как-то из городка Камышина тоже Волгоградской области, с места постоянной дислокации войсковой части 20004, на полигон в Прудбой пригнали личный состав 2-го дивизиона.

Цель была благая — чему-то научиться. В роли учителей должны были, естественно, выступать офицеры — отцы-командиры. Но 8 сентября эти самые «отцы» — подполковник Колесников, майор Ширяев, майор Артемьев, старший

лейтенант Кадиев, старший лейтенант Коростылев, старший лейтенант Кобец и лейтенант Пеков взяли на себя совершенно не свойственные офицерскому уровню функции дознавателей. На построении солдатам было объявлено, что сейчас будет разбирательство на тему: кто ночью угнал с полигона БРДМ — боевую разведывательно-десантную машину?

При этом, как позже уверяли солдаты, БРДМ никто и не угонял — она продолжала себе стоять в дивизионном парке. Просто офицерам было скучно, они пили на полигоне уже который день, чувствовали себя, видимо, уже очень плохо от этого перепоя — и просто решили покуражиться. Собственно, подобное и раньше часто случалось на Камышинском, печальной славы, военном полигоне.

После построения с объявлением о разбирательстве в штабную палатку завели первую партию солдат — сержантов Кутузова и Крутова, рядовых Генералова, Гурского и Гриценко. Остальным было велено дожидаться своей очереди рядом, и очень скоро оставшийся на свободе личный состав услышал крики и стоны сослуживцев. Офицеры их попросту пытали. Вскоре первую партию вышвырнули из штабной палатки. Солдаты рассказали товарищам о том, как вышеперечисленные «отцы»-командиры лупили их черенками саперных лопат по ягодицам и спинам, а ногами — по животам и ребрам.

Собственно, слова были лишние. Следы пыток на солдатских телах действовали сильнее любых рассказов.

Затем офицеры объявили перерыв. Подполковник, два майора, три старших лейтенанта и один лейтенант объявили для себя обед, сообщив остальному рядовому личному составу, что после принятия ими пищи каждый, кто добровольно не признается в угоне БРДМ, будет точно так же избит, как те, кто теперь лежал на траве рядом со штабной палаткой.

С этим объявлением офицеры отбыли откушать суп.

А солдаты? Ушли... Взбунтовались, не пожелав быть овцами, ожидающими заклания. Они оставили на полигоне только тех, кто был в наряде, — для его охраны (оставление поста влечет уголовное наказание, суд и дисциплинарный батальон), а также избитых Кутузова, Крутова, Генералова и Гриценко, которые идти просто не могли.

Построившись в колонну, солдаты ушли с полигона в сторону Волгограда. Звать на помощь.

Но до города там неблизко — почти 180 километров. И все это расстояние 54 солдата прошли организованно, строем, ни от кого не скрываясь, по обочине оживленного шоссе, по которому туда-сюда проезжали в том числе и офицеры 20-й дивизии. И НИ ОДНА из машин не остановилась... НИ ОДИН из офицеров не подумал, что надо бы спросить: а что, собственно, случилось?.. Куда идете? И без офицера, что не по военному уставу?.. Ни один.

Так солдаты шли по шоссе до наступления темноты. На ночлег устроились в лесополосе, прямо у шоссе, не прячась. И все повторилось снова — ни одна офицерская душа их не искала... Несмотря на главное: отобедавшие подполковник, два майора, три старших лейтенанта и один лейтенант, выйдя из столовой, обнаружили свой 2-й дивизион сильно поредевшим. Им почти НЕКЕМ БЫЛО КОМАНДОВАТЬ...

Однако офицеры СПОКОЙНО ЛЕГЛИ СПАТЬ. Не зная, где их солдаты, за которых, в соответствии с законом, они несут полную персональную ответственность. Но отлично зная, что нет в нашей стране офицера, которого бы наказали за солдата...

Рано утром 9 сентября 54 солдата снова двинулись в путь. Пешком. Вдоль шоссе. Снова ни от кого не скрываясь. Опять мимо ехали военные на машинах. И НИКТО... (читай выше).

Отряд уважающих собственное достоинство был в дороге полутора суток, и НИКТО ИЗ 20-й ДИВИЗИИ ИХ НЕ ХВАТИЛСЯ. Вечером 9 сентября они вошли в Волгоград. И тоже совсем не тайно. Их видела милиция, охраняющая город. И снова — они НИКОГО НЕ ЗАИНТЕРЕСОВАЛИ. Ни один офицер не поинтересовался, куда солдаты путь держат... Вечером...

Так, строим, солдаты дошли до центра города.

— Около шести часов вечера, а мы уже собирались уходить, вдруг звонок по телефону: «Вы работаете? Можно зайти?» — рассказывает Татьяна Зозуленко, руководитель Волгоградской областной правозащитной организации родителей военнослужащих «Материнское право». — Я ответила: «Заходите». Но, конечно, никак не ожидала подобного. Через несколько минут в маленькую комнатку нашей организации вошли четыре солдата и сказали, что их 54. Я спросила: «А где остальные?». И ребята провели меня в подвальчик нашего же дома — остальные стояли тут, в подвальчике. Я работаю в организации 11 лет, но такого за это время еще не видела. Первое, что мелькнуло в голове: «А где их размещать? Вечер уже...». А первое, что мы спросили: «Вы ели?». Они ответили: «Нет, со вчерашнего дня». Наши женщины сбегали за хлебом и молоком, принесли, сколько могли. Ребята набросились на еду, как собаки голодные. Но к этому мы привыкли: кормят в частях очень плохо, солдаты хронически недоедают. Когда они поели, я спросила: «Что вы хотите вашим поступком?». Они ответили: «Чтобы наказали офицеров, которые избивают солдат». Потом решили так: на ночевку устроим их прямо у нас, в «Материнском праве», вповалку, на полу, потому что утро вечера мудренее. А рано утром пойдем в гарнизонную прокуратуру. Я заперла дверь, пошла домой — я живу рядом, думала, если надо, быстро приду. В 11 вечера позвонила им — и никто не взял трубку. Я подумала: «Просто устали, спят. Или боятся брать трубку». В два ночи меня разбудил наш юрист Сергей Семушин. Он сказал, что неизвестные люди позвонили ему и попросили «принять помещение». Через несколько минут я была на месте. Вокруг стояли военные «бобики», в них —

какие-то офицеры. Они не представились. А солдат уже не было. Я спросила у офицеров, где они, ответа не последовало.

Кроме того, сотрудники «Материнского права» обнаружили взломанной и раскуроченной свою компьютерную сеть с информацией о воинских преступлениях в 20-й дивизии. А также под ковриком — солдатскую записку. Просто о том, что их куда-то увозят, бьют, и они просят о помощи...

Остается добавить немного. Офицеры на полигоне хватились своих солдат, только когда им позвонили «сверху». Это произошло поздно вечером 9 сентября, когда Татьяна Зозуленко связалась с волгоградскими журналистами и первая информация об ушедших солдатах пошла в радиоэфир. Штаб округа, естественно, потребовал у офицеров объяснений, вот те и обнаружили «недостачу»...

Ночью к «Материнскому праву» подогнали машины и всех 54 увезли на гауптвахту в военную комендатуру. А потом обратно — в часть. Под надзор тех самых офицеров, от побоев которых солдаты ушли с полигона. Татьяна Зозуленко спросила волгоградского гарнизонного прокурора Чернова (его обязанность — следить за правоохранительной ситуацией в частях гарнизона), зачем же он «так поступил». И тот ответил прямо: «Потому что это НАШИ солдаты».

Это ключевая фраза истории «54-х». «НАШИ солдаты» означает «наши рабы». Никакого другого смысла прокурорская фраза не несет. У нас все остается по-прежнему: извращенно трактуемое понятие «офицерской чести», которую вечно требуется защищать, всегда оказывается выше, чем жизнь и достоинство солдатское. В марш-броске с Камышинского полигона мы имеем дело, во-первых, с неискоренимой отвратительной армейской традицией, что СОЛДАТ — ОФИЦЕРСКИЙ РАБ, офицер всегда прав и может делать с солдатом все, что хочется. И, во-вторых, с тем, что гражданский контроль над армейскими структурами, об обязательном установлении которого много

говорили в ельцинские годы и был даже написан соответствующий законопроект, теперь похороненный в связи с тем, что президент Путин, как человек сугубо советский и военный и, значит, разделяющий первую главную армейскую посылку, считает его совершенно не нужным Российским вооруженным силам.

Заметьте важную деталь: суть истории заключается в том, что вся 20-я дивизия (так называемая Рохлинская, потому что раньше ею командовал герой первой чеченской войны, ныне застреленный депутат Государственной Думы Лев Рохлин), а особенно воинская часть № 20004 — давно имя нарицательное и в Волгограде, и в Северо-Кавказском военном округе, и в России.

— Целый год мы отправляли в военную прокуратуру — прежде всего, господину Чернову, гарнизонному прокурору, и далее — всем по иерархии выше, вплоть до Главной военной прокуратуры в Москве — информацию о преступлениях, совершаемых офицерами части № 20004, — говорит Татьяна Зозуленко. — Часть № 20004 по количеству солдатских обращений к нам — на первом месте. Офицеры бьют подчиненных, вымогают у солдат, вернувшихся из Чечни (20-я дивизия — воюющая как в первую, так и во вторую чеченскую войну, воюющая до сих пор), деньги, так называемые «боевые»... Мы не говорили об этом — мы просто кричали! И ничего... Прокуратура заняла позицию замалчивания всего, что творится. Мы считаем следующее: то, что случилось на Камышинском полигоне, — закономерный итог полной офицерской безнаказанности.

Конечно, у нас в стране есть военный бюджет, и много споров вокруг этого. Есть военное лобби — оно борется за новые инвестиции и заказы, оплаченные из государственного бюджета. Все, как везде. И об этом писать неинтересно, потому что одинаково международно-унифицированно... Да, забыла очень важное, отличающее нас от других: у нас есть производство и торговля оружием по всему миру, все-таки мы — страна, давшая миру автомат Калашникова, и многие у нас этим гордятся.

Но мне не хочется забивать ваши головы цифрами наших милитаристских экономических достижений. Мой взгляд другой: чувствуют ли себя люди счастливыми при том порядке, который установил президент Путин? Считаю это главной оценкой деятельности руководителя государства. И вот, пытаясь ответить на этот вопрос, я иду в Комитет солдатских матерей и спрашиваю женщин, которые туда приходят: «Ваши дети были счастливы, попав в армию? Они действительно стали там настоящими мужчинами?». И так я узнаю совсем другую армию...

Несколько коротких историй

Деталь — важнее образа. Деталь — важнее образа. Деталь — важнее образа. По крайней мере, для меня.

...Мишу Николаева, жителя Московской области, проводили в армию в июле 2001 года. Попал он служить в пограничные войска, на далекую от столицы (10 часов лета) погранзаставу у поселка Горячий Пляж на острове Анучина Малой Курильской гряды — той самой, за которую так отчаянно спорят российские и японские политики со времен Второй мировой войны.

Пока идут споры, кому-то надо эту границу охранять. Миша стал одним из таких. И продержался на дальневосточной заставе полгода — 22 декабря 2001 года он умер. Но тревожные письма пошли домой уже осенью, когда Миша обнаружил на своем теле гнойные язвы. Он просил: «Пришлите медикаменты: мазь Вишневского, стрептоцид, ну, короче, все средства против гниения, анальгин, зеленку, бинт, по возможности лейкопластырь... Тут ничего нет». Родители безропотно отправляли посылки, сознавая, что армия у нас бедная, и в то же время думая, что, наверное, не все так страшно, потому что Миша ведь продолжает работать... поваром на кухне! А если бы он был тяжело болен, полагали родители, кто бы его близко пустил к котлам с пищей...

Однако с множественными гнойными поражениями кожи он продолжал варить обеды для всех. Когда патологоанатом сделал посмертное вскрытие Мишиного тела, он констатировал, что ткани несчастного буквально расплзлись под скальпелем — в начале XXI века солдат заживо сгнил на глазах у офицеров, не получив НИКАКОЙ медицинской помощи. Ничто не спасло Мишу от офицеров, которым ни до чего нет дела...

...Дмитрий Киселев попал служить в подмосковный поселок Истра — это считается у нас большой удачей. Рядом Москва, и родители-москвичи всегда могли приехать и навестить сына, прорваться к командиру, если бы требовалась помощь, — не Курильская гряда. Однако и это не спасло Диму. На сей раз — от развращенных офицеров.

Подполковник Александр Бороненков, командир воинской части, где оказался солдат Киселев, имел приработок на стороне — у него был свой маленький бизнес помимо офицерства. Обычное, кстати, дело теперь в нашей армии — кто-то что-то кумекает на стороне, поскольку жалование невысокое. Однако бизнес этого конкретного подполковника был рабовладельческий — он продавал своих солдат хозяевам близлежащих участков земли (поселок Истра — дачный) в качестве дешевой рабочей силы. Там они работали только за обед, а деньги получал командир Бороненков. Метод зарабатывания денег этим конкретным подполковником — не уникален и не им изобретен. В армии это развито: солдат продают богатым людям «насовсем» — на все время службы, в бесплатные работники, то есть в рабство. Ими (их бесплатным трудом) расплачиваются с «нужными» людьми. Например, нужно офицеру машину починить, а денег нет, вот он и пригоняет в автосервис солдатиков, а те там бесплатно работают на автомастеров, сколько те захотят, и за это ремонтируется машина офицера. Солдат, наконец, дают «взаимы». Самое распространенное явление — использование подневольных бесправных солдат в своем собственном офицерском хозяйстве.

Вот так в конце июня 2002 года настала очередь идти в рабы и для новобранца Димы Киселева. Солдата отправили строить дом некоему господину Карабутову в садовое товарищество «Мир», расположенное тут же, в Истринском районе. Сначала, действительно, Дима строил дом. Потом вместе с семью другими солдатами-рабами Дима должен был рыть глубокую траншею вдоль участка. 2 июля, в семь часов вечера, грунт в вырытой траншее обрушился, троих ребят завалило, а Дима, один из них, задохнулся под слоем земли. Подполковника Бороненкова родители пытались привлечь к суду, но он отвертелся — у него было много «нужных» людей. А Дима был единственным сыном...

...28 августа 2002 года в воинской части № 42839, расквартированной в Чечне, неподалеку от станицы Калиновской — это там, где боевые действия давно не идут, — пьянствовали «деды». «Деда» — это солдаты, которым вот-вот увольняться в запас, и самая страшная, убойная сила нашей армии. Вечером «дедам» показалось, что водки маловато, и они послали первого подвернувшегося им под руку солдата Юрия Дьяченко в станицу — «где хочешь, достать еще». Солдат отказался. Во-первых, в этот момент он стоял на посту, охраняя часть по периметру, и уходить не имел права. Во-вторых, у него не было денег, он это объяснил, но «деды» потребовали, чтобы рядовой что-нибудь своровал в станице и таким образом нашел им водку.

Однако Юра сказал твердо: «Нет. Не пойду». Дальше его очень долго и сильно били. До пяти утра. В перерывах между побоями «деды» унижали его жестоко и низко. Например, макали половую тряпку в туалетную «дыру» с нечистотами — и вытирали потом ею Юрино лицо... Заставили мыть пол, и, когда он наклонялся, по очереди били в область заднего прохода палкой от швабры... В заключение сеанса «воспитания» (так они это называли) «деды» потащили Юру в столовую и заставили съесть бачок каши объемом в три литра, не разрешая — побоями — останавливаться.

Где были офицеры? В эту ночь они тоже пьянствовали и физически не могли ни на что обратить внимания. 29 августа, около шести часов, Юру Дьяченко обнаружили в углу продовольственного склада. Он повесился...

...Сибирь — это не Чечня, это очень далеко от нее и от войны. Но и это дела не меняет. Валерий Путинцев, парень родом из Тюменской области, попал служить в Красноярский край, в районный городок Ужуру, в элитные части Ракетных войск стратегического назначения (РВСН). Его мама, Светлана Путинцева, очень обрадовалась: считается, что в ракетных частях самые высокообразованные офицеры, которые не пьют, солдат не бьют и поддерживают дисциплину, поскольку имеют отношение к самому современному и опасному оружию. Но вскоре от сына стали приходиться тяжкие письма, в них он не называл офицеров иначе, как «шакалами».

«Здравствуй, мама! Это письмо, кроме тебя, никому в руки попасть не должно. Особенно, пожалуйста, убереги мною написанное от бабули. Думаю, мы с тобою друг друга хорошо поняли, и ты не допустишь, чтобы бабуля трепала себе последнее здоровье, — я очень переживаю за нее... Я до сих пор не могу смириться с тем, что служу рабом для блага мне ненавистных. Я просто больше жизни хочу работать во благо своих, поднимать семью, цену которой понял лишь здесь...».

Валерию не удастся «работать во благо своих». В ужурских казармах царил полный офицерский беспредел. Лейтенанты грабили солдат до нитки, измывались над теми, кто пытался защитить свое достоинство, — таким был и Валера. За полгода, которые он пробыл в части, из нее ушло четыре гроба — все солдатские. И все в гробах — умершие от побоев.

Прежде всего офицеры забрали у Валеры форму (а ничего, кроме формы, у нашего солдата в армии нет — любая другая одежда отсутствует) и сказали, что теперь он должен ее у них «выкупить». Естественно, написав домой и попросив «срочно» выслать денег. Валера сопротивлялся, как мог, — он знал, что мать,

живущая очень скромно вместе с бабушкой-пенсионеркой, сестрой и ее маленькой дочкой, ему не может выслать денег. За это его много и сильно били. Наступил момент, и Валера огрызнулся, дал отпор — и тогда его отправили на гауптвахту за неповиновение и там имитировали побег, тяжело ранив при этом... Светлана, мать, занервничала, позвонила командиру части — подполковнику Бутову. И тот ее «успокоил», сказав, что умеет бить так, чтобы не оставлять следов... Светлана бросила все и срочно прилетела в Ужур. И застала сына умирающим. Оказалось, он получил огнестрельные ранения органов малого таза, мочевого пузыря, мочеточников, бедренной артерии... В госпитале Светлане сказали: «Ищите кровь для переливания. Срочно. У нас крови нет». Это значит надо найти доноров... Но как? В чужом городе, одна... Она бросилась в воинскую часть: «Помогите!», а командир отказал. Она носилась по городу, пытаясь сделать еще что-то для сына, но не успела... И ее мальчик, не дождавшись крови, умер 27 февраля 2002 года.

В одном из последних писем Валера писал Светлане, будто предвидел: «Я не очень рассчитывал на их «офицерскую» помощь. Они способны лишь на несправедливые унижения...».

...Опять Подмосковьё. Поселок Балашиха. Воинская часть № 13815. Утро 4 мая 2002 года. Две работницы котельной, дающей тепло в эту часть, слышат крики о помощи где-то неподалеку от них. Они выскакивают во двор и видят, что посередине вырыта траншея, в которую по шею закопан солдат. Он-то и зовет добрых людей на помощь. Женщины откопали солдата, разрезали веревку, которой были связаны его руки и ноги, и помогли выбраться из ямы.

Тут-то и появился разъяренный майор Александр Симакин. Он закричал на женщин: мол, не трогайте, это он так воспитывает солдата Чеснокова, и если они, женщины, не уйдут обратно в котельную, то он «их уволит».

Солдат Чесноков, выбравшись из ямы, убежал из части...

P.S. Армия в России — один из традиционно основных государственных институтов — продолжает оставаться типичным лагерем за колючей проволокой для бессудно заточенных туда молодых граждан страны. С соответствующими, подчеркнута тюремными, правилами общежития, насаждаемыми офицерами. Где «мочить в сортире» (первый, при восшествии на кремлевский престол, провозглашенный Путиным лозунг борьбы с внутренними врагами) — главный метод воспитания.

Возможно, это нравится нашему нынешнему президенту, у которого подполковничьи погоны и две дочери дома, которым не придется служить в такой армии. Но всем нам (кроме офицерского сословия, прекрасно себя чувствующего в роли паханов-беспредельщиков) от этого очень плохо. Особенно тем, у кого родились сыновья. Тем более тем, у кого они достигли призывного возраста, и, значит, совсем нет времени дожидаться армейских реформ, так давно обещанных обществу и традиционно пробуксовывающих. И эти сыновья рискуют уйти от нас прямоком либо на Камышинский полигон, либо в Чечню, либо еще куда-то, откуда дороги нет.

Наше новейшее средневековье, или Военные преступники Всея Руси

В России есть два типа современных военных преступников — чьи деяния связаны со второй чеченской войной, начавшейся в августе 1999 года. Как раз тогда ж Владимир Путин был назначен президентом Ельциным премьер-министром страны. Война длилась все время первого президентского срока Путина и не прекратилась до сих пор.

Дела о военных преступлениях имеют одну сходную черту — все они идеологические. Как говорится, «закон отдыхает». Те, кто осужден, получили свои приговоры не в соответствии с юридической процедурой, основанной на законах, а следуя порывам идеологических ветров, которые дули из Кремля на момент их осуждения.

Итак, первый тип — сюда входят военные преступники, которые действительно воевали. С одной стороны, из числа федеральных военнослужащих, участвовавших в так называемой «антитеррористической операции» в Чечне. С другой стороны, боевики — те, с кем воевали федералы. Первых отмывали от преступлений. Вторым юридически неряшливо натягивали преступления. Первых правосудие (прокуратура и суд), даже при наличии доказательств вины (а это тоже большая редкость, когда прокуратура даже собирала против них доказательства), выводило из-под удара. Вторых втаскивало под самый жесткий из возможных приговор.

Самый известный «федеральный» пример — дело полковника Буданова, командира 160-го танкового полка Министерства обороны России, 26 марта 2000 года (в день выборов президента Путина) похитившего, изнасиловавшего и убившего 18-летнюю чеченскую девушку Эльзу Кунгаеву, жившую в родительском доме в селении Танги-Чу, на окраине которого был временно дислоцирован полк командира Буданова.

Самый известный пример осужденного военного преступника-боевика — Салман Радуев. Радуев — один из знаменитых чеченских полевых командиров, бригадный генерал, совершавший террористические рейды еще с первой чеченской войны, командующий так называемой «Армией генерала Дудаева» — был пойман в 2001 году, осужден к пожизненному заключению и при невыясненных обстоятельствах погиб в Соликамской тюрьме для особо опасных преступников (Соликамск — известный «тюремный» город на Урале, в Пермской области, где находятся соляные копи, место традиционной ссылки для многих поколений людей еще с царских времен). Радуев также — символ непримиримого бойца, сражавшегося за чеченскую свободу от России. Судебных дел, подобных радуевскому, очень немного, и, как правило, их рассматривали в закрытых процессах, пряча информацию от общества, хотя, зачем именно так поступали, непонятно; и впоследствии, изредка и тайно, можно было с большим трудом познакомиться с материалами уголовных дел на боевиков, и, оказывалось, что они также идеологические, но только со знаком «наоборот». То есть, не заботясь о доказательствах, им приписывали преступления, следуя принципу: «надо осудить», и, что ни предъяви, ничего оспорено не будет.

Таким образом, вся первая категория военных преступников не прошла настоящей юридической процедуры. И это самый главный результат. После вынесения приговоров чеченские боевики недолго жили в далеких колониях и тюрьмах. Они погибали при неизвестных обстоятельствах — их «убирали» по желанию власти, в чем уверены, как показывали социологические опросы, даже те люди в России, которые поддерживают усилия правительства и президента, ведущих войну в Чечне, поскольку у нас практически никто не верит в непредвзятость отечественного правосудия и верят в его политическую ангажированность.

Второй тип — это военные преступники, «кто оказался рядом». Случайные люди, попавшие под колесо истории. Не воевали, но чеченцы, и «нужно» было осудить. Типичный пример — дело Ислама Хасуханова. В его деле — все, как в 37-м году. Будто Сталин жив, и ЧК действует. Выбитые показания, пытки,

применение психотропных средств с целью сломить волю. Именно этим адским путем прошли большинство чеченцев, которые попали в застенки не только ФСБ, но и других силовых структур, беспредельничающих в Чечне, где пытаются у кадыровцев (отряд последователей Ахмат-Хаджи Кадырова, марионеточного промосковского главы администрации Чечни), пытаются в военных комендатурах, пытаются в ямах при воинских частях, в следственных изоляторах при отделах милиции...

Руководит и направляет эту работу ФСБ. Люди Путина. Под патронажем Путина. Выполняя желание Путина.

Часть первая.

Сталин с нами навсегда

Ислам Хасуханов: «...У меня четырнадцать переломов ребер, один осколок ушел в почку, проломлен череп, перебиты руки... не думаю, что я выживу».

ДОСЬЕ

Хасуханов Ислам Шейх-Ахмедович — родился в 1954 г. в Киргизии. С 1973 г. — в армии. Окончил Киевское высшее военно-морское политическое училище. С 1978 г. — на Балтийском флоте. С 1989 г. — на Тихоокеанском флоте. Офицер-подводник с военной академией за плечами — элита флота. В 1991 г. окончил Военно-политическую академию им. Ленина в Москве. Уволился в запас в 1998 г. в чине капитана первого (высшего) ранга с должности заместителя командира большой атомной подводной лодки «Б 251». С 1998 г. жил в Грозном. Был начальником военной инспекции при правительстве Аслана Масхадова и начальником его оперативного штаба. Женат, имеет двоих сыновей. Вторая жена — племянница Аслана Масхадова, дочь его старшего брата. Не воевал ни в первую, ни во вторую чеченскую войну. Не скрывался от властей. Жил по собственному паспорту. Был арестован 20 апреля 2002 года в районном центре Шали спецподразделениями ФСБ как «международный террорист» и «один из организаторов незаконных вооруженных формирований». Осужден Верховным

судом Республики Северная Осетия-Алания к 12 годам лишения свободы в колонии строгого режима.

Предыстория суда

Что творится с человеком, когда его хватает современная ФСБ? Не тот ЧК, что в 37-м, из страшных книжек, из солженицынского ГУЛАГа, а современная, наших дней, благосостояние которой обеспечивается налогоплательщиками.

Об этом в России теперь много разговоров и страхов. Никто ничего не знает, но все всего боятся, как это было раньше. И тоже, как и прежде, при советской системе, лишь очень редко что-то выходит наружу. Дело Хасуханова — именно такой случай. Только узнав все его кошмарные детали, ты понимаешь шокирующий смысл последнего слова подсудимого Ислама Хасуханова, сказанного перед тем, как был вынесен приговор: «На сентябрь 2000 года я во многим был не согласен с Масхадовым и не скрывал это от него, я видел другие решения... Но сейчас, после того, что испытал, я с ним согласен».

...Согласно материалам уголовного дела № 56/17, Ислам Хасуханов был задержан в чеченском райцентре Шали, на улице Маяковского, 27 апреля 2002 года, за «хранение и ношение оружия». Статья 222 Уголовного кодекса Российской Федерации. То есть, должно быть... это самое оружие...

Но вооруженные люди в масках, как это обычно бывает в Чечне, ворвались тогда на рассвете в дом родственников Хасуханова, где он жил с семьей, и утащили его неизвестно куда, даже не подбросив ему оружия, а своего у Хасуханова не было. Федеральные спецподразделения, промышляющие в Чечне в поисках «международных террористов», давно уже полностью уверенные в собственной вседозволенности, на сей раз действовали по наводке информатора и шли наверняка «брат» одного из «руководителей незаконных вооруженных формирований» (НВФ — устойчивая аббревиатура в воюющей России), участь которого была запрограммирована — умереть... И поэтому никакого пистолета

или автомата в качестве вещественного доказательства ни в одном процессуальном документе этого дела так и не зафиксировано. Но...

Статья осталась — 222-я. Впрочем, как и само фальшивое число, когда его уволокли из семьи — «27 апреля». На самом деле Хасуханова арестовали еще 20 апреля, и это типичная для нашей «антитеррористической операции» ситуация. Забирают человека в никуда, и первая неделя его заключения — самая страшная. Человека как бы «нигде нет», он ни за кем — ни за одной правоохранительной структурой — не числится, его ищут везде родственники, а он будто бы «не существует» — это время, когда из него спецслужбы выбивают все, что им надо.

Время с 20 по 27 апреля Хасуханов не очень помнит — все плыло перед ним, как в предсмертной агонии. Побои — уколы — побои — уколы... И больше ничего.

...Из протокола судебного заседания, десять месяцев спустя после той страшной недели, с 20-го по 27-е:

— Первые семь дней я находился в здании ФСБ в Шали, где меня избивали. С тех пор у меня четырнадцать переломов ребер, одно ребро в почке...

Чего хотели от Хасуханова прежде, чем он умрет от побоев, — а ему был уготован именно этот исход? От него требовали вывести на Масхадова — и дальше он мог умирать. Но проблема была в том, что Хасуханов все никак не выводил. И все никак не умирал... Обладая недюжинным здоровьем подводника.

Так, 30 апреля его решили легализовать. Для этого приволокли (оформив санкцию тогдашнего прокурора Чечни Александра Никитина) в изолятор временного содержания (ИВС) другого чеченского райцентра — станицу Знаменскую. Хасуханова сдали в тот самый ИВС, который был стерт с лица земли взрывником-самоубийцей 12 мая 2003 года, и тогда, после взрыва, в Чечне

говорили: туда и дорога, поделом, скольких людей пытали в этом изоляторе... Сколько не выдержали пыток, и их тайно похоронили вокруг...

Хасуханов появился в Знаменской, похожим на саму смерть. Он был, как мешок с мясом, но дышал. И в Знаменской пытки продолжились. Ими руководил подполковник юстиции Анатолий Черепнев, заместитель начальника следственного отдела УФСБ РФ (Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации) по Чечне. Именно Черепнев стал главным «по Хасуханову» следователем — и одновременно руководящей и направляющей силой истязаний с целью получения доказательств. Чего же требовал Черепнев?

...Из протокола судебного заседания:

— За что к вам применялось насилие?

— Во всех беседах интересовал только вопрос о том, где Масхадов и где подводная лодка, которую я, якобы, хотел угнать. Вот два вопроса, из-за которых ко мне применяли насилие...

С первым пунктом все было более или менее ясно — Хасуханов не привел к Масхадову, да, собственно, и не мог привести. Он видел его в последний раз в 2000 году, а если и общался с ним, то виртуально — посредством аудиокассет: Масхадов, когда ему надо было, наговаривал и присылал Хасуханову через посыльного (один из них и стал информатором ФСБ, приведшим к Хасуханову), а Хасуханов изредка отвечал... В последний раз, перед арестом, Масхадов прислал Хасуханову аудиокассету в январе 2002 года, а за два дня до ареста, в апреле 2002 года, Хасуханов решил ответить... О чем были эти кассеты? Обычно Масхадов просил зафиксировать Хасуханова (для истории, видимо), кому из полевых командиров он, Масхадов, сколько денег передал. О том, почему именно Хасуханова Масхадов просил об этом — позже...

А пока — сюжет о «подводной лодке», он стоит того, чтобы о нем рассказать подробнее. Напомню, Хасуханов — подводник с достаточно высоким званием и должностью перед уходом в запас. И Хасуханов — единственный чеченец, который когда-либо (в советские и постсоветские времена) был офицером атомного подводного флота. Так вот, Черепнев стал подтягивать Хасуханова к «планированию членами НВФ захвата подводной ядерной лодки, завладения ядерным зарядом, захвата заложников из числа депутатов ГД, выдвижения требований об изменении конституционного строя РФ путем угрозы взрыва ядерного заряда и убийства депутатов» (это цитата из письма-запроса Черепнева в прокуратуру Чечни с требованием очередной санкции на продление ареста, которая была удовлетворена заочно).

Подтягивал, но тоже не вышло. Хасуханов не сдавался. И опять же — не мог сдаться. Потому что в 92-м году он сам «строил» (как говорят на флоте — то есть следил от имени будущего экипажа за строительством лодки на верфи, уже зная, что будет на ней служить) ту подлодку, которую ему «приписывал» теперь Черепнев. И была эта лодка ему дорога больше остальных — и не мог он ее хотеть захватить...

К сюжету «Захват подлодки» Черепнев готовился основательно. В ФСБ были сфабрикованы специальные документы, которые как бы писали боевики по агентурным данным Хасуханова. Это — «Рабочий план чеченских НВФ по проведению диверсионной акции на территории РФ и самодельные карты базирования 4-й флотилии АПЛ ТОФ» и «План проведения диверсионной акции на территории России». Естественно, с припиской: «Разработка операции произведена на основании визуальной и агентурной разведки в интересующем нас районе в течение декабря 1995 года», и вот именно под этими словами Хасуханов должен был поставить свою подпись...

Но он все не ставил, и так и не поставил... И тогда били его в ФСБ все изощреннее. Хотя куда уж больше, неизвестно. И теперь уже за то, что ломает планы...

Единственное, чего в результате добились Черепнев от Хасуханова, так это, чтобы тот, не помня себя от боли и психотропов, подписал («завизировал» — так это будет звучать позже в судебном приговоре) чистые бланки «приказов и боевых распоряжений Масхадова». И позже Черепнев вписал туда то, что считал нужным. Вот пример такой фальсификации (из текста обвинительного заключения по делу): «2 сентября 2000 года Хасухановым издано боевое распоряжение, которым всем полевым командирам предписывалось разбросать на автодорогах и маршрутах передвижения федеральных сил мелкие гвозди, болты, гайки, шарики с целью маскировки мин и фугасов... Тем самым, используя свою руководящую роль в НВФ, своими умышленными действиями, Хасуханов склонял других участников НВФ к совершению актов терроризма, направленных на противодействие наведению на территории Чеченской Республики конституционного порядка...».

Еще Черепнев требовал от Хасуханова подписывать, не глядя, протоколы допросов. И они получались следующего качества:

«Вопрос (как бы его задает Черепнев): Вам предъявляется ксерокопия обращения к российским офицерам № 215 от 25 ноября 2000 г. Что вы можете показать?»

Ответ (как бы отвечает Хасуханов): Подготовка и распространение подобного рода документов являлись составной частью пропаганды, проводимой оперативным управлением ВС ЧРИ под моим непосредственным руководством. Данные обращения были направлены на противодействие российским СМИ в части, касающейся освещения ими хода контртеррористической операции. Я понимал, что распространение подобного рода документов может привести к дестабилизации положения на территории ЧР, но продолжал действовать...».

Типичный военный слог. Целый месяц, набирая ТАКОГО материала, пытали Хасуханова в Знаменской.

...Из протокола судебного заседания:

— А когда я уже из-за избиений ничего не понимал и ни на что не реагировал, то меня под уколами перевезли в ФСБ Северной Осетии. Меня там не хотели принимать в СИЗО (*следственный изолятор*. — Прим. авт.) из-за побоев, врач сказал, что я через двое суток умру, и тогда меня отвезли на лесзавод — учреждение ЯН 68-1.

— Вы медицинскую помощь получали?

— Я просто лежал в лесзаводе, где три месяца приходил в себя.

Что это такое — «лесзавод»? Изредка, в историях о без вести пропавших в Чечне после зачисток, это место всплывает. Одни, кто там побывал и выжил, называют его по российской, со сталинских времен, устойчивой привычке «лесоповалом», другие «лесзаводом» (официальное наименование — учреждение № ЯН 68-1, ведомственно принадлежащее Министерству юстиции Республики Северная Осетия).

О «лесзаводе» известно, что там, действительно, принимают от сотрудников правоохранительных органов (в первую очередь от фээсбэшников) избитых до полусмерти людей и закрывают глаза на то, что у них нет документов. То есть это те самые люди-никто, бесследно исчезнувшие в результате встречи с федералами.

И большое спасибо тем, кто работает в «лесзаводе», за то, что они принимают в свое учреждение нелегалов и нелегально, — они многих так спасли от верной смерти. Из тех, кому полагалось умереть, но кого федералы просто поленились застрелить по дороге из Чечни в Осетию, или кого, уже безнадежных, сюда везли именно умирать, чтобы самим руки не марать... Сколько и кого тут в результате умерло за вторую чеченскую войну и от кого не осталось даже могильного холмика — не знает никто. Зато известно, сколько выжило. Хасуханов

— один из чудом спасенных. Его пожалел охранник. Просто пожалел, и все — и каждое свое дежурство приносил из дома парное молоко.

Так Хасуханов снова выжил и, значит, опять предстал перед Черепневым. В чеченском УФСБ такая система заведена: раз выжил, будет суд, выживают немногие — поэтому и судов мало над «международными террористами». Но, тем не менее, суды быть должны: в общей структуре «антитеррористической операции» отдельных «террористов» полагается осуждать, поскольку отчетности об этом время от времени требуют у Путина западные лидеры, а он того же самого требует от ФСБ и Генеральной прокуратуры. Вот они и стараются. Если кто выживает...

Владикавказ

Владикавказ — столица Республики Северная Осетия-Алания, граничащей с Чечней и Ингушетией. И Осетия — полноправный участник «антитеррористической операции». Тут находится Моздок — самая главная военная база, где формируются федеральные подразделения перед отправкой в Чечню. (И именно поэтому Моздок стал ареной двух крупных терактов с участием смертников 2003 года — 5 июня (женщина-камикадзе взорвала себя, войдя в автобус, перевозивший военных летчиков) и 1 августа, когда грузовик с тонной взрывчатки, за рулем которого был мужчина-камикадзе, взрезался в военный госпиталь.)

Во Владикавказе же, в североосетинской столице, традиционно проходят многие суды по сфабрикованным делам над «международными террористами». Местные адвокаты работают скорее не защитниками, а некой четвертой силой в тесной связке с судом, ФСБ и прокуратурой и поддерживают усилия о выведении «международных террористов» на чистую воду.

Тут же, во Владикавказе, сотрудники УФСБ по Чечне также часто подолгу работают, предпочитая вывозить своих жертв и вести их допросы в здании местного УФСБ. Чтобы подальше от войны — всем хочется жить.

Так было и на сей раз. Черепнев приехал во Владикавказ к Хасуханову и, прежде всего, взял ему адвоката. Обратите внимание: с 1 июля 2003 года в России действует новый и очень передовой, лучших европейских стандартов Уголовно-процессуальный кодекс, который вообще запрещает, среди прочего, допрашивать подозреваемого без адвоката, но тем не менее, «когда требуется», у нас все бывает по-прежнему. Защитника у Хасуханова не было с 20 апреля до 9 октября 2002 года. Вообще. Целых полгода. Ровно до тех пор, пока на «лесзаводе» у него срослись кости черепа, рук и ребер, и можно было готовить его к появлению в суде.

Интересно, как все было оформлено. 8 октября Черепнев вызвал Хасуханова на допрос и сказал, что он должен написать ходатайство на его имя. И продиктовал следующее: «Прошу вас предоставить мне адвоката на предварительном следствии... До настоящего времени в услугах адвоката не нуждался, в связи с чем претензий к органам следствия по данному вопросу не имею... Адвоката прошу пригласить на усмотрение следователя...».

Итак, 9 октября у Хасуханова был первый допрос с участием владикавказского защитника Александра Дзилихова. Естественно, Хасуханов посчитал его не адвокатом, — а просто очередным сотрудником ФСБ, представившимся адвокатом... По-другому он считать и не мог. Впрочем, Дзилихов тоже ничего не сделал такого, что бы повернуло Хасуханова к нему, — Дзилихов не давал своему подзащитному никаких советов. Просто сидел на допросах и молчал.

...Из протокола судебного заседания:

— Вы можете сказать, есть ли разница между показаниями, которые вы давали до присутствия адвоката и после? И какая это разница?

— Да, есть разница. Раньше, когда допрос заканчивался, мне не давали читать протоколы, а когда появился адвокат, то давали читать...

Всего таких допросов в присутствии защитника у Хасуханова было три. 9, 23 и 24 октября — точнее, Черепнев просто за эти три дня переписал показания, выбитые в Знаменской, на новые бланки, и это стало «показаниями в соответствии с УПК». (*УПК — Уголовно-процессуальный кодекс России.* — Прим. авт.)

25 октября Черепнев назначил последний день следствия. И объявил Хасуханову, что очень скоро он получит для ознакомления текст обвинительного заключения, и его задача — побыстрее подписать этот текст... Чтобы у Хасуханова не осталось иллюзий, на два дня, 29 и 30 октября, Хасуханова опять куда-то возили из СИЗО, и, конечно же, без адвоката... Куда, он не знает — ему надевали на голову мешок. Но зачем, скоро понял: потому что возили его как бы на расстрел. «Ну все, тебе конец», — приговаривали охранники, передергивая затворы.

Естественно, это была имитация расстрела — поугатать, чтобы не сопротивлялся и подписал все, что есть в обвинительном заключении...

Подписал, конечно... Кто стоял под расстрелом, знает, что сопротивляться сложно. Кто не стоял — пусть почитает Достоевского. Так вот, Хасуханов опять не сломался и впоследствии, на суде, отрицал то, что легло в основу обвинительного заключения (утвержденного новым прокурором Чечни Владимиром Кравченко и текст которого потом почти полностью переключал в приговор судьи Валерия Джиеова).

Далее — цитаты из них обоих с необходимыми комментариями, чтобы было ясно: не фабрикуются дела на бумаге, и никто из фабрикующих этого не боится, чувствуя полную поддержку сверху, не боится даже того, что эти бумаги остаются для истории, которую в России традиционно переписывают по прошествии времени...

«В апреле 1999 г. Хасуханов... добровольно вступил в вооруженное формирование, не предусмотренное федеральным законом... Хасуханов вышел на связь с помощником Масхадова — Хамбиевым Магомедом, который предложил ему оказать своим опытом помощь Масхадову в организации работы создаваемой НВФ — «Военной инспекции»...

Вы поняли, о чем речь? О том, что после ухода в запас Хасуханов приехал домой, в Грозный, и, будучи офицером с академическим образованием, — а таких чеченцев просто не было, — был приглашен Масхадовым на работу в правительство. В 1999 году это было обычное республиканское правительство, финансируемое из Москвы, а Масхадов был законно избранным президентом Чечни, признанным Москвой... «Военная инспекция», куда Масхадов пригласил Хасуханова, была ему нужна как воздух. Чеченское чиновничество разнузданно воровало — как, впрочем, и московское, и нужен был знающий человек, способный контролировать именно военные финансовые потоки. Прежде всего, приходящие из федерального казначейства. Так какое же это «НВФ»?

...Из протокола судебного заседания:

— Вы считали действия президента Масхадова законными? — Был вопрос прокурора.

— Да. Я не мог знать, что Масхадов, правительство и силовые ведомства будут признаны незаконными. Я знал, что Масхадов — президент, он был признан и федеральным руководством, с его министрами встречались, выделялись финансовые средства, и, естественно, я не знал, что вступаю в НВФ...

— Вы занимались проверкой финансово-хозяйственной службы МВД ЧРИ (Министерства внутренних дел Чеченской Республики Ичкерия. — Прим. авт.)?

— Да, в июне 1999 года я доложил Масхадову о результатах проверки. Я перечислил все, на что были израсходованы деньги. Все эти сведения я получил тогда в МВД Российской Федерации. Все эти сведения были официально получены. Я и не подозревал ничего незаконного.

...В работу Хасуханова перед войной действительно входили проверка финансово-хозяйственной деятельности и организация системы учета и контроля за денежными средствами, выделяемыми на содержание силовых структур Чечни — МВД, Национальной и Президентской гвардий, Главного штаба. Летом 99-го он выяснил, что через Главный штаб проходят значительные суммы денег на оружие и обмундирование, но, к примеру, те гранатометы, которые на эти деньги Министерство обороны заказывало на грозненском заводе «Красный молот», заведомо непригодны для боевых действий, и, значит, это осознанный грабеж средств.

То же было с военным обмундированием: его шили в чеченском городе Гудермесе по 60 рублей за комплект, но по документам проводили, как «сделано в Прибалтике», и цена поэтому значительно выше...

Обо всем этом Хасуханов доложил Масхадову, и у начальника Военной инспекции тут же начались проблемы с силовым окружением президента, причастного к разбазариванию средств. Но уже через неделю работы в Военной инспекции Масхадов назначил Хасуханова на должность начальника своего штаба — именно потому, что Масхадов остро нуждался в честных людях.

На календаре был конец июля 99-го. Приступил к работе начальник штаба Хасуханов в августе — за несколько дней до начала второй чеченской войны. В ней Хасуханов отказался принимать участие...

При чтении протоколов судебных заседаний (а суд был закрытый) не покидает ощущение заданности. Вроде бы Хасуханов должен быть надолго осужден за что-то очень серьезное... Но о чем, там не сказано... И остается

догадываться по косвенным признакам... И, быть может, тогда, в 99-м, Хасуханов выяснил что-то такое, что ему аукнулось в 2002—2003-м... Не за тайну ли тех самых разворованных федеральных средств, выделенных на силовые структуры Чечни через силовые структуры федерального центра, его решили осудить? То есть того самого воровства, которое во многом, как подозревают, и привело к началу второй войны, — чтобы концы были навсегда спрятаны в воду? И именно поэтому военная верхушка России сегодня так непримирима к мирным переговорам?..

И снова цитата из обвинительного заключения (а также и приговора): «Хасуханов, активно принимая участие в деятельности НВФ, в 1999 году занимался вопросами, связанными с финансированием НВФ... Разработал и осуществил на практике систему учета денежных средств, направляемых на содержание НВФ «Национальная гвардия», «Главный штаб» и МВД самопровозглашенной «Республики Ичкерия». Проявив на этой должности организаторские и деловые качества, Хасуханов в конце июля 1999 года был назначен Масхадовым на должность начальника своего штаба. Активно участвуя в деятельности указанного НВФ, Хасуханов участвовал в выработке основных решений по противодействию, в том числе вооруженному, силам федерального правительства в наведении ими конституционного порядка на территории ЧР...».

Читается просто смешно. Если не знать, чем заплатил Хасуханов за столь наглую фальсификацию истории силами ФСБ...

...Из протокола судебного заседания:

— Скажите, какая была необходимость лично вам находиться в Чечне с начала боевых действий и по день задержания?

— Я не считал для себя возможным повернуться спиной к Масхадову, потому что считал его законно избранным президентом. Я не мог прекратить войну и делал все, что было в моих силах... Я иногда исполнял его просьбы... Я по лесам не в состоянии был ходить, но то, что я мог делать, я делал. Я видел, как погибают

люди, и знаю, как наводится конституционный порядок. Я не буду скрывать, что вся эта война — геноцид. Но я никогда не призывал к совершению терактов.

— К уничтожению федеральных войск призывали?

— Для того чтобы призывать, надо руководить людьми. А я ими не руководил.

— Находился ли кто-нибудь из полевых командиров непосредственно в вашем подчинении?

— Нет.

...Передо мной — документы ДСП (*для служебного пользования*. — Прим. авт.). Готовя дело к суду, Черепнев разослал во ВСЕ районные (низовые) отделы ФСБ по Чечне запросы о том, какие «акты терроризма» на территории их районов были осуществлены по «боевым распоряжениям начальника оперативного штаба ВС ЧРИ Хасуханова». Напомню: «боевым распоряжениям», которые Хасуханов подписывал на следствии как чистые бланки, а Черепнев потом вписывал (сочинял) то, что хотел, и то, что требовалось...

И, естественно, ВСЕ начальники районных отделов ответили: никакие, Хасуханов ни за каким терактом не числится... И это же не боевики прислали Черепневу бумаги, — а «свои»... Но машина обязательного осуждения «руководящего члена НВФ» — как теперь, после того как он выжил, стали называть его дело — продолжала крутиться. Вопреки фактам и доказательствам. И суд не обратил на эту стопку бумаг ДСП ровным счетом никакого внимания... Как и прокуратура.

Суд

Процесс по делу Хасуханова прошел в закрытом режиме и на очень большой скорости: с 14 января по 25 февраля 2003 года, в Верховном суде

Республики Северная Осетия-Алания, с председательствующим Валерием Джиевым. Этот суд не увидел ничего противоестественного ни в чем. Ни в полугодичном отсутствии адвоката. Ни в том, что пригласили его те, кто бил. Ни в том, что подсудимый был неизвестно где с 20 по 27 апреля. Ни в пытках. Хотя СУД и ПРИЗНАЛ ПЫТКИ, НО НИКАК НА ЭТО НЕ ОТРЕАГИРОВАЛ. Вот цитата из приговора: *«В ходе расследования Хасуханов не давал признательных показаний, но под психологическим и физическим давлением со стороны работников ФСБ вынужден был подписывать готовые протоколы допросов.*

— Вы говорили, что к вам было применено насилие? — спросил судья Хасуханова. — Вы можете назвать фамилии лиц, которые применяли к вам насилие?

— Назвать не могу. Так как не знаю их.

И суд пошел дальше — раз палачи не показали жертве удостоверений личности перед расправой. И даже отказал в медицинской экспертизе, наблюдая перед собой человека со вмятиной в черепе. Только что и сделал суд, так это запросил начальника «лесзавода» Теблоева, находился ли Хасуханов в медсанчасти его учреждения. И когда начальник ответил: «Да, находился. С 3 мая по сентябрь 2002 года, с диагнозом: ушиб грудной клетки», суд просто это «скушал», даже не позволив себе удивиться, что с «ушибом грудной клетки» человек четыре месяца находится в медсанчасти...

«Подсудимый Хасуханов (цитата из приговора) в судебном заседании вину свою в совершенных преступлениях не признавал... Сообщил, что считал своим долгом выполнять отдельные просьбы и поручения законно избранного президента Масхадова. Не приготавливался к совершению террористических актов, не занимался финансированием полевых командиров. Подтверждает лишь то, что некоторые приказы, распоряжения Масхадова заверял собственноручной записью «копия верна»...

И все?

И — все. Итог — 12 лет колонии строгого режима. Без права на амнистию. И — самое последнее слово подсудимого: «Я хочу сказать, что не собираюсь отрекаться от своих убеждений. То, что происходит в Чечне, считаю грубейшим нарушением прав людей. Действительных преступников никто не ловит. И пока будет происходить то, что происходит, таких, как я, на скамье подсудимых будет много».

Нас накрывает такой мрак, из которого мы уже однажды выползали несколько советских десятилетий подряд. Историй о том, как пытками ФСБ фабрикует дела в нужном себе идеологическом ключе, допуская суд и прокуратуру себе в прислужницы, становится все больше. И их уже так много, что они не исключение, они заполняют все пространство вокруг каждого из нас, — и не представляется возможным вести речь о какой-либо случайности.

Это значит: наша Конституция умирает, невзирая на наличие в стране гаранта Конституции. И ФСБ назначена ответственной за ее похороны.

...Странные вещи творятся вокруг меня. Все «западники» — мы так называем европейцев и американцев, — то есть люди с Запада, столь увлеклись Путиным, так его полюбили, что... панически боятся что-то сказать против.

Узнав, что Хасуханова привезли на «Красную Пресню» — в знаменитую московскую пересыльную тюрьму, в тюремную сортировку, откуда осужденных обычно распределяют по этапам, отправляющимся в другие части страны, — я позвонила в московское бюро Международного Красного Креста. Сотрудники этой организации — почти единственные — имеют возможность навещать тюремные камеры и конкретных осужденных и подсудимых.

Я позвонила, потому что знала: после пыток, через которые прошел Хасуханов, он — живой труп. Состояние его здоровья крайне тяжелое. Я

попросила их навестить Хасуханова, пока он в «Красной Пресне», помочь ему с лекарствами, попросить тюремное начальство о лечении, договориться о регулярном посещении...

Прошла неделя, в течение которой московское бюро рассматривало мою мольбу о помощи. И — отказало, промямлив в ответ, что «это очень сложно»...

Я знаю смысл этих ответов, им цена — страх. Перед ФСБ. И нежелание хоть в чем-то перечить путинской политике. Позор, между прочим.

Часть вторая.

Прецедент полковника Буданова

25 июля 2003 года в Ростове-на-Дону, в военном суде Северо-Кавказского округа, был, наконец, вынесен приговор теперь уже бывшему полковнику Российской армии Юрию Буданову — обладателю двух орденов Мужества, участнику и первой, и второй чеченских войн — 10 лет, которые он должен провести в колонии строгого режима за преступления, совершенные в Чечне, в ходе проведения так называемой «антитеррористической операции» (второй войны), за похищение и убийство с особой жестокостью чеченской девушки Эльзы Кунгаевой.

Судебным решением от 25 июля Буданов был также лишен воинского звания и всех государственных наград. Дело Буданова, начавшееся в день выборов президента Путина (26 марта 2000 года), продолжалось больше трех лет из четырех лет второй чеченской войны и стало огромным испытанием для всего нашего общества: от Кремля до жителя самой маленькой деревушки. Мы все решали и пытались ответить на вопрос: кто они — солдаты и офицеры, ежедневно убивающие, грабящие, пытающие и насилюющие в Чечне? Типичные уголовники и военные преступники? Или же бескомпромиссные и жесткие участники всемирной борьбы с международным терроризмом всеми доступными ими способами, и, значит, благородная цель спасения человечества оправдывает средства, которые

они используют? В результате дело Буданова стало совершенно политическим для страны — настоящим символом нашего времени. Все, что попало на эти годы в мире и России — 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, войны в Афганистане и Ираке, создание международной антитеррористической коалиции, теракты в России, захват заложников в Москве в октябре 2002 года, чеченские женщины, беспрестанно подрывающие себя, палестинизация второй чеченской войны как ответ, в том числе, и на действия Буданова в Чечне, и на ход судебного процесса над ним, который чеченцы посчитали оскорбительным для своей нации, — все вместило это дело — яркое, трагичное и драматичное. Оно вывернуло наизнанку все наши проблемы, всю нашу жизнь вокруг второй чеченской войны, весь наш иррационализм по отношению к этой войне и времени правления Путина, все наши понимания, кто же прав на Северном Кавказе, а кто виноват, и, главное, какие болезненные изменения претерпела при Путине и на фоне войны система отечественного правосудия. Судебная реформа, которую пытались внедрить демократы и всячески двигал Ельцин, рухнула под напором дела Буданова. Потому что три с лишним года нам демонстрировали, что независимого суда, невзирая на реформу, нет. А на его месте — суд по политическому заказу, в зависимости от сиюминутной политической конъюнктуры, и, более того, этот заказ большинству населения кажется вполне нормальной вещью. Современный российский человек — человек времен правления президента Путина, с промытыми пропагандой мозгами, опять в большинстве своем мыслящий по-большевистски, но все-таки еще не полностью разучившийся самостоятельно думать, как это позволялось при президенте Ельцине, — наш человек не станет спешить с ответом, обязан быть суд политическим или все-таки по закону, и, скорее всего, призадумается над этим вопросом...

25 июля 2003 года родители зверски задушенной полковником Эльзы Кунгаевой, понимая лучше других, что творится, даже не пришли в зал судебных заседаний — они были уверены, что последует оправдательный приговор палачу их дочери.

Однако, произошло чудо, уже никем практически и не ожидаемое. Чудо — и одновременно подвиг судьбы Владимира Букреева. Подвиг, потому что он посмел вынести обвинительный приговор. Да еще с таким большим, не формальным, сроком заключения для Буданова. И, тем самым, пойдя против всей российской военной среды, активно поддерживающей Буданова и оправдывающей его поступки на войне. Несмотря на огромное и очевидное давление из Кремля и Министерства обороны (а система военных судов в России — это часть Вооруженных сил страны, где Верховный главнокомандующий, согласно Конституции, — президент), судья Букреев решил, что Буданов должен получить, что заслужил. При этом еще раз доказав: в России по-прежнему нет системы правосудия, а есть судебная система обслуживания политических заказов, против которой если кто и может выступить, так это лишь герой-одиночка. Вот как все было — как развивалось дело Буданова.

Дело

Начнем с документов — чтобы избежать мифологии, царящей в связи с делом Буданова как в российском обществе, так и в кругах европейских поклонников Путина. Что же такое военное преступление в современной России? Чтобы ответить на этот вопрос, позвольте процитировать, к примеру, обвинительное заключение по уголовному делу № 14/00/0012-00 (дело Буданова).

Эти цитаты очень ярко, хоть и написаны сухим прокурорским языком, демонстрируют реальную атмосферу второй чеченской войны лучше любой публицистики. Обстановку в частях, дислоцированных в зоне так называемой «антитеррористической операции», где царит почти повсеместная полная армейская анархия. Эта анархическая атмосфера в конечном счете и стала причиной и почвой для того, что совершил Юрий Буданов, теперь уже бывший полковник-танкист, командир элитного подразделения Российских вооруженных сил, сам — армейская элита (выпускник Военной академии), увенчанный всеми высшими наградами страны в знак признания его боевых заслуг.

«ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

в отношении полковника в/ч 13206 (160-й танковый полк) Буданова Юрия Дмитриевича, обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч.2 ст.105; ч.3 ст.126; п.п. «а», «в» ч.3 ст.286 УК РФ, и подполковника в/ч 13206 Федорова Ивана Ивановича, обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных п.п. «а,б,в» ч.3 ст.286 УК РФ.

(Необходимое пояснение: дело Буданова начиналось, как дело Буданова и Федорова, командира полка и его заместителя, — 26 марта 2000 года они совершали преступления и вместе, и порознь, но впоследствии подполковник Федоров был оправдан, поскольку его жертва осталась жива и публично простила его прямо в зале судебного заседания.)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ СЛЕДСТВИЕМ установлено:

Буданов Юрий Дмитриевич 31 августа 1998 года был назначен на должность командира В/ч 13206 (160-го танкового полка). 31.01.2000 Буданову было присвоено воинское звание «полковник». Федорову Ивану Ивановичу 12 августа 1997 года было присвоено звание «подполковник». 16 сентября 1999 года Федоров был назначен на должность начальника штаба — заместителя командира в/ч 13206 (160-го танкового полка). 19 сентября 1999 года, на основании директивы Генерального штаба Вооруженных сил РФ № 312/00264, в составе в/ч 13206 Буданов и Федоров убыли в командировку в Северо-Кавказский военный округ и в дальнейшем в Чеченскую Республику для участия в контртеррористической операции.

26 марта 2000 года в/ч 13206 находилась в пункте своей временной дислокации на окраине села Танги Урус-Мартановского района Чечни. Во время обеда в офицерской столовой полка Буданов и Федоров, по поводу дня рождения дочери Буданова, употребили спиртные напитки. Находясь в состоянии алкогольного опьянения, в 19 часов этого же дня, Буданов и Федоров, с группой офицеров полка и по предложению Федорова, прибыли в расположение

разведывательной роты полка, командиром которой являлся старший лейтенант Багреев Р.В.

(Необходимое объяснение: именно Роман Багреев, впоследствии, в зале суда, простит и Буданову, и Федорову то, что они сделали по отношению к нему.)

Проверив внутренний порядок в палатках подразделения, Федоров, желая доказать Буданову, что разведывательная рота, командиром которой, по его рекомендации, был назначен Багреев, может уверенно действовать в боевой обстановке, предложил Буданову проверить ее боеготовность. На это предложение Буданов первоначально ответил отказом. Однако Федоров продолжал настаивать на своем. После неоднократных предложений Федорова Буданов разрешил проверить боеготовность роты, а сам с группой офицеров направился к узлу связи. Получив разрешение, Федоров решил, не уведомляя об этом Буданова, дать команду на боевое применение штатного вооружения роты по селу Танги. При этом решение на открытие огня Федоровым было принято вне зависимости от складывающейся обстановки, без какой-либо реальной необходимости, так как со стороны Танги огонь по позициям федеральных войск не велся.

Реализуя свой план, грубо нарушая требование директивы Генерального штаба Вооруженных сил РФ от 21.02.2000 № 312\2\0091, запрещающей применение разведподразделений без всесторонней подготовки и проверки их готовности к выполнению боевых задач, Федоров отдал приказ занять огневые позиции и открыть огонь по окраине села Танги.

Исполняя команду, старший лейтенант Багреев отдал приказание личному составу роты занять позиции согласно боевому расчету и открыть огонь по одиноко стоящему дому на окраине Танги. Три боевые машины заняли боевые позиции. После занятия огневых рубежей часть экипажей роты не стала выполнять приказание Федорова на открытие огня по населенному пункту. Федоров, продолжая превышать свои должностные полномочия, стал требовать открыть огонь. Будучи раздосадованным отказом подчиненных, Федоров стал предъявлять

претензии Багрееву. В грубой форме Федоров стал требовать от Багреева, чтобы тот добился открытия огня своими подчиненными. Не удовлетворившись действиями Багреева, Федоров стал лично руководить действиями личного состава роты и в приказной форме требовать открыть огонь по окраине Танги. Он запрыгнул на одну из боевых ракетных установок и потребовал от наводчика машины прапорщика Ларина открыть огонь на поражение. Исполняя приказ Федорова, личный состав открыл огонь. В результате выполнения приказа Федорова и попадания снаряда в дом № 4 по ул. Заречной села Танги, принадлежащий жителю этого села Джаватханову А.А., стоимостью 150 тысяч рублей, дом был разрушен.

Добившись от личного состава роты выполнения своего противоправного приказа, Федоров стал хватать Багреева за одежду и продолжал в грубой форме предъявлять необоснованные претензии. Багреев, не оказывая Федорову никакого сопротивления, ушел в палатку своего подразделения.

Находясь возле узла связи полка, Буданов, услышав выстрелы в районе расположения разведроты, отдал приказание Федорову прекратить огонь и вызвал его к себе. По прибытии, Федоров доложил Буданову, что Багреев умышленно не исполнил приказ об открытии огня. По приказанию Буданова Багреев был вызван к нему. После прибытия Багреева Буданов в грубой форме стал предъявлять претензии Багрееву по поводу того, что тот своевременно не выполнил приказ Федорова на открытие огня. Буданов стал оскорблять его, а затем нанес Багрееву не менее двух ударов кулаком по лицу.

Одновременно с этим Буданов и Федоров приказали личному составу комендантского взвода связать Багреева и поместить его для отбывания наказания в яму, вырытую в расположении части. При этом Буданов схватил Багреева за обмундирование и повалил на землю. Федоров нанес Багрееву удар ногой, обутой в сапог, по лицу. Прибывший личный состав комендантского взвода связал Багреева, который лежал на земле. Далее Буданов совместно с Федоровым продолжил избиение Багреева, лежащего на земле. При этом Федоров нанес Багрееву,

лежавшему на земле, ногой, обутой в армейские полусапоги, не менее 5-6 сильных ударов по телу, в том числе и по лицу; Буданов нанес Багрееву ногами, обутыми в армейские полусапоги, не менее 3-4 ударов по туловищу.

После избиения Багреев был помещен в яму, где находился в сидячем положении со связанными руками и ногами. Спустя 30 минут после избиения Багреева Федоров вернулся к яме и, спрыгнув туда, нанес Багрееву не менее двух ударов кулаками по лицу, разбив нос до крови. Избиение Багреева было остановлено подбежавшими к яме офицерами полка. Спустя несколько минут к яме подошел Буданов. По его приказанию Багреева достали из ямы. Увидев, что Багреев сумел развязаться, Буданов вновь приказал личному составу комендантского взвода связать Багреева. Когда эта команда была исполнена, Буданов совместно с Федоровым стал снова избивать Багреева. Закончив избиение, по приказанию Федорова и Буданова, Багреева со связанными руками и ногами вновь поместили в яму. Когда Багреев уже находился в яме, Федоров спрыгнул в яму и укусил Багреева за правую бровь. В указанной яме Багреев просидел до 8 часов утра 27.03.2000, откуда был освобожден по приказанию Буданова.

В 24-м часу 26 марта Буданов, не имея на то указаний руководства вышестоящего штаба, осуществляющего руководство контртеррористической операцией, решил лично выехать в село Танги. Для проверки имевшейся у него информации о возможном нахождении в доме № 7 по ул. Заречной лиц, участвующих в НВФ (*незаконных вооруженных формированиях*. — Прим. авт.). Для выезда в Танги Буданов приказал подчиненным подготовить к выезду БМП-391 (*БМП — боевая машина пехоты*. — Прим.авт.). При выезде Буданов и члены экипажа вооружились штатным оружием автоматами АК-74 (*автоматы Калашникова*. — Прим.авт.). При этом Буданов уведомил экипаж БМП в составе сержантов Григорьева, Егорова, Ли-ен-шоу, что они едут задерживать женщину-снайпера. По этой причине члены экипажа в дальнейшем беспрекословно выполняли его приказания и команды.

В первом часу ночи 27 марта Буданов прибыл в Танги. По приказу Буданова БМП была остановлена рядом с домом № 7 по ул. Заречной, где проживала семья Кунгаевых. Буданов вместе с Григорьевым и Ли-ен-шоу зашел в дом. Там находилась Кунгаева Эльза Висаевна, 22 марта 1982 года рождения, вместе с четырьмя несовершеннолетними братьями и сестрами. Их родители в доме отсутствовали. Буданов спросил, где родители. Не получив ответа, Буданов, продолжая превышать свои служебные полномочия, в нарушение ст.13 ФЗ *(федерального закона. — Прим.авт.) «О борьбе с терроризмом»*, приказал Ли-ен-шоу и Григорьеву захватить Кунгаеву Эльзу.

Григорьев и Ли-ен-шоу, полагая, что действуют правомерно, захватили Кунгаеву и, завернув ее в одеяло, взятое в доме, вынесли ее из дома и поместили в десантный отсек БМП-391. После совершения похищения Буданов доставил Кунгаеву в расположение в/ч 13206 танкового полка. По приказанию Буданова Григорьев, Егоров, Ли-ен-шоу занесли в КУНГ *(кузов унифицированный грузовой, или вагончик для офицерского состава. — Прим.авт.)* — помещение, где проживал Буданов, завернутую в одеяло Кунгаеву, положив ее на пол. После этого Буданов отдал им распоряжение находиться возле КУНГа и никого не допускать.

Оставшись наедине с Кунгаевой, Буданов стал требовать от нее сведений о возможном местонахождении ее родителей, а также информацию о путях перемещения боевиков в Танги. Получив отказ, Буданов, не имея права допрашивать Кунгаеву, продолжал требовать от нее интересующие его сведения. Поскольку Кунгаева на все требования Буданова сообщить сведения о боевиках отвечала отказом, Буданов стал избивать Кунгаеву, нанося ей множественные удары кулаками и ногами по лицу и различным частям тела. Кунгаева пыталась оказать сопротивление, отталкивала его, попыталась выбежать из КУНГа.

Буданов, будучи уверен, что Кунгаева участвовала в НВФ и причастна к гибели его подчиненных в январе 2000 года, решил убить ее. С этой целью Буданов, схватив Кунгаеву за одежду, повалил ее на топчан и, схватив ее рукой за шею, стал с силой сдавливать ей шею. Осознавая, что, сдавливая подобным

образом шею Кунгаевой, он лишит ее жизни, желая наступления ее смерти, Буданов продолжил с силой сдавливать Кунгаевой руками шею до тех пор, пока не убедился, что она не подает признаков жизни. Только после этого он прекратил сдавливать шею потерпевшей.

Эти умышленные действия Буданова повлекли перелом правого большого рога подъязычной кости у Кунгаевой, развитие у нее асфиксии и последующую ее смерть. Осознав, что совершил умышленное убийство Кунгаевой, Буданов вызвал к себе в КУНГ Григорьева, Егорова и Ли-ен-шоу и приказал вывезти ее тело и тайно захоронить за пределами части. Данное указание Буданова экипажем БМП-391 было исполнено. Тело Кунгаевой было ими тайно вывезено и захоронено в одной из лесопосадок, о чем утром 27 марта 2000 года Григорьев доложил Буданову.

Обвиняемые Буданов и Федоров, будучи допрошенными в связи с настоящим уголовным делом, частично признавая свою вину в инкриминируемых им деяниях, изменили данные ими на первоначальном этапе следствия показания.

ОБВИНЯЕМЫЙ БУДАНОВ ЮРИЙ ДМИТРИЕВИЧ.

Допрошенный в качестве свидетеля 27.03.2000, Буданов пояснил, что 25 марта он выезжал в Танги. В одном из домов им были обнаружены мины и задержаны два чеченца. Давая пояснения об обстоятельствах конфликта со старшим лейтенантом Багреевым, Буданов отметил, что Багреева никто не избивал. При проверке боеготовности разведроты, которую он проводил вместе с Федоровым около 19 часов 00 минут 26 марта 2000 года, рота неправильно действовала по команде «к бою». Возник конфликт, Багреев в нецензурной форме оскорбил Федорова. Тогда он приказал арестовать Багреева. Буданов отрицал факт отдания Федоровым команды на обстрел Танги и факт открытия огня. В конце допроса Буданов заявил ходатайство о том, что хочет написать явку с повинной о совершении им лишения жизни родственницы граждан, принимавших участие в бандформированиях на территории Чечни.

Далее собственноручно 27.03.2000 Буданов в явке с повинной на имя военного прокурора Северо-Кавказского военного округа изложил следующее. 26 марта 2000 года он убыл на восточную окраину Танги с целью уничтожения или пленения снайперши. Прибыв в Танги в 0 часов 20 минут, зашел в дом на окраине. Там находились две девушки и два парня. На вопрос, где родители, старшая дочь ответила, что не знает. Тогда он приказал подчиненным завернуть эту девушку в одеяло и отнести в машину. Когда прибыли в часть, девушку занесли в его КУНГ. Оставшись вдвоем, он спросил у девушки, где ее мать. Ему, Буданову, по оперативной информации, было известно, что ее мать является снайпершей у боевиков. Девушка ответила, что плохо знает русский язык и не знает, где родители. На это он ответил, что она должна знать, где ее мать и сколько она убила русских. Девушка начала кричать, кусаться, вырываться. Ему пришлось применить силу. Завязалась борьба, в результате которой он порвал на девушке кофту и бюстгальтер. Девушка продолжала вырываться, тогда ему пришлось повалить ее на топчан и начать душить. Душил ее за горло правой рукой. Нижнюю часть одежды с нее не снимал. Минут через 10 она затихла, он проверил пульс на шее. Она оказалась мертва. Буданов вызвал экипаж, приказал завернуть тело в покрывало, вывезти в лесопосадку, в районе танкового батальона, и похоронить.

Допрошенный 28.03.2000 в качестве подозреваемого, Буданов показал, что 3 марта 2000 года из оперативных источников ему стало известно, что в Танги проживает снайперша. Она воюет на стороне боевиков, и ему показали ее фотографию. Все это ему стало известно от одного из жителей Танги, который имел личные счеты с боевиками. Этот же житель показал ему где-то 13-14 марта 2000 года последний дом на восточной окраине села, где проживала снайперша. 24 марта 2000 года он проехал мимо этого дома, но в дом не заходил.

26 марта он подъехал к этому дому. По имевшейся у него информации, снайперша именно ночью с 26 на 27 марта должна была быть дома. Он зашел в дом. В доме никто не спал, все были одеты. Буданов спросил, где хозяин дома, старшая девушка ответила, что не знает. Тогда он приказал подчиненным взять ее с

собой. Забрав девушку, они вернулись в расположение полка, и он с этой девушкой остался наедине в своем КУНГе.

Девушка стала кричать, оскорбила его нецензурной бранью и попыталась убежать из КУНГа. Он схватил ее и толкнул на кровать. При этом он порвал на ней кофту. Затащив ее в дальний угол КУНГа, повалил на топчан и начал душить правой рукой за кадык. Она оказывала сопротивление, и в результате этой борьбы он порвал на ней верхнюю одежду. Она успокоилась минут через 10. После того как она успокоилась, он проверил пульс, пульса не было. Вызвал в КУНГ экипаж, зашли командир экипажа и телеграфист. В этот момент девушка лежала в КУНГе в дальнем углу раздетая, на ней оставались только трусы. Вошедшим он поставил задачу завернуть ее в покрывало, в котором ее привезли, и похоронить. Его, Буданова, вывело из себя, что она не говорила, где ее мать, и, по имеющимся у него сведениям, ее мать из снайперской винтовки 15-20 января 2000 года в Аргунском ущелье убила 12 солдат и офицеров.

Будучи допрошенным 30.03.2000 в качестве обвиняемого, Буданов виновным признал себя частично и показал следующее. 23 марта 2000 года он задержал двух чеченцев. В доме, где они находились, были изъяты 60 штук 80-миллиметровых мин. Один из чеченцев, Шамиль, согласился показать Буданову дома, где проживают боевики, если они его отпустят. Одев на голову Шамиля солдатскую шапку, он посадил его в БМП и с ним проехал по селу. Именно Шамиль показал дом на восточной окраине Танги, где живет снайперша. Кроме того, им были показаны 5 или 6 домов, где живут боевики. От Шамиля ему, Буданову, стало известно, что по ночам снайперша часто приходит домой. Что у снайперши есть дочь, которая постоянно ее информирует о российских военнослужащих.

Буданов частично изменил свои показания о поведении Кунгаевой, сказав, что она говорила, что они доберутся и до него, что ему и его подчиненным живыми из Чечни не выбраться, начала выражаться в адрес его матери нецензурной бранью, после чего побежала к выходу. Последние ее слова полностью вывели Буданова из

себя. Он успел схватить ее за кофту и повалил на топчан. Рядом с топчаном стоял стол, на котором лежал его пистолет. Она пыталась рукой взять этот пистолет. Повалив ее на топчан, правой рукой держал Кунгаеву за горло, левой — за ее руку, чтобы она не могла забрать пистолет. Она стала вырываться, в результате чего на ней была порвана вся верхняя одежда. Он руку с горла не убирал, минут через 10 она успокоилась.

(Необходимые пояснения: эти постепенные изменения показаний Будановым на следствии как раз и происходили потому, что Кремль и военная верхушка страны очнулись от шока, связанного с поступком неожиданно осмелевшей прокуратуры, которая позволила себе арестовать боевого полковника-орденоносца, — и так власть стала давить на следователей, ведущих допросы. В результате следователи стали подсказывать Буданову, что говорить, чтобы минимизировать юридические последствия совершенных преступлений, а, возможно, даже уйти от уголовной ответственности.)

В ходе дополнительного допроса 26 сентября 2000 года обвиняемый Буданов конкретизировал показания о том, откуда ему известно, что Кунгаевы участвовали в НВФ. Такая информация ему поступила от одного из чеченцев, с которым он встречался в январе-феврале 2000 года, после боев в Аргунском ущелье. Этот чеченец передал ему фотографию, на которой с винтовкой СВД (*снайперская винтовка*. — Прим.авт.) была сфотографирована Кунгаева.

Будучи допрошенным 4.01.2001, Буданов показал, что вину свою в похищении Кунгаевой не признает. Считает, что действовал правильно, исходя из той оперативной информации, которой он располагал. Когда увидел Кунгаеву Эльзу, то опознал ее по фотографии, которая у него была. Когда он дал команду Григорьеву и Ли-ен-шоу задержать Кунгаеву, то задерживал, чтобы передать ее правоохранительным органам. Не сделал этого, надеясь самостоятельно выяснить у задержанной, где находятся боевики, и принять скорейшие меры к их задержанию.

Он также понимал, что если боевики узнают о задержании Кунгаевой, то примут все меры, чтобы освободить ее. Именно по этой причине принял решение ехать сразу в полк. Кроме того, ночью все передвижения на длительные расстояния запрещены. Он же двигался в зоне ответственности полка, где ему передвижение разрешено. Вину свою в умышленном убийстве не признает, так как ее смерти не желал, был в сильно возбужденном состоянии и, как получилось, что задушил, пояснить затрудняется.

ОБВИНЯЕМЫЙ ФЕДОРОВ ИВАН ИВАНОВИЧ.

Допрошенный 3 апреля 2000 года в качестве свидетеля, Федоров показал, что 26 марта 2000 года он, Арзуманян (*боевой товарищ, в звании капитана, также друг Буданова, также его заместитель по полку. — Прим.авт.*) и Буданов пошли проверять внутренний порядок в разведроту. Завершив проверку, он довел до Багреева вводную (*промежуточный приказ. — Прим.авт.*) — «нападение на командный пункт, огневой рубеж занять» — и указал место, где будет огневой рубеж. После этого вызвал Багреева к себе и спросил, почему боевые машины не стали на огневой рубеж. Что ответил Багреев, не помнит. В ответ на эти объяснения он, скорее всего, ответил Багрееву нецензурной бранью. Затем стал хватать Багреева за одежду.

Буданов, Арзуманян пошли на КП (*командный пункт. — Прим.авт.*) полка. Он не помнит, кто дал команду связать руки и ноги Багрееву, но военнослужащие комендантского взвода связали Багрееву руки. Тогда он подошел к Багрееву и нанес ему несколько ударов. Как он его бил, не помнит. Потом Багреева по его, Федорова, команде посадили в яму. Спрыгнув в яму, он хотел высказать Багрееву все, что думает о нем.

Из ямы его, Федорова, вытащил Арзуманян. О том, что Буданов ночью ездил в Танги, ему стало известно уже после прибытия в часть комиссии из штаба группировки войск «Запад».

Где-то 20 марта 2000 года он видел у Буданова ксерокопию фотографии женщины, которая, по пояснениям Буданова, являлась снайпером. Со слов Буданова, эта женщина проживала в Танги, и он должен найти ее. На вид этой женщине не более 30 лет. Где-то 25 марта 2000 года Буданов выезжал в Танги, и чеченец показал ему дома, где живут боевики.

Осмотром рабочего блокнота Федорова установлено, что на обороте листа № 8 имеется запись: Самбиев Шамиль, далее написано: ул. Зарецкая, дом 7, Хунгаев Идолбек. Лист приобщен к делу в качестве доказательства.

Будучи допрошенным по записи в рабочем блокноте, Федоров показал, что на странице № 8 записано, что именно Самбиев Шамиль указывал адреса в Танги, где проживают боевики. Записаны два адреса, так как остальных адресов чеченец не знал и дома указал визуально. Всего им было показано 10 домов.

Будучи допрошенным 24.11.2000, Федоров показал, что 26.03. 2000 он, Федоров, отдал Багрееву команду «к бою, противник со стороны Танги», после чего стал наблюдать за действиями разведчиков. Багреев продублировал эту команду. Затем он, Федоров, увидел, что действия Багреева были неграмотными. Федоров вспыхнул. Затем добился от Багреева правильного осуществления действий личного состава по боевому расчету.

После этого, видя, что проверка показывает слабую ориентацию ротного командира в обстановке, решил до конца проверить, как может рота выполнить задачу огневого поражения. Для этого он дал команду Багрееву — расход по одному снаряду на ракетную установку — по отдельно стоящему зданию на окраине Танги «Огонь». На его решение открыть огонь по данному дому повлияло и то, что из данного дома неоднократно велось за их танковым полком наблюдение. Относительно конфликта с Багреевым Федоров признал, что ему было обидно, что так ошибся в человеке, и эти мысли как бы подтолкнули его к дальнейшим действиям.

Будучи допрошенным 26.12. 2000, Федоров сказал, что не согласен с тем, что разрушенный дом оценен в такую сумму — 150 тыс. руб. Данный дом до открытия по нему огня 26 марта был уже значительно разрушен по причине того, что в декабре 1999 года на окраине Танги шли массированные боевые действия между федеральными войсками и бандформированиями. До открытия огня ему было достоверно известно, что были случаи обстрела позиций их части из района этого дома.

Между тем вина Буданова и Федорова в инкриминируемых им деяниях, помимо частичного признания ими своей вины, подтверждается совокупностью собранных по делу доказательств.

ПОТЕРПЕВШИЙ КУНГАЕВ ВИСА УМАРОВИЧ, 19.04.1954 г.р., женат, чеченец, агроном совхоза «Урус-Мартановский», отец Кунгаевой Эльзы Висаевны, показал следующее:

Эльза в семье была старшей среди детей. Кроме нее, в семье еще четверо детей. Эльза по характеру была очень скромная, спокойная, трудолюбивая, порядочная, честная. Вся работа по дому возлагалась на нее, так как его жена болеет и ей работать нельзя. По этой же причине уход за младшими был на Эльзе. Все свободное время проводила дома, по гостям не ходила, с мальчиками не общалась. Лиц мужского пола Эльза стеснялась. В интимные отношения с ними не вступала. Никаким снайпером дочь не была, ни в какие бандформирования не входила — это просто абсурд.

26.03.2000 он вместе с женой и детьми сходил на выборы (*по иронии судьбы, это и был день выборов президента Путина.* — Прим. авт.) и стал заниматься домашними делами. Жена стала собираться к своему брату Алексею в Урус-Мартан и около 15 часов уехала. С детьми он остался один.

Спать легли около 21 часа, т.к. не было света. Он отдыхал на диване в летней кухне. Около 0.30 27 марта он проснулся от гула боевой машины. Она

остановилась напротив их дома. Он выглянул в окно и увидел, что к их дому направляются какие-то люди. Он позвал старшую дочь Эльзу и попросил быстро поднять всех детей, одеть и уводить из дома, сказав ей, что дом окружают военные. Он, Кунгаев, выбежав на улицу, побежал к брату, который проживал на расстоянии 20 метров.

В это время брат уже бежал ему навстречу и стал вбегать в дом через центральные ворота. Далее, со слов брата, ему известно, что, зайдя в дом, он увидел полковника Буданова — узнал его, так как ранее в газете «Красная звезда» была опубликована его фотография.

Буданов спросил: «Кто ты такой?». Адлан ответил, что брат хозяина дома. Буданов в грубой форме ответил брату: «Иди отсюда». Адлан выскочил из дома и стал кричать. Со слов детей, ему, Кунгаеву, стало известно, что далее Буданов приказал солдатам взять Эльзу. Она кричала. Завернув в плед, ее вынесли на улицу. В связи с этим происшествием сразу сбежались родственники и стали поднимать всех на ноги, чтобы найти дочь.

Обратился к главе администрации, к военному коменданту села и Урус-Мартановского района. Утром в 6.00 на машине приехали в Урус-Мартан (*райцентр*. — Прим.авт.), чтобы принять меры к поиску дочери. К вечеру 27 марта 2000 года им стало известно, что Эльзу убили. По его, Кунгаева, мнению, Буданов похитил Эльзу, а затем изнасиловал, потому что она была красивой девушкой.

Свидетель Магамаев А.С. показал, что является соседом Кунгаевых. Семья жила бедно. Работали в основном в поле. Эльзу знал с рождения. Она росла застенчивой, со сверстниками мужского пола не общалась. Он может с уверенностью сказать, что Эльза никогда не участвовала в бандформированиях.

Следственным путем какую-либо причастность Кунгаевой Э.В. к незаконным вооруженным формированиям или ее участие в НВФ установить не удалось.

Допрошенный в качестве свидетеля Макаршанов Иван Александрович, бывший военнослужащий в/ч 13206 (*солдат.* — Прим.авт.), показал следующее. Вечером 26.03. 2000 комендантский взвод подняли по тревоге. Затем, по команде командира полка, личный состав комендантского взвода связал командира разведроты. Багреев, командир разведроты, лежал на земле. Буданов и Федоров нанесли Багрееву по телу не менее трех ударов ногами каждый, все происходило очень быстро. После этого Багреева поместили в яму — так называемый зиндан.

Через некоторое время, когда уже стемнело, он услышал крики, стоны и вышел из палатки. Увидел, что в яме, куда поместили Багреева (палатка была на расстоянии 15—20 метров от зиндана), находятся Буданов и Федоров. Федоров наносил удары по лицу Багреева. Буданов находился рядом. Кто-то светил фонариком в яму, поэтому он все ясно видел. Затем Федорова кто-то вытащил из ямы.

До 2 ночи 27 марта он, Макаршанов, находился в палатке Федорова, подтапливал печь. Около 1 часа ночи слышал, как к КУНГу Буданова подъехала БМП, и он из-за шторы палатки наблюдал за происходящим. Он видел, как к КУНГу Буданова идут 4 человека (один из них был Буданов). Один нес на плече что-то типа свертка, по размеру подходящего под размер тела человека. Он, Макаршанов, видел, что из одного из концов свертка свисали длинные волосы, какие обычно бывают у женщин или девушек.

Тот, который нес сверток, открыл двери, занес сверток в КУНГ и положил на пол. В КУНГе в тот момент горел свет. Поэтому было видно. Буданов зашел в КУНГ. Расстояние от места, где он, Макаршанов, был (в палатке), до КУНГа Буданова — метров 8-10, не более. Все время, после приезда Буданова, возле КУНГа у него стояли три человека из экипажа его БМП.

Допрошенный в качестве свидетеля Мишуров Е.Г. — бывший военнослужащий в/ч 13206 (*тоже солдат.* — Прим.авт.) — показал, что заступил

на дежурство в палатку начальника штаба в 2 часа ночи 27 марта. Видел, что возле КУНГа Буданова стояли два члена экипажа БМП Буданова. Около 3.30 БМП отъехала от КУНГа. Около 5.50 БМП вернулась в часть и встала недалеко от КУНГа.

Свидетель Кольцов Виктор Алексеевич показал, что проходил военную службу в в/ч 13206 по контракту с 1.02.2000. Ночью 26.03. 2000 заступил в караул часовым по охране ямы, где находился командир роты. На пост заступил около 23 часов. Ночью за пределы лагеря на БМП выезжал Буданов. Примерно через 30 минут БМП возвратилась в часть, метров за 100 от стоянки БМП Буданов крикнул водителю: «Выключай свет». БМП к КУНГу подъехала с выключенными фарами. Затем услышал, как хлопнула задняя дверь на БМП, затем открылась дверь КУНГа. Когда сменился с поста и зашел в свою палатку, увидел истопника начальника штаба Макаршанова. Тот сказал, что «командир опять привез бабу».

Свидетель Сайфуллин Александр Михайлович показал, что проходил службу в в/ч 13206 с августа 1999 года (*тоже солдат.* — Прим. авт.). С конца января 2000 года исполнял обязанности истопника в КУНГе у Буданова. Примерно около 5--5.15 27 марта он зашел в КУНГ командира, чтобы поддержать огонь в печи. Буданов лежал на правом лежаке, а не как обычно — на дальнем. Палас на полу был сдвинут и топорщился. Часы, которые висели над кроватью Буданова, стояли возле правой кровати, на полу, ближе к выходу. Штора, закрывавшая спальное отделение, была слегка отодвинута, и он увидел, что кровать Буданова была не застелена. Буданов спал. Около 7 утра он пришел в КУНГ, налил командиру ведро для умывания, Буданов сказал прийти в 7.15.

Командир сказал навести порядок в КУНГе и, головой показав на кровать, приказал поменять там одеяло и все белье. Он, Сайфуллин, приступил к уборке и заметил, что одеяло на кровати мокрое. Пятно было расположено примерно в 20 см от подножия, с края, прилегающего к стене. Приподняв одеяло, он обнаружил на простыне желтое пятно 15 см на 15 см. Он сменил белье. Затем Буданов дал ему час времени и приказал сделать в КУНГе капитальную уборку. Когда он забирал

белье с дальнего топчана из КУНГа Буданова, то левый угол простыни был мокрый.

В ходе осмотра 27.03.2000 КУНГа, где проживал Буданов, установлено, что на дальней от входа кровати лежит матрац. Матрац мокрый, ближе к середине ощущается запах мочи.

В ходе следствия изъяты постельное белье и одеяло с кровати из КУНГа Буданова. Белье приобщено к делу в качестве вещественного доказательства. При осмотре простыней на них обнаружены пятна желтого цвета.

Свидетель Герасимов Валерий Васильевич показал, что с 5 марта по 20 апреля 2000 года исполнял обязанности командующего группировкой «Запад». Утром 27.03 от коменданта Урус-Мартана ему стало известно, что ночью из Танги похищена девушка, подозрения падают на солдат. Он связался с командирами трех полков, в том числе и 160-го танкового Будановым, и приказал в течение 30 минут вернуть девушку. Сам вместе с генералом Вербицким Александром Ивановичем выехал сначала в 245-й полк, затем в 160-й.

В 160-м его встретил лично Буданов, сообщив, что в полку все в порядке, о девушке узнать ничего не удалось. Вместе с Вербицким поехал в Танги, где в тот момент собралось население. Из объяснения отца девушки следовало, что в деревню ночью приезжал полковник с солдатами на БМП, завернули девушку в плед и увезли. Они этого полковника знают — это командир танкового полка. Он и Вербицкий сначала не поверили этому. Вернулись в полк из деревни, Буданов отсутствовал. Он, Герасимов, приказал предпринять меры к задержанию Буданова.

(Необходимое пояснение: в Российских вооруженных силах действует правило, которое позволяет арестовывать военнослужащих только с разрешения и указания их вышестоящих командиров. Для Буданова таким командиром являлся только генерал Герасимов. В этом смысле можно утверждать, что делом Буданова как таковым мы обязаны именно генералу Герасимову. Если бы не его

разрешение 27 марта 2003 года — а большинство командиров в Чечне не дают разрешений прокуратуре на арест своих подчиненных в случае совершения теми военных преступлений, всячески покрывая их, — дела Буданова как такового не существовало бы вообще. Для обстановки в зоне антитеррористической операции поступок генерала Герасимова можно решительно рассматривать как большую смелость, которая вполне ему могла стоить карьеры. Однако, так как дело приобрело большой общественный резонанс, в данном случае этого не произошло, и впоследствии генерал Герасимов был даже назначен командиром 58-й армии Вооруженных сил — то есть получил серьезное повышение по службе).

После задержания Буданов был доставлен в Ханкалу (главная военная база в Чечне. — Прим.авт.). Вечером этого же дня механик-водитель БМП (тот, который ездил в село) признался, что ночью 27 марта они привезли девушку, затащили ее в КУНГ к Буданову. Спустя часа два Буданов вызвал их, девушка была уже мертва. Буданов приказал забрать труп и закопать.

Утром 28.03 труп откопали, повезли в медсанбат, сделали экспертизу, обмыли и отвезли тело родителям.

Допрошенный свидетель Григорьев Игорь Владимирович показал, что 27.03. 2000, по прибытии в часть, Буданов приказал им занести девушку, завернутую в одеяло, в его КУНГ, а самим оставаться рядом с КУНГом и охранять его, чтобы никто не вошел. Сам Буданов остался в КУНГе вместе с девушкой. Минут через 10, как они вышли из КУНГа, оттуда были слышны женские крики, также был слышен голос Буданова, потом из КУНГа была слышна музыка. Женские вскрики еще некоторое время доносились из КУНГа.

В КУНГе Буданов был с девушкой около 1,5-2 часов. Где-то спустя 2 часа Буданов вызвал всех троих в КУНГ, где на кровати лежала голая женщина, которую они привезли, лицо ее было синюшного цвета. На полу было постелено покрывало, в которое заворачивали девушку, забирая ее из дома. На этом же покрывале кучей лежала ее одежда. Буданов приказал им вывезти женщину и

закопать ее, чтобы никто не знал. Что они и сделали. Завернув тело в плед, они на БМП-391 вывезли девушку и захоронили тело, о чем утром 27 марта он, Григорьев, доложил Буданову.

Допрошенный 17.10.2000 Григорьев пояснил, что спустя минут 10-20 после их выхода из КУНГа Буданов стал кричать, что именно, он не слышал. Было также несколько вскриков девушки, вскрики, характерные для испуга. Когда по вызову Буданова они зашли в КУНГ, то увидели лежащую на топчане без признаков жизни обнаженную девушку. На ней не было никакой одежды. Она лежала на спине, лицом вверх. На полу лежало покрывало, на покрывале одежда девушки — трусы, кофта, еще что-то. На шее у девушки были синяки, как будто ее за горло душили. Буданов, показывая на нее, со странным выражением лица сказал: «Это тебе, сука, за Разамахнина и за ребят, что погибли на высоте».

Осмотром трупа Кунгаевой выявлены следующие повреждения: ссадины и кровоизлияния, расположенные на передней поверхности шеи в ее верхней трети, кровоизлияния в мягкие ткани шеи, синюшность, одутловатость лица, точечные кровоизлияния в кожу лица, конъюнктивы глаз, слизистую оболочку полости рта, под плевру и эпикард; кровоподтеки в правой подглазничной области, на внутренней поверхности правого бедра, рана на переходной складке конъюнктивы правого глаза, кровоизлияния в слизистую оболочку преддверия рта и десны, верхней челюсти слева. Труп без одежды. Рядом с трупом обнаружена одежда: кофта шерстяная, вязаная. На спине кофта имеет разрывы (разрезы). Юбка х/б (*хлопчатобумажная*. — Прим.авт.), один боковой шов разорван; футболка желто-белая на спине разорвана (разрезана) по всей длине, бюстгальтер бежевого цвета, бретелька сзади разрезана (разорвана), трусы х/б, бежевые.

Заключением судебно-медицинской экспертизы трупа Кунгаевой Э.В. № 22 от 30.04. 2000 установлено: обнаруженные на шее трупа повреждения прижизненного характера. Данные телесные повреждения возникли в результате сдавления шеи твердым предметом (ами) с ограниченной поверхностью. Данные повреждения могли образоваться в срок и при обстоятельствах, указанных в

описательной части настоящего постановления. Причиной смерти Кунгаевой явилось сдавление шеи тупым твердым предметом, повлекшее развитие асфиксии. Обнаруженные на трупе Кунгаевой кровоподтеки (на лице, левом бедре), кровоизлияния в слизистую оболочку преддверия рта, рана правого глаза образовались от воздействия тупого твердого предмета (ов) с ограниченной поверхностью. Видом повреждающего действия был удар. Указанные повреждения образовались прижизненно и могли образоваться в срок и при обстоятельствах, указанных в описательной части настоящего постановления.

Допрошенный в качестве свидетеля следователь военной прокуратуры капитан юстиции Симухин Алексей Викторович показал, что 27.03.2000 он получил указание привести Буданова на взлетную площадку в/ч 13206 для транспортировки последнего в Ханкалу.

В пути следования Буданов был очень возбужден, интересовался у него, как ему быть, что говорить, что делать. Утром 28.03.2000 он, Симухин, в составе следственной группы выехал для проведения следственных действий с участием свидетеля Егорова по обнаружению трупа Кунгаевой. Егоров самостоятельно указал место, где была захоронена Кунгаева. Хочу отметить, что место захоронения было очень тщательно замаскировано, скрыто дерном, и если бы Егоров не указал, где захоронена потерпевшая, то визуально это место на тот момент обнаружить было невозможно. Труп в могиле находился в полусидячем положении, как будто «эмбрион в утробе женщины», труп был абсолютно голый.

ПОТЕРПЕВШИЙ БАГРЕЕВ РОМАН ВИТАЛЬЕВИЧ, 12.02.1975 г.р., уроженец г. Никополь Днепропетровской обл., УССР (*Украина.* — Прим.авт.), заместитель начальника штаба танкового батальона в/ч 13206, старший лейтенант, показал следующее.

С 1.10.1999 в составе 160-го полка принимал участие в контртеррористической операции. Каких-либо личных счетов с Будановым и Федоровым у него не было.

20.03.2000 разведрота прибыла из села Комсомольского в село Танги. В полку был объявлен конкурс среди подразделений, у какой роты лучше порядок и бытовые условия. Первое место занял зенитный дивизион. Федоров не согласился с результатами и заверил всех, что разведрота все равно лучше всех. Чтобы убедить в этом Буданова, 26 марта Федоров настоял на том, чтобы была проведена проверка расположения роты.

После 18 часов в распоряжение прибыли Буданов, Федоров, Силиванец, Арзуманян (*офицеры танкового полка. — Прим. авт.*). Буданов был в нетрезвом состоянии, однако полностью себя контролировал. Федоров был очень сильно выпивши, разговаривал нечетко, пошатывался. Федоров стал уговаривать Буданова проверить боеготовность роты. Трижды или даже больше Буданов отказывал Федорову, но тот продолжал настаивать. Буданов уступил требованиям Федорова и дал ему команду «В ружье, к бою».

Он, Багреев, сразу же побежал в сторону окопов роты. Федоров — вслед за ним. Машины вышли на огневой рубеж. Буданов находился у узла связи. Ему было известно, что в каждой машине на линии досылания на лотке всегда лежит выстрел с осколочной гранатой. В тот момент никаких оснований для открытия огня по селу, кроме приказа Федорова, не было.

После того как БРМ (*боевой расчет машины. — Прим. авт.*) заняли позиции, он подал команду экипажам разрядить осколочный выстрел, зарядить кумулятивный заряд и произвести один выстрел вверх домов. При производстве выстрела вверх таким снарядом он, не встретив препятствия, самоуничтожается. Осколочный заряд самоликвидатора не имеет. Пока экипажи производили замену снарядов, произошла заминка.

Машина № 380 произвела выстрел вверх, вверх домов села. Федоров увидел это, лично запрыгнул на вторую машину БРМ, дал команду наводчику стрелять по Танги. Будучи неудовлетворенным его, Багреева, действиями, Федоров

стал его хватать за одежду, нецензурно оскорблять. Багреева вызвал Буданов. Прибыв к узлу связи, там был и Буданов, и Федоров. Они избили его.

Осмотром установлено, что на юго-западе от штаба в/ч 13206 на расстоянии 25 метров от КП (*командного пункта*. — Прим. авт.) полка на момент 27.03.2000 имелась яма, поверх которой положены три доски обрезных. Яма представляет собой углубление в земле: длина — 2,4 м, ширина — 1,6 м, глубина — 1,3 м. Стены ямы выложены кирпичом, дно ямы — земля.

(Необходимое пояснение: в деле Буданова — именно то, что вы только что прочитали, — содержится первое в России юридическое описание так называемого зиндана — широко распространенных во вторую чеченскую войну специальных пыточных ям, имеющих почти в каждой военной части на территории Чечни. Их используют, как правило, для содержания арестованных чеченцев, а также провинившихся солдат. Куда реже — офицеров младшего состава).

СВИДЕТЕЛЬ ПАХОМОВ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ, рядовой, показал, что 26.03. 2000 года около 20 часов Федоров кричал на Багреева: «Я научу тебя, щенок, выполнять мои приказы». В адрес Багреева сыпались отборные ругательства и оскорбления. Было очень дико смотреть на все происходящее. Поступила команда Федорова связать Багреева и посадить в яму. Ранее в полку имели место случаи, когда взвод связывал пьяных контрактников, а затем их сажали в яму, но чтобы такое происходило с командиром разведроты — это было необъяснимо.

Примерно через час взвод был вновь вызван Будановым по тревоге. Когда прибыли, Багреев уже находился на земле. Буданов и Федоров вновь стали избивать Багреева. После этого по команде Буданова Багреев был снова связан и помещен в яму. Затем к Багрееву прыгнул Федоров и стал избивать Багреева в яме. Багреев в это время кричал и стонал в яме. В яму прыгнул Силиванец и вытащил оттуда Федорова. Около 2 часов он, Пахомов, находясь в палатке, слышал

автоматную очередь. Как ему стало известно, это стрелял Суслов, чтобы образумить Федорова, который пытался пройти к Багрееву.

Уголовное дело по обвинению Григорьева Игоря Владимировича, Ли-ен-шоу Артема Ивановича, Егорова Александра Владимировича в заранее не обещанном укрывательстве убийства Кунгаевой, совершенного Будановым, в совершении преступления, предусмотренного ст. 316 УК РФ, прекращено вследствие амнистии.

Согласно заключению стационарной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, по своему психическому состоянию Буданов в период инкриминируемого ему деяния в отношении Багреева в каком-либо временном, болезненном расстройстве психической деятельности, в состоянии патологического или физиологического аффекта не находился. В момент убийства Кунгаевой Буданов находился в кратковременном, преходящем ситуационно обусловленном психоэмоциональном состоянии кумулятивного аффекта, не мог в полной мере осознавать фактический характер и значение своих действий и осуществлять их произвольную волевою регуляцию и контроль.

НА ОСНОВАНИИ ВЫШЕИЗЛОЖЕННОГО ОБВИНЯЮТСЯ:

БУДАНОВ Юрий Дмитриевич, ФЕДОРОВ Иван Иванович.

Заместитель военного прокурора Северо-Кавказского военного округа
полковник юстиции Ахмедов Ш.М.

Суд

Дальше дело Буданова перебралось в суд. Было это летом 2001 года. Первым судьей, рассматривающим то, что совершил Буданов, оказался полковник Виктор Костин, судья военного суда Северо-Кавказского округа, находящегося в Ростове-на-Дону, там же, где и штаб Северо-Кавказского военного округа, как у

нас говорят, «воюющего в Чечне». В Ростове-на-Дону очень велико влияние военных на всю жизнь города. Тут находится главный военный госпиталь, через который прошли тысячи искалеченных раненых военных из Чечни. Здесь живут семьи многих офицеров, находящихся в Чечне. Можно сказать, что в каком-то смысле этот город — прифронтовой. И это обстоятельство сыграло большую роль в судебном развитии дела Буданова. Пикеты и митинги у стен суда — в защиту Буданова, с лозунгами «Судят Россию!» и «Свободу герою России!» — были постоянным общественным аккомпанементом процесса.

Первая порция судебных заседаний шла больше года — с лета 2001-го по октябрь 2002 года. Причем происходило все совсем не с точки зрения «прав-виноват», а исключительно в манере «отбеливания» Буданова от всех грехов и преступлений. Судья Костин на протяжении всего времени заседаний демонстрировал свою откровенную пробудановскую пристрастность, отметал ВСЕ ходатайства со стороны потерпевших Кунгаевых, отказывал ВСЕМ свидетелям, которые могли бы что-либо сказать «против» Буданова. Было отказано даже в допросе генералов Герасимова и Вербицкого — на том основании, что они дали разрешение арестовать полковника-убийцу.

Прокурор в этот период также откровенно выступал на стороне подсудимого, фактически являясь его адвокатом, хотя обязанность прокурора, как известно, — защищать интересы жертвы.

Так это было внутри суда, так и снаружи. Общественное мнение в целом (митинги у здания суда с красными коммунистическими флагами, цветы Буданову, когда его вводили в здание суда перед началом очередного заседания) оказалось на стороне полковника. Руководство Министерства обороны (публичные выступления министра Сергея Иванова о том, что «Буданов, безусловно, не виноват») — тоже.

Идеологическая база для «отбеливания» Буданова от грехов была выбрана следующая: да, он совершил преступление, но он ИМЕЛ ПРАВО его совершить, ИМЕЛ ПРАВО так поступить с Эльзой Кунгаевой на том основании, что мстил на

войне противнику и поскольку считал девушку снайпершей, виновной в гибели офицеров полка в феврале 2000 года, во время тяжелых боев в Аргунском ущелье. Мстить «врагам», поясняли участники процесса, именуя «врагами» чеченцев, — это справедливо и праведно...

У семьи Кунгаевых с самого начала заседаний обнаружились серьезные проблемы с адвокатами. Семья — очень бедная, многодетная, безработная, вынужденная перебраться в палатку, в беженский лагерь на территории Ингушетии, после трагической гибели старшей дочери от рук полковника, опасаясь мести со стороны военных за то, что обратились в суд (им угрожали неоднократно). Поэтому защитников у них просто не оказалось. И тогда правозащитный центр «Мемориал» (базируется в Москве, но имеет филиал в Ростове-на-Дону) сам нашел адвокатов и долгое время осуществлял их пусть минимальную, но все-таки оплату.

Первым адвокатом, вступившим, таким образом, в дело, был Абдула Хамзаев, старейший чеченский юрист, давно живущий в Москве, к тому же дальний родственник Кунгаевых. Надо сказать, что его защита долгое время не была эффективной — скорее даже наоборот. И сам Абдула Хамзаев в этом не виноват. Просто наше общество, увы, развивается, как расистское, оно не доверяет выходцам с Кавказа, а тем более из Чечни, ни на йоту. Толку от пресс-конференций, собираемых Хамзаевым в Москве для того, чтобы рассказать, как тяжело движется дело в военном суде Ростова-на-Дону, не было никакого — журналисты не доверяли тому, что он говорит, и поэтому общественной кампании в защиту Кунгаевых не получалось... А в ней, единственной, и было спасение судебных перспектив политического дела, которое стопорилось, едва начавшись...

И тогда «Мемориал» пригласил, в помощь к Хамзаеву, молодого московского адвоката Станислава Маркелова, члена Межреспубликанской коллегии адвокатов (кстати, это та же коллегия, в которой состоят адвокаты Буданова). Из крупных дел, которые Маркелов вел до этого и чем привлек внимание «Мемориала», — это первые в России дела по обвинению в терроризме и

политическом экстремизме (взрывы памятников императору Николаю Второму под Москвой, попытка взрыва памятника Петру Первому, убийство скинхедами граждан России афганской национальности).

Маркелов — русский, и тогда это было принципиально. Выбор «Мемориала» был правильным, потому что дальше именно Маркелову, благодаря его энергичности, и правильно избранной тактике и манере общения с прессой впоследствии удалось привлечь к процессу большое общественное внимание, прежде всего журналистов в Москве, российских и иностранных, освещающих жизнь России. Это сыграло принципиальное поворотное значение для развития всего дела Буданова.

Но вот свидетельства адвоката Станислава Маркелова о том, что он увидел в суде, только вступив в дело (в этот момент процесс был фактически закрытым, присутствие журналистов запрещалось):

— Обстановка в зале была такова, что суд очень спешил, не желал углубляться ни в одну из наших просьб, отметал все, что может быть истолковано против Буданова. Только — в его защиту, в поддержку линии его защиты. А все наши ходатайства — например, о вызове «наших» свидетелей, о привлечении экспертов, о назначении независимых экспертиз — полностью не принимались во внимание. Мне казалось, судья Костин их даже не читает... Потому что какие бы ни были ходатайства — все скопом возвращали нам с отказом. А это по более чем десятку ходатайств в день.

— А почему ходатайств было так много? Зачем вы тоже дразнили суд, заваливали его таким их количеством? Разумна ли подобная адвокатская линия?

— Причина была проста: суд допускал нарушение за нарушением, и мы, как адвокаты, обязаны были реагировать. Ну, например, откуда взялось такое количество ходатайств? И откуда все эти люди, которых мы просили пригласить в суд для дачи показаний со стороны потерпевших? И почему вокруг, по крайней

мере, двух из них, развернулась такая бешеная борьба — и суд делал все, чтобы свидетели никогда не оказались допрошены? Напомню обстоятельства дела: накануне совершения преступления — 26 марта 2000 года, днем — Буданов вместе с другими офицерами, как на следствии показал и он, и офицеры, задержал в селе двоих чеченцев, и один из них якобы указал на тот дом, где, как утверждает Буданов, жила семья, поддерживавшая террористов или члены которой сами являлись террористами. Фамилии информаторов в материалах дела значились — их не скрывали. Мы, защита, стали выяснять, кто же эти люди, которые ввели Буданова в заблуждение, показав на дом Кунгаевых? Если, конечно, все это было и они вообще вводили его в заблуждение? Наша позиция была понятна: пусть эти люди приедут в суд и скажут, почему они это сделали? И вот тут-то и начались странности... Мы выяснили: один «информатор» — ГЛУХОНЕМОЙ. То есть физически он просто не мог СЛЫШАТЬ вопроса Буданова о том, кто в селе Танги-Чу — снайперша. И также физически ничего не мог ему ответить. Заметьте, в материалах дела утверждается, что этот глухонемой информатор именно «рассказал» обо всем Буданову!..

— А другой информатор?

— Его было еще проще найти. Дело в том, что 26 марта, после встречи с Будановым, этого второго информатора и полковника — конечно, совершенно случайно, вместе сфотографировали корреспонденты военной газеты Министерства обороны «Красная звезда». Именно в тот день корреспонденты работали в селении Танги-Чу. И одиннадцать их снимков из Танги-Чу — теперь часть уголовного дела. Так решила военная прокуратура, проводившая предварительное следствие. Это значит: человека можно всегда отыскать по фотографиям, и тогда тот, кто на фотографии, подтвердит суду, что в тот роковой вечер Буданов ехал в село Танги-Чу пленить террористов... Мы размышляли именно так — согласитесь, это важно и принципиально. Но дальше также начались недоразумения и непонятности: мы внимательно изучили фотографии, которые предоставили корреспонденты «Красной звезды», и оказалось, что дата съемки на них — 25 марта, а не 26-е, на чем настаивал Буданов в подтверждение своей версии

(таковы материалы предварительного следствия). Напомню, что якобы именно 26-го днем информаторы сказали Буданову о «снайпершах», и он, желая отомстить за убитых товарищей, будучи на нервном взводе от только что сообщенного ему, поехал «братъ снайпершу». Он еле терпит, чтобы дождаться вечера, сильные чувства захватывают его полностью и дальше, движимый ими, уже признанными к тому моменту судмедэкспертизой праведными, расправляется со «снайпершей», как с врагом, мстя за погибших товарищей, по законам военного времени... Однако если оказывается, что информаторы сообщили Буданову обо всем еще 25-го, то о каких спонтанных реакциях — чувствах, захлестнувших полковника полностью и оправдывающих его поведение, — можно говорить?.. Есть свидетели, что и 25-го целый день, и 26-го до середины дня, когда в полку началась офицерская пьянка, организованная Будановым по случаю дня рождения его маленькой дочери, полковник был спокоен. И никакой снайперше мстить не собирался...

— Однако давайте будем объективны. Хорошо — кто-то ошибся в датах. Такое бывает. Там — война... Ладно...

— Нет, не «ладно». Несхождение деталей в деле Буданова — на каждом шагу. Все, что можно, «пририсовано». Например, в материалах предварительного следствия значится, что информатор указывал на дом «грязно-белого цвета» — тот, в котором «жила снайперша». Но дом Кунгаевых, откуда Буданов похитил Эльзу, — кирпичный, красный, и его фотографии мы предоставили суду.

— И как отреагировал судья Костин?

— Никак. Как повелось... Еще один пример: информатор указал Буданову, если верить словам Буданова, что «снайперша» живет на улице Заречной, но Буданов-то воровал девушку из дома по Заречному переулку, который в селении Танги-Чу находится в километре от улицы Заречной, и это в прямо противоположном конце селения!.. Сложно представить, что информатор не указал Буданову хотя бы направление, в котором надо было ехать за «снайпершей»... Все эти несхождения, даже на обывательский, не юриста, взгляд, говорят об одном: суд

просто обязан был выслушать информатора и должен был быть заинтересован вызвать его. Ради установления истины — что же там было в Танги-Чу, в момент принципиальной встречи информаторов и Буданова? И ехал ли Буданов за «снайпершей»? Или просто за красивой девушкой? Которую, изрядно выпив, возжелал в ту ночь? И тогда «антитеррористическая операция», героем и жертвой проведения которой Буданова пытаются представить, — вся эта идеология тут совершенно ни при чем? И судебно-психиатрическая экспертиза не может строить все свои выводы только на этом «героизме» и «чувстве мщения снайперше»? Тем более что в деле есть характерные упоминания на тему о многочисленных предыдущих «бабах полковника» («опять командиру бабу понесли» — цитата из показаний солдата на предварительном следствии), да и другие военные красноречиво свидетельствовали об атмосфере, царившей в 160-м полку, передавали некоторые характерные детали быта танкистов на поле под Танги-Чу...

— И что случилось дальше?

— Дальше суд заявил, что не хочет выполнять собственное решение. И еще, что суд — не розыскное бюро и не обязан искать этого человека... Естественно, адвокаты активизировались и нашли его сами. Он оказался Рамзаном Сембиевым, осужденным, отбывающим наказание в колонии строгого режима на территории Дагестана, как похититель людей. Но сейчас речь — не о личности информатора, не о том, что помощниками Буданова были люди, которые совершали столь гнусные преступления. То, что мы нашли Сембиева в колонии строгого режима, означало только одно — доставить информатора Сембиева в судебное заседание для допроса не представляло никакой сложности. Потому что таковы российские уголовно-процессуальные нормы, в соответствии с которыми все люди, которые находятся в местах лишения свободы, значатся в специальной базе данных и доступны суду. Впрочем, для удобства судьи мы указали, в каком точно месте находился Сембиев, — кстати, совсем недалеко от Ростова-на-Дону... Но и тут суд все равно ответил нам: «Нет. Нам не нужен этот человек. Никакой существенной информации сообщить суду он не может». Более того, слово тогда дали прокурору Назарову (он поддерживал государственное обвинение в тот

момент — в мае 2002 года), и господин Назаров произнес более чем странную для опытного юриста речь следующего содержания: раз свидетель — преступник, то это значит, что он все равно не скажет правду, и «нам его сюда тащить» не имеет смысла... Я был поражен: для прокурора оказалось не важным, что Сембиев — преступник по одному делу, а по этому — свидетель...

— В чем же причина?

— В идеологических подходах суда к Делу Буданова. Кремль давил в одном направлении: чтобы Буданова отмыли от грехов. И ничего не было важно и не бралось в расчет, когда этот факт мог оказаться не в пользу Буданова... Прокуратура, выстраивая свою линию в зале суда, шла даже на изменение своей роли, определенной Конституцией. Ведь прокурор по статусу — государственный обвинитель, он обязан блюсти интересы прежде всего потерпевшей стороны. От имени государства. А он взял на себя функции адвоката подсудимого — и защищал его от потерпевших... В ходе выступления прокурора Назарова в суде, о котором я говорил, были и вовсе ничем не объяснимые вещи — например, оказалось, что какой-то местный прокурор в Дагестане после нашего заявления в суде подходил к Сембиеву в колонии и спрашивал его там, мол, знает ли тот Буданова, а Сембиев вроде бы ему ответил: нет, не знаю, впервые увидел по телевизору...

— Этот разговор информатора с прокурором был представлен на суде как зафиксированный в форме протокола?

— Нет, конечно. Просто слова, пересказанные в суде в вольной форме. Но, самое поразительное, что суд принял эти объяснения как верные, как доказательные! Не подвергнув их сомнению и исследованию! И не потребовав протокола.

— Что меняют эти «слова Сембиева», если они, конечно, вообще были сказаны?

— Если поверить прокурору на слово и все было так, как он говорит, в любом случае это путь к установлению истины. Выходит, Сембиев не отправлял Буданова по адресу «снайперши» Эльзы, раз он его не знает, и мало ли по какой причине их зафиксировала рядом фотокамера военного корреспондента...

— Можно ли утверждать, что окружной военный суд предпринимал все усилия, чтобы в деле № 14/00/0012-00 по обвинению Буданова не было достоверной картины совершенных преступлений? То есть противоположное от того, что обязан делать суд в соответствии с Конституцией и действующим законодательством?

— Да, именно так. Хочу рассказать еще одну историю, по поводу которой суд не пожелал никаких подтверждений. Одним из аргументов — и в деле, и в судебно-психиатрической экспертизе — была фотография, которую Буданов якобы хранил у себя долгое время и на которой были сняты Эльза Кунгаева с матерью, и обе на фотографии — с оружием в руках. Буданов утверждал, что фотографию ему дал ради поиска этих женщин, застреливших офицеров его полка во время боев в Аргунском ущелье, глава администрации селения Дуба-Юрт Яхьяев. Селение Дуба-Юрт, расположенное на входе в Аргунское ущелье, было действительно эпицентром тяжелых февральских боев 2000 года, в которых участвовал полк Буданова. Так вот, собственно этой фотографии, на основании которой судебно-психиатрическая экспертиза делала свои выводы, будто бы имея перед собой эту фотографию, — ее в материалах дела просто не было... И нет. Значит, во-первых, экспертиза лжет, и это серьезный повод не верить ей и требовать другой экспертизы. А, во-вторых, выходит, что вообще НЕТ той отправной точки (а фотография ею являлась с самого начала следствия), с которой закрутилось, собственно, «отмывание» Буданова от совершенных преступлений! Все в этом «отмывании» было построено на этой фотографии: якобы Буданов, обуреваемый страстями и памятью о трагически погибших от снайперских пуль боевых товарищах, постоянно хранит фотографию у сердца, дал клятву себе и другим обязательно найти и уничтожить снайперш. И вот, когда информатор ему говорит

об адресе, тут-то и сдают нервы у Буданова, и он решается на самосуд, вместо того, чтобы позвать представителей правоохранительных органов...

— Хорошо, даже если фотографии нет в деле, но все равно — остается как важный свидетель Яхьяев, глава сельской администрации Дуба-Юрта? Можно ведь допросить его в суде?

— Это если следовать нормальной судебной логике — докопаться до истины и реальной вины каждого. Но у нас — другой суд, идеологический, он стоит на страже интересов военных преступников и полагает, что это и означает стоять на страже интересов государства. Так вот, судья Костин и в этом случае сказал: «Нет. Не надо нам Яхьяева. Он ничего важного нам не сообщит». Хотя Яхьяев мог бы перевернуть ход суда. Мы нашли этого главу сельской администрации, и он согласен был приехать на заседания в Ростове. Правда, свободно и самостоятельно он этого сделать не смог бы — ему необходима была повестка из суда, чтобы пройти через блокпосты в Чечне и выехать за ее пределы... Но суд повестки не дал.

— Какова была мотивировка судьи Костина при отказе допросить также и генерала Герасимова — того, кто утром 27 марта 2000 года приехал в расположение 160-го полка и дал распоряжение арестовать Буданова?

— Та же самая мотивировка, что и в случае с Яхьяевым, «Герасимов не скажет нам ничего нового». Непробиваемая формулировка. Судья не пожелал выслушать свидетельские показания генерала, хотя он мог бы, например, описать состояние полковника наутро, сразу после совершения преступления — а по этому поводу была большая разногласия. Он видел его и разговаривал с ним тогда. Было ли у Буданова похмелье, к примеру? Ведь экспертиза уже подвергла большому сомнению то, что Буданов был пьян в ночь совершения преступления, — и он стал «трезв», несмотря на то, что о пьянстве Буданова накануне убийства им Эльзы Кунгаевой свидетели говорили много на предварительном следствии... Каким был наутро 27-го Буданов? Было ли это, как говорит самая первая судебно-

психиатрическая экспертиза (*всего проведено шесть таких экспертиз.* — Прим. авт.), измененное состояние вследствие состояния алкогольного опьянения? Или — последствия невменяемости? А поскольку невменяемость пройти за несколько часов не может, как утверждают сегодня независимые психиатры-эксперты, то, значит, Буданов был вменяем и сознавал свои действия?.. Так почему же экспертиза уверяет, что не сознавал и не может быть осужден за преступления?.. Не потому ли то же, что «отмывает» Буданова?

— Кроме того, допрос генерала Герасимова в суде помог бы установить, к примеру, оказал ли Буданов сопротивление в момент задержания? Ведь известно, что, когда генерал вместе со взводом бойцов отряда особого назначения, охранявшей его, приехал для задержания в 160-й полк, Буданов в ответ позвал своих бойцов — полковых разведчиков, и принудил их оказать вооруженное сопротивление бойцам генерала Герасимова, и эти отряды чуть не перестреляли друг друга в упор!..

— Да, все было именно так. Буданов тогда тоже вынул револьвер, и Герасимов испугался, что он сейчас кого-то пристрелит... Но Буданов, поразмыслив, прострелил ногу сам себе... Все это есть в материалах дела, которые был обязан рассмотреть суд... Но не рассмотрел. Подводя черту, хочу сказать, что суд шел, отмечая все, что не в пользу полковника.

— Хорошо, а если все-таки было оказано сопротивление при задержании, что это, собственно, уже могло поменять?

— Многое. Это дополнительная статья обвинения, во-первых. И к тому же важная характеристика личности Буданова, во-вторых. Отказав нам во ВСЕХ этих ходатайствах и свидетелях, суд приобщил к материалам дела только письмо генерала Владимира Шаманова, ныне губернатора Ульяновской области, обращенное к суду (*Шаманов — старый друг Буданова, 160-й полк долгое время в Чечне воевал именно под командованием Шаманова.* — Прим. авт.). В письме Шаманова нет никаких новых фактов, потому что Шаманов в момент совершения

преступления Будановым в Чечне вообще не был — уехал в отпуск в Москву. Но зато там полно идеологии, просто утверждается, что Буданов «невиновен», он был полностью прав, задержав Кунгаеву, как снайпершу, и прав, что убил ее, раз она оказала сопротивление... Шаманов написал в суд как типичный участник второй чеченской войны, как непосредственный начальник Буданова — и суд тут же, с готовностью приобщил его письмо к материалам дела.

— Судя по вашему пересказу, письмо Шаманова в суд — идеологическое ходатайство. Можно ли утверждать, что и весь судебный процесс над Будановым идет как идеологический? Если от генерала Герасимова, свидетелей Сембиева и Яхьяева он отказался получить конкретную информацию как от прямых свидетелей, но согласился принять «патриотический» текст от генерала Шаманова, не являющегося свидетелем вообще, зато известного в стране идеолога крайней жестокости военных по отношению к гражданскому населению Чечни, уверенного в том, что чеченский народ обязан нести коллективную ответственность за действия отдельных своих представителей-уголовников?

— Да, именно так. На заседаниях царили путаница, абсурд и чехарда. Мне кажется, намеренные. У всего этого была конкретная цель — увести от реального рассмотрения дела и сути преступлений Буданова. И свести все к «расправе над русским офицером». Помимо этого, как я уже сказал, суд допускал откровенные процессуальные нарушения. Например, чтение всех материалов дела было закончено за полтора часа — а это десять внушительных томов!

— Как же их читал судья?

— Вот так — не читая. Листая. Пролистал и заявил, что судебное следствие окончено. Но на следующий день судебное следствие было вдруг продолжено — без всякого на то определения... Нарушения процедуры — на каждом шагу. И это, конечно, даст нам возможность обжаловать будущий приговор.

— Вам не мешает, что вы — русский и защищаете интересы чеченской семьи? У нас сложилось так, что чеченцев в судах защищают адвокаты-чеченцы, русских — русские...

— Меня пригласил правозащитный центр «Мемориал», который организовал всю защиту семьи Кунгаевых. Как известно, семья эта очень бедная, средств на адвоката у нее не было... Сначала их интересы защищал адвокат Хамзаев, но потом он тяжело заболел, Кунгаевы оказались вообще без защиты, а суд воспользовался этим! Стал так подгонять процесс, что было понятно, что вот-вот будет вынесен приговор. Это было в середине мая 2002 года. Тогда-то «Мемориал» и нашел меня. Когда я появился в Ростове-на-Дону, в кулуарах суда меня так прямо и спрашивали: какое отношение я имею к чеченской диаспоре? Я ответил: «Посмотрите на мое лицо. Никакого отношения». И второй вопрос: «Кто вы по национальности?». Это меня спрашивали люди не только из «группы поддержки Буданова» в кулуарах, но и сам Буданов в зале суда. Он, кстати, постоянно кричал на меня на заседаниях. Например: «Чего ты разорался?».

— На «ты»?

— Конечно. Он — военный, считает, что ему все позволено. Правда, никогда ни одного замечания или предупреждения от судьи за неподобающее поведение в зале суда Буданов не получал. Ему было все позволено. Мне даже кажется, что судья его боялся.

— А на свою защиту — своих трех адвокатов — Буданов тоже кричал?

— Нет, конечно. Когда ростовские журналисты замучили меня вопросами о национальности, я ответил: «Да, я — русский, как видите. И именно поэтому я — в этом деле. Потому что я защищаю нормы российского права». А вот суд вслед за Будановым встал на защиту обычного права. Буданов как раз-то и поступил по извращенным нормам обычного средневекового права чеченцев — он убивал, считая, что мстит. И суд, и общество его в этой мести поддержали. Полковник

Буданов не вел себя в соответствии с нормами российского права, которым обязан подчиняться. То, что происходило в суде, доказывает, что власти страны, государство в целом как бы подписываются под тем, что НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕЧНИ НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО НЕ ДЕЙСТВУЕТ. А ДЕЙСТВУЕТ ПРАВО МСТИ, БЛАГОСЛОВЕННОЕ ГОСУДАРСТВОМ.

Игры в экспертизы

Одной из главных в деле Буданова стала игра с судебными психолого-психиатрическими экспертизами.

Именно — игра. В ходе всего трехлетнего процесса полковник удостоился сначала четырех, а потом, после отмены первого приговора, еще двух судебных психолого-психиатрических экспертиз. Результаты почти всех из этих экспертиз также стали прежде всего политическими — в поддержку той линии в отношении Буданова, которую в данный момент занимал Кремль и чего требовал от суда. А линия эта, как известно, менялась — от «+» до «-», в зависимости от конъюнктуры и имиджа, в котором в данный момент нуждался президент.

Две (самые первые) из экспертиз имели место почти по горячим следам совершенных преступлений, во время предварительного следствия — в мае и августе 2000 г. В первый раз экспертиза шла амбулаторно, силами психиатров военного госпиталя Северо-Кавказского военного округа и Центральной Северокавказской лаборатории судебной экспертизы Министерства юстиции России. Во второй раз ее проводили врачи гражданской Новочеркасской областной психоневрологической больницы, и уже стационарно.

Первые две экспертизы признали Буданова вменяемым, ориентированным и контактным. То есть обязанным отвечать за свои преступления. И это был как раз период, когда Путин везде говорил о «диктатуре закона», которая должна установиться в России, и что, в рамках такого лозунга, все военные, совершившие

в Чечне преступления, не уйдут от наказания наравне с боевиками, участниками незаконных вооруженных формирований...

К тому же это было время заигрывания с чеченцами после тяжелых штурмов и боев 1999-2000 годов, назначения главой республики Ахмат-Хаджи Кадырова, одного из боевиков, дудаевского муфтия (*Дудаев Джохар — первый президент Чечни, убитый в 1996 году самонаводящейся ракетой, пущенной федеральными военнослужащими с целью уничтожения Дудаева.* — Прим. авт.), ранее объявлявшего джихад России, а теперь подружившегося с Кремлем, поскольку «все осознал»...

Две первые экспертизы, впрочем, отметили следующее обстоятельство: что в момент удушения Эльзы Кунгаевой, Буданов, вероятно, находился в некотором аффекте и что у полковника, скорее всего, имеются признаки органического поражения головного мозга, отчего он страдает органическим же «расстройством личности и поведения».

Министерству обороны эти выводы тогда очень сильно не понравились, потому что они означали две вещи. Во-первых, что, в соответствии с российским законодательством, Буданову предстоит отвечать по всей строгости закона — раз он вменяем... И, во-вторых, что в войсках, в боях участвуют люди с органическими поражениями мозга, их никто не обследует (что было чистой правдой), и люди с органическими расстройствами личности командуют сотнями других людей, и в их ведении самое современное оружие...

Когда начался судебный процесс, то очень быстро стало очевидным, что такие выводы психиатров не по душе и судье Костину. И тому две, по крайней мере, видимых причины.

Во-первых, он сам — часть Министерства обороны как военный судья. Таковы российские правила, где существуют специальные военные суды для военных людей и военные судьи, которые разбирают преступления, совершенные

военнослужащими, — люди, совершенно подчиненные военной системе, они сами плоть от плоти ее, полностью зависимы от руководства воинских частей (от гарнизона до Министерства обороны) в получении жилья, в заработной плате, в продвижении по чинам... Уродливая система, но она такова, что судья Костин способен получить следующее воинское звание (квартиру, денежное довольствие) только от штаба Северо-Кавказского военного округа, того самого штаба, в подчинении которого находился и приказы которого исполнял подсудимый полковник Буданов и который (штаб) неоднократно объявлял, что считает Буданова невиновным, страдающим лишь за честную службу Отечеству...

Вторая причина состояла в том, что ко времени начала суда над Будановым и политическая конъюнктура в России стала существенно меняться. Кремль постепенно переставал играть в демократию и «диктатуру закона». И как следствие все воевавшие в Чечне были объявлены «героями», независимо от того, что они там совершали, президент стал направо-налево раздавать «чеченцам» ордена и награды и уверять, что государство их никогда «не предаст». В отечественной властной лексике эти слова означали многое — что к военным «чеченским» преступникам власть намерена быть снисходительна до всепрощения, а прокуратура, пытающаяся возбуждать уголовные дела против федеральных военнослужащих, совершивших противоправные действия в отношении гражданского населения, должна приутихнуть...

Подконтрольные государству масс-медиа стали творчески развивать новый лозунг. По государственным телеканалам потоком пошли сюжеты о том, как честно Буданов выполнял свой долг, и генерал Шаманов (тот, что написал письмо в суд) больше не сходил с экранов со своими патриотическими речами во славу боевого товарища, и утверждение о том, что убитая полковником 18-летняя чеченка из Танги-Чу была снайпершей и боевичкой, уже не подвергалось по телевидению никакому сомнению. И уже никто не вспоминал, что ни следствие, ни защитники Буданова так и не смогли отыскать хотя бы косвенных подтверждений, что Эльза Кунгаева имела отношение к незаконным вооруженным формированиям...

Промывка мозгов населения по политическому заказу шла вовсю — и именно так готовился оправдательный приговор Буданову.

В этот самый момент суд в Ростове-на-Дону как раз и «усомнился» в компетентности экспертов, проводивших две первые психолого-психиатрические экспертизы, и назначил еще одну — третью по счету. На сей раз — комплексную, совместную военно-гражданскую, уже в Москве, силами Центральной судебно-медицинской лаборатории Министерства обороны и Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии имени В.П. Сербского (название в народе — Институт Сербского, или просто «Сербского»).

У «Сербского» в России — дурная слава еще с советских времен. Тут признавали сумасшедшими диссидентов — борцов с коммунизмом, тоталитарной ложью и политическими несвободами. Доктора «Сербского» всегда исправно выполняли те заказы, которые им выдавал всесильный ВЧК-КГБ.

Туда-то и был отправлен Буданов. Когда об этом стало известно, сомневающимся в том, ЗАЧЕМ Буданов в «Сербского», было мало — за тем, чтобы сделать все возможное для выведения из-под уголовной ответственности. Так говорили сторонники Буданова: мол, теперь его освободят. Так же говорили и противники...

Официальным обоснованием для назначения третьей экспертизы стала следующая формулировка суда: «...в связи с неопределенностью, противоречивостью и неполнотой данных», а также появлением «новых и уточненных данных», которые важны для «определения истинного психического состояния Буданова».

За «неполноту» при этом судья Костин посчитал «нежелательную вменяемость» (цитата из постановления суда), а «новые и уточненные данные» заключались в том, что уголовное дело еще несло в себе благодаря следователям

прокуратуры, ведшим предварительное следствие, такие эпизоды будановской уголовной эпопеи (позже их фактически изъяли из дела), которые свидетельствовали о совершении полковником тяжких преступлений.

И не важно, что целый ряд эпизодов, представленных для новой экспертизы, просто не существовал, — эксперты «Сербского» просто-напросто стали отталкиваться от тех фактов, которые никем не доказаны. Однако, раз они были в пользу полковника, их предъявили экспертам, и те их уже трактовали как совершенно неоспоримые и достоверные...

То есть это была откровенная фальсификация. Как со стороны суда, так и со стороны «Сербского».

Какие же вопросы поставил суд Костин перед судебными психиатрами третьей экспертизы?

- Страдал ли ранее или страдает в настоящее время Буданов каким-либо хроническим душевным заболеванием?

- Не находился ли Буданов в период инкриминируемых ему деяний в состоянии какого-либо временного болезненного расстройства психической деятельности? Мог ли в полной мере понимать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими?

- Какие индивидуально-психологические особенности личности Буданова могли способствовать или существенно повлиять на его поведение в исследуемых ситуациях?

- Не находился ли Буданов в период совершения инкриминируемых ему деяний в каком-либо эмоциональном состоянии (стресс, фрустрация, аффект)?

- Могли ли действия Кунгаевой оказать влияние на возникновение у Буданова какого-либо временного болезненного расстройства психической деятельности? Являлись ли действия Кунгаевой провоцирующими поведение Буданова?

- Какое влияние оказало на состояние Буданова в момент совершения инкриминируемых деяний употребление водки?

- Как можно оценить состояние Буданова в момент совершения им действий в отношении Кунгаевой в салоне штабной машины в ночь с 26 на 27 марта 2000 г. в случае: 1) восприятия им Кунгаевой, как дочери «снайперши», отказывающейся сообщить местонахождение матери, оскорбляющей (*не оскорбляла — это судебские фантазии и введение в дело тех фактов, которых не было на самом деле. Это подтверждается массой свидетельств, имеющих в материалах обвинительного заключения, о том, что Эльза не говорила по-русски... — Прим. авт.*), пытающейся убежать (*не пыталась, и это тоже судебские фантазии в пользу подсудимого. — Прим. авт.*), оказывающей сопротивление? 2) пытающейся завладеть заряженным оружием? 3) восприятия Кунгаевой как снайперши, с предъявлением изобличающей ее фотографии (*хотя в вопроснике для экспертов судья делает ссылку на протокол судебного заседания от 27 и 28 июня 2001 г., и вроде бы все кажется оправданным, правда, если только не знать главного, что фотографии так и не нашли, и так никто и не предъявил ее, никто, даже сам Буданов, и ссылка на протокол — всего лишь ссылка на ничем не доказанные слова самого Буданова на предварительном следствии. — Прим. авт.*)?

- Нуждается ли Буданов в применении к нему принудительной меры медицинского характера?

- Годен ли был Буданов по своему психическому состоянию к военной службе на период времени, относящийся к инкриминируемым ему деяниям, и годен ли к военной службе в настоящее время?

- Являются ли клинически обоснованными и научно аргументированными заключения экспертов, данные в ходе предварительного следствия?

Далее то, что написали в «Сербского» в ответ на запрос судьи Костина. Это АКТ экспертизы № 1111 на полковника Буданова. В документе, как вы заметите, — каждое лыко в строку, тут все призвано работать на «правильный» образ «героя», с момента его рождения до самой второй чеченской войны.

«По словам Буданова, он родился в трудно протекавших родах, в асфиксии, проводились реанимационные мероприятия. По показаниям матери, сестры, был ранимым, в ответ на обиду мог вспылить, ответить в грубой форме, вступить в драку, особенно болезненно реагировал на несправедливые замечания, при этом всегда стремился защитить «слабых», малых и бедных».

В апреле 1982 г. медицинской комиссией при Харцызском РВК Донецкой области был признан годным к военной службе. В 1983 г. поступил в Харьковское высшее танковое командное училище. В 1985 г. женился, имеет сына и дочь. С 1995 г. по 1999 г. обучался заочно в Военной академии бронетанковых войск.

Согласно служебным характеристикам, Буданов проявлял себя исключительно с положительной стороны, был дисциплинирован, исполнитель, настойчив. В январе 1995 г., во время «первой военной кампании» в Чечне и участвуя в боевых действиях, Буданов получил контузию головного мозга с кратковременной потерей сознания. За медицинской помощью не обращался. По показаниям матери и сестры, после возвращения с «первой чеченской войны», Буданов «изменился по характеру и поведению», стал более нервным, раздражительным. В августе 1998 г. был назначен командиром полка, в январе

2000 года ему было досрочно присвоено звание полковника. Буданов создавал в подразделениях обстановку нетерпимости к недостаткам и пассивности. У него было развито чувство ответственности. Имеет правительственные награды, дважды награжден орденом Мужества.

Все товарищи Буданова «отклонений в психике» у него не замечали. Под наблюдением психиатра и невропатолога Буданов не состоял.

По показаниям Буданова, по прибытии полка из Забайкальского военного округа в Чечню, начиная с 10 октября 1999 г. и по 20 марта 2000 г., полк практически не прекращал боевых действий. В октябре и ноябре 1999 г. Буданов дважды получил контузии головного мозга с потерей сознания. После этого его стали беспокоить постоянные головные боли, головокружения с потемнением в глазах, он стал плохо переносить резкие, громкие звуки, стал вспыльчивым, несдержанным, раздражительным, появились колебания настроения со вспышками злобы, ярости, Буданов совершал поступки, о которых позже сожалел.

По показаниям Буданова, наиболее тяжелыми были бои в Аргунском ущелье с 24.12.1999 по 14.02.2000. С 12 по 21 января полк потерял 9 офицеров и 3 человека рядового состава. Многие из погибших, как показал Буданов, были убиты выстрелами снайпера в голову. 17.01.2000 от руки снайпера погиб товарищ Буданова — капитан Размахнин. Через две недели после боя им удалось забрать с поля боя изуродованный труп майора Сорокотяги, на котором были видны следы пыток.

8.02.2000 Буданов прибыл в отпуск в Бурятскую Республику. По показаниям жены, в отпуске у него появилась раздражительность, нервозность. Он рассказывал ей, что его полк в Аргунском ущелье столкнулся с боевиками Хаттаба, в том бою были уничтожены 15 полевых командиров его группировки. За это полк боевики называли «звериным», а его, Буданова, объявили личным врагом и назначили баснословную сумму за его голову.

Буданов очень переживал по поводу того, что большинство офицеров его полка погибли не в открытом бою, а были убиты снайпером, при этом говорил, что домой вернется только после того, как «они добьют последнего боевика».

15.02, не дождавшись окончания отпуска, Буданов уехал в Чечню. По показаниям матери и сестры, Буданов по возвращении из отпуска заехал к ним на один день, и его невозможно было узнать, он постоянно курил, почти не общался, «вывести его из себя ничего не стоило», не мог сидеть на одном месте. Показывая фотографии погибших и их могил, плакал, и они его в таком состоянии раньше не видели...».

КОРОТКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ. Как следует из показаний начальника медицинского пункта 160-го полка капитана Купцова — а Купцов видел Буданова ежедневно, — бывали случаи, когда у него в течение 10-15 минут настроение менялось по нескольку раз. От нормального, добродушного до неадекватной ярости от любой мелочи. Во время боев эти качества усилились. В момент гнева Буданов мог швырять на пол и в окружающих настенные часы, телефонные аппараты, все, что попадалось под руку. Психологический и психический статус Буданова, по словам Купцова, в октябре 1999 года (то есть еще ДО смерти товарищей-офицеров и боев в Аргунском ущелье) уже приобрел «извращенные формы».

Продолжим цитирование АКТа:

«Буданов сам с оружием в руках ходил в атаки, принимал участие в рукопашных. После боев в Аргунском ущелье пытался лично вынести тела погибших. После гибели офицеров и солдат полка на высоте 950,8 Буданов винил себя в их гибели, постоянно находился в подавленном состоянии. Он мог ударить подчиненных, швырял в них пепельницы. В середине марта 2000 года, потребовав навести порядок в палатке, бросил гранату в печку. В результате взрыва никто не пострадал, и он добился наведения порядка офицерами.

С середины февраля 2000 г. полк находился в резерве командования и дислоцировался возле населенного пункта Танги. Буданову ставилась задача: проведение разведывательно-поисковых мероприятий, установление засад, осуществление вторичной проверки паспортного режима жителей села (абсолютно не свойственная армии задача. — Прим. авт.), задержание подозрительных лиц.

Буданов и его подчиненные отмечали, что в то время обстановка была очень сложной, было непонятно, где враг, где друг, а где линия фронта. С 22 по 24 марта 2000 г. полк проводил разведывательно-поисковые мероприятия. Решили осмотреть ряд домов в Танги и обнаружили двух «рабов», вывезенных насильно около 10-15 лет назад из Центральной России.

Получив эту информацию, 26.03.2000 Буданов решил лично проверить обстановку в Танги. (24-го — получил, 26-го решил проверить? Но у экспертизы таких вопросов нет. — Прим. авт.) Задержав двух чеченцев, Буданов приказал их связать и посадить в БМП. В полку один предъявил документы на имя Самбиева Шамиля и попросил возможность поговорить с Будановым наедине. Через 15—20 минут Буданов приказал вновь выехать в Танги, пояснив, что Шамиль согласился показать дома, где проживают лица, причастные и помогающие боевикам. Во время следования по селу чеченец показывал интересующие их дома, в том числе дом белого цвета на юго-восточной окраине, где проживает «снайперша». Кроме этого, Буданов хранил фотографию, на которой были 2—3 мужчин и 3—4 женщины с оружием в руках.

По показаниям Буданова, он решил не медлить с задержанием этой «снайперши». 26.03 около 15 часов, во время обеда в офицерской столовой, Буданов употребил алкогольные напитки. В 24-м часу 26.03 решил лично выехать в Танги в дом № 7 по ул. Заречной. БМП была остановлена рядом с домом № 7, где проживала семья Кунгаевых. Буданов... зашел туда. Там находилась Кунгаева Эльза Висаевна, 1982 г.р., вместе со своими четырьмя несовершеннолетними

братьями и сестрами. Буданов приказал захватить Кунгаеву. Ее завернули в покрывало и поместили в десантный отсек БМП. Затем привезли в расположение полка и занесли в КУНГ (кузов унифицированный грузовой) — помещение, где проживал Буданов, и положили ее на пол. Буданов отдал распоряжение находиться возле КУНГа и никого в него не допускать. Оставшись наедине с Кунгаевой, Буданов стал требовать от нее информации о путях перемещения боевиков. Получив отказ (Кунгаева по-русски не говорила. — Прим. авт.), Буданов продолжал требовать.

Стал избивать ее, нанося удары кулаками и ногами по лицу и различным частям тела, причинив ей кровоподтеки на внутренней поверхности правого бедра, кровоизлияния в слизистую оболочку преддверия рта и десны. Кунгаева же пыталась оказать сопротивление, отталкивала его, пыталась выбежать из КУНГа. Буданов же, будучи уверен, что Кунгаева участвовала в НВФ и причастна к гибели его подчиненных, решил убить ее. Он схватил Кунгаеву за одежду, повалил ее на топчан, схватил за шею и стал с силой сдавливать ее шею до тех пор, пока Кунгаева перестала подавать признаки жизни. Буданов вызвал к себе экипаж БМП и приказал вывезти тело Кунгаевой и захоронить за пределами части, что и было исполнено, о чем Григорьев утром 27.03 доложил Буданову.

По словам самого Буданова, сначала никаких мыслей об убийстве Кунгаевой у него не было, а тем более о каких-либо сексуальных домогательствах. Но Кунгаева «разразилась» ругательствами (Кунгаева не знала по-русски! — Прим. авт.) в адрес Российских вооруженных сил, русских и лично в его адрес. В этот момент обстановка начала накаляться, разговор уже шел на повышенных тонах, Кунгаева стала говорить ему, что чеченцы «расправятся с ним и его семьей». Кунгаева выражалась в его адрес и в адрес российских военнослужащих нецензурной бранью (которой не владела — Прим. авт.). Наконец, Кунгаева попыталась выйти из КУНГа, Буданов этого не ожидал и применил силу, оттащил от двери, в ходе этой борьбы одежда на Кунгаевой частично (солдаты позже обнаружили ее абсолютно голой. — Прим. авт.) порвалась.

По словам Буданова, Кунгаева оказалась очень сильной физически, порвала на нем футболку, сорвала с шеи цепочку с крестиком дочери, а он сорвал за это с нее верхнюю одежду. Кунгаева кричала, что она «мало их отстреляла». Когда Кунгаева находилась на втором дальнем топчане КУНГа, то пыталась дотянуться до его пистолета, лежавшего на тумбочке. Буданов перехватил ее руку, а другой стал прижимать ее тело к топчану, удерживая свою руку в области горла Кунгаевой. Кунгаева продолжала в это время высказывать угрозы в его адрес. А у него перед глазами мелькали лица «всех солдат и офицеров, погибших в Аргунском ущелье».

Что происходило дальше, Буданов не помнит. Когда стал приходить в себя, увидел, что Кунгаева лежит на топчане, не двигаясь. Он вызвал экипаж БМП. По показаниям Буданова, в этот момент на ней была юбка, ее кофты и бюстгальтер валялись в ближнем отсеке, а на нем были брюки. Ли-ен-шоу посоветовал захоронить в лесополосе. Тогда Буданов сказал членам экипажа завернуть тело в плед и вывезти. Одежду Кунгаевой положили в тот же плед. Буданов предупредил всех членов экипажа, чтобы они не вздумали сделать контрольный выстрел в голову, имея в виду, чтобы они не уподоблялись боевикам. Когда тело Кунгаевой заворачивали, никаких следов крови на нем не было. После отъезда экипажа Буданов лег и заснул».

НЕОБХОДИМОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ.

Как неоднократно говорили на следствии солдаты полка, охранявшие в ту ночь командирский КУНГ, когда они вошли, по вызову Буданова, полковник был в одних плавках. А девушка лежала на дальнем топчане совершенно голая, на спине, лицом кверху. На полу валялось покрывало, на нем — вещи девушки, трусы, кофты. Буданов спросил солдат: «Кто боится покойников?». И закурил, приказав завернуть тело и захоронить в лесополосе. И пригрозил: если они кому-то расскажут, то он всех пристрелит, у него на всех них патронов хватит, по одному — в тело и по одному контрольному выстрелу в голову...

«Около 13.30 27.03, по словам Буданова, он встретился с генерал-майором Герасимовым, исполняющим обязанности командующего группировкой «Запад» (командующим вообще-то был Владимир Шаманов, но в это время он, всегда благоволивший к Буданову, уехал в отпуск, что и сделало, напомним, возможным доступ следователей военной прокуратуры на территорию танкового полка, генерал Шаманов ничего подобного никогда бы не допустил, о чем потом неоднократно заявлял в многочисленных интервью. — Прим. авт.).

Генерал Герасимов сразу же стал высказывать Буданову претензии, что тот сжег полсела и изнасиловал 15-летнюю. Высказывания Герасимова были в оскорбительной форме, с употреблением нецензурной брани. Буданов вытащил пистолет, опустил ствол вниз, выстрелил в землю и попал себе в ногу. В это время офицеры из окружения Герасимова направили на него оружие, хотя Буданов после выстрела сам отдал пистолет Герасимову.

Одновременно Буданов услышал шум и увидел подъезжающую разведроту своего полка. Разведрота в составе 20 человек с двумя офицерами встала напротив группы офицеров генерала Герасимова. Возникло противостояние двух групп вооруженных людей. Но Буданов приказал убрать оружие. Дальше, по словам Буданова, они с генералами Герасимовым и Вербицким зашли в штабную комнату. В последующем Буданов написал явку с повинной.

Допрошенный в ходе предварительного следствия 5.10.20, Буданов объяснил противоречия в своих показаниях тем, что при допросах 27.03, 28.03, 30.03 у него было очень тяжелое состояние.

На основании вышеизложенного экспертная комиссия пришла к заключению, что Буданова в отношении инкриминируемого ему деяния следует считать НЕВМЕНЯЕМЫМ. В ответ на действия Кунгаевой (грубая брань, стремление овладеть пистолетом, угрозы) у Буданова развилось временное болезненное расстройство психической деятельности.

Ответ на вопрос 5. Действия потерпевшей Кунгаевой явились одним из факторов возникновения временного психического расстройства Буданова.

Ответ на вопрос 6. Показания об алкогольном опьянении Буданова противоречивы и взаимоисключающие. Убедительных данных о состоянии опьянения у Буданова нет. (Уже — «нет»! — Прим. авт.).

Ответ на вопрос 7. В настоящее время может осознавать характер своих действий. Подлежит АМБУЛАТОРНОМУ наблюдению и лечению у психиатра. Подпадает под категорию «В» — ограниченно годен к военной службе».

Вот именно так и появилась на свет третья — «правильная» экспертиза. Где главным получилось следующее: ТЕБЯ УБИЛИ — САМА И ВИНОВАТА, НЕ НАДО БЫЛО СОПРОТИВЛЯТЬСЯ. И БЫТЬ СНАЙПЕРШЕЙ. А также: ПОКА УБИВАЛ — БЫЛ НЕВМЕНЯЕМ, УБИЛ — ОПЯТЬ СТАЛ НОРМАЛЬНЫМ.

Именно такие выводы экспертизы, согласно российскому законодательству, давали судье все возможности, на которые он рассчитывал, желая исполнить политический заказ по отмыванию полковника от военных грехов.

Во-первых, он мог теперь освободить Буданова от уголовной ответственности.

Во-вторых, направить его на принудительное, но АМБУЛАТОРНОЕ (то есть без помещения в психиатрическую лечебницу специального типа) лечение, сроки которого будет определять уже не суд, а просто лечащий врач-психиатр, и все неприятности для полковника могут закончиться уже через какую-нибудь неделю после приговора: врач решит, что он уже здоров, и Буданов даже не должен будет посещать поликлинику.

В-третьих, сохранить Буданову право продолжать службу в армии (раз «невменяемость» была «сиюминутной» и «ситуационной» — в ответ на действия

Кунгаевой), а на таком варианте приговора особо настаивала военная верхушка — штаб Северо-Кавказского военного округа и руководство Министерства обороны, поскольку иначе получалось бы, что полками в Чечне у них командуют заведомо сумасшедшие, которых они вовремя не выявляют, не лечат, и они творят то, что хотят...

Так уж повелось в нашей стране, что в производстве российских судебных экспертиз по-прежнему главное — не факты, а кто их подгонял друг к другу. Суть экспертизы зависит от того, кто ее делал. На сей раз героями психолого-психиатрического обоснования «отбеливания» Буданова стали следующие эксперты:

— руководитель экспертного отделения «Сербского», врач с мировым именем, доктор медицинских наук, психиатр-эксперт высшей категории со стажем экспертной работы в 50 лет, профессор Т. Печерникова (председатель комиссии);

— руководитель первого клинического отделения, доктор медицинских наук, заслуженный врач РФ, стаж экспертной работы в 42 года, профессор Ф. Кондратьев;

— кандидат психологических наук Сафуанов Ф. (стаж экспертной работы — 20 лет);

— главный судебно-психиатрический эксперт Министерства обороны, полковник медицинской службы А. Горбатко;

— подполковник медицинской службы Г. Фастовцев;

— психиатр-эксперт Г. Бурняшева.

Именно эти люди выполнили главную часть работы: они признали Буданова невменяемым в момент совершения преступления, а значит, свободным

от наказания за него, но зато вполне вменяемым как за час до преступления, так и после, а значит, годным к дальнейшей службе и адекватным к жизни, обязанным лишь раз в месяц посещать доктора по месту жительства.

Важно понять, кто же они — эта команда во главе с профессором Печерниковой? И кто сама Печерникова? Случайно ли то, что именно к ней, а не к кому-то другому обратился суд для изготовления «нужной» и политически важной экспертизы?

Моя позиция состоит в том, что все произошло совершенно неслучайно. Потому что у нас не бывает подобное случайным. И так повелось с советских времен. Мы-то все надеялись, что они канули в безвозвратную Лету, что мы теперь свободны, что фантомы дурного прошлого не потревожат больше нас...

Ан нет! Когда надо, призраки коммунизма — они опять с нами, в нужное время и в нужном власти месте. Причем самые жуткие.

Тамара Печерникова, профессор-психиатр с полувековым экспертным стажем, — фигура знаковая в истории нашей страны. Дальше — только некоторые этапы ее большого пути. И этот исторический экскурс тут совершенно необходим — именно потому, что во времена президентства Путина наша самая страшная история — заказная политическая психиатрия, — опять вошла в наш ежедневный быт с той стороны, откуда ее вовсе и не ожидали...

...25 августа 1968 года на Красной площади в Москве — знаменитая «молчаливая демонстрация семи». Семь человек, среди которых была и Наталья Горбаневская — поэт, журналист, диссидент, на сей раз она толкала перед собой коляску с младенцем, — и эти семеро вошли на Красную площадь, быстро достали и развернули плакаты: «За нашу и вашу свободу!», «Позор оккупантам!»... Так, в стране, где давно никто не протестовал и все смирились соглашаться с руководящей линией КПСС, обнаружили себя люди, способные протестовать против вторжения советских войск в Чехословакию.

Демонстрация «семи» длилась всего несколько минут, и дальше все семь немедленно были схвачены сотрудниками КГБ в штатском, постоянно патрулировавшими Красную площадь. Впоследствии суд дал двоим из семи лагеря, одному — психбольницу, трое попали в ссылку, а Горбаневскую сначала отпустили, поскольку у нее был грудной младенец.

Ее арестовали позже, 24 декабря 1969 года. Потому что Наталья так и не прекратила правозащитную деятельность.

И тогда, в 69-м году, тридцать с лишним лет назад от нашего времени, в связи с делом Натальи Горбаневской, впервые ясно просматривается след доктора Печерниковой в жизни страны. Печерникова была тем самым врачом-психиатром, которая по требованию КГБ допрашивала Горбаневскую все в том же Институте Сербского, где спустя несколько десятилетий обследовали и Буданова.

Печерникова-69 вынесла Горбаневской тот медицинский вердикт, который потребовал КГБ: «шизофрения». То есть психически здоровый человек не в состоянии ходить с плакатами против наших танков на улицах Праги по Красной площади.

Другой диагноз КГБ, проштампованный Печерниковой-69, был: Горбаневская — социально опасна, подлежит бессрочному принудительному лечению в психиатрической больнице специального типа...

Дальше для Горбаневской, основателя и первого редактора подпольного, самиздатского (самиздат — так называли диссиденты запрещенную литературу, которую размножали вручную или на пишущих машинках и распространяли самостоятельно) бюллетеня советских правозащитников «Хроника текущих событий», наступили тяжкие годы пребывания в Казанской спецпсихбольнице. Горбаневская сидела там с 1969 по 1972 годы. (В 1975 году она эмигрировала по израильской визе и живет теперь во Франции.)

— Вы помните сегодня такую фамилию — Печерникова? — Спросила я Наталью Константиновну теперь.

— Конечно.

— Как проходила Ваша экспертиза тогда?

— Самое мягкое слово, которое я могу здесь применить, — это тенденциозность. Диагноз «шизофрения» мне подгоняли под формулу, заранее придуманную. Вот и все, что делала Печерникова. У них была директива КГБ: отправить меня на принудительное лечение в спецпсихиатрическую больницу, и они все, включая Печерникову, ее выполняли. А зная, что суд не потребует убедительных доводов диагноза, они их и не приводили в экспертном заключении. Например: *«Мышление по временам бывает непоследовательным»*. В чем это выражается? Ни слова. *«У Горбаневской наличие специфических для шизофрении изменений мышления, эмоциональных и критических способностей»*. Каких изменений? Ни слова. А ведь эта фраза — уже основная, определяющая, потому что в заключении, прямо вслед за ней, следует вывод о необходимости принудительного лечения. За весь месяц пребывания на экспертизе мне, к примеру, не задали ни одного вопроса про мои стихи, хотя я поэт. Как будто их и не было. Я-то боялась, что мне начнут приписывать манию величия, говорить: «Да вы что, считаете себя поэтом?!». Но ничего подобного. И понятно, почему: концепция *«эмоциональной холодности, уплощенности»* вследствие «шизофрении» стихов не допускала. *«Испытуемая... охотно вступает в беседу. Держится спокойно. На лице улыбка»*. Все правильно — только чего мне стоило это спокойствие! Я понимала, что должна быть спокойна, не подавать им поводов для сочинения каких-то симптомов. И вот, в итоге, само спокойствие становится симптомом и дает возможность написать в акте: *«...не проявляет беспокойства по поводу*

своего будущего и судьбы своих детей». Еще как я беспокоилась за детей, но не с психиатрами же из КГБ делиться этим! Цитирую дальше: «Не отказывается от своих поступков. Неколебимо убеждена в правильности своих действий. В частности, заявляет, что действовала так, чтобы в дальнейшем не чувствовать себя виноватой перед своими детьми». Я и сегодня не отказываюсь от своих поступков, и убеждена в правильности своих действий, а мои дети гордятся выпавшей мне судьбой... Дальше: «Критическая оценка сложившейся ситуации отсутствует». Психиатры, в их числе Печерникова, считали, что, думая своей, а не чужой головой, я должна быть признана сумасшедшей. Замечу, что весь месяц экспертизы со мной общались только Печерникова и врач Мартыненко. Только им принадлежали все эти «наблюдения», на основе которых они сделали окончательные выводы. Думаю, что они вполне понимали допущенные ими передергивания и искажения, что не помешало им выполнить порученную преступную работу. Таким образом, у Печерниковой давний опыт исполнения преступных приказов. Думаю, работа в Институте Сербского необратимо понижала как человеческую честность, так и профессиональную квалификацию психиатров. Если врачи не были стопроцентными циниками, эта работа приводила их к шизофреническому раздвоению личности.

— Чем для Вас это закончилось? Каковы были последствия той экспертизы Печерниковой? Сколько времени в результате Вы провели в спецпсихлечебнице?

— 2 года и 2 месяца. Я называю ее психиатрической тюрьмой. В самой тяжелой из них — Казанской — я провела 9,5 месяца. Из Бутырки (московская тюрьма) в Казань меня привезли в январе 1971 года. В 1972 году, опять через Бутырку, вернули в «Сербского» на повторную экспертизу. В «Сербского» — еще 3 месяца. Но все дело было не в сроках, а в принудительном лечении тяжелыми нейролептиками. Галоперидолом, применение которого давно признано пыткой. Галоперидол в клинической практике применялся для лечения бредов и

галлюцинаций. Ни того, ни другого у меня не было. Если не считать бредом мои взгляды, но ведь они у меня такие и остались до сих пор... Обычная схема применения галоперидола: его давали в течение месяца, потом должен был быть перерыв на корректоры в связи с тем, что побочным эффектом галоперидола является болезнь Паркинсона. Ну а мне его кололи 9,5 месяца подряд, без корректоров и перерывов. Когда из Казани вернули в Институт Сербского и опять посадили на галоперидол, Печерникова мне сказала: «Вы же понимаете, что вам придется и дальше принимать галоперидол». Лицемерие!

— Что было дальше?

— Я эмигрировала. Через Вену в Париж. Потом было много хохота, во время моих позднейших встреч с французскими психиатрами, при чтении моего «анамнеза», изготовленного в «Сербского». Один из них сказал мне: «Ну, мы должны ехать на выучку к советским психиатрам: ведь если верить их диагнозу, перед нами чудесный случай излечения от шизофрении».

Дело Горбаневской — это было еще почти самое начало так называемых «психиатрических репрессий» против инакомыслящих в СССР, в которых самое активное участие принимала доктор Печерникова. Особо развернулась будущая спасительница полковника Буданова в тяжкие для нашей страны 70-е годы — в пору затяжных боев коммунистического режима с диссидентами. Тогда, как известно, у нас была вполне приемлемая Конституция, и войну с инакомыслием, дабы Запад особенно не возмущался тоталитаризмом, царящим в СССР, КГБ предпочитал вести психиатрическими методами, объявляя, кого можно, психически больными людьми, подлежащими принудительному лечению в спецбольницах.

Только за один 71-й год, как пишет Людмила Алексеева (известная правозащитница, диссидент советских времен, вынужденная из-за политических преследований эмигрировать в США, сейчас — президент Международной Хельсинкской ассоциации) в книге «История инакомыслия в СССР», «из 85

политических осужденных признали невменяемыми 24 человека, почти каждого третьего». Тех же, кого уж совсем невозможно было объявить сумасшедшими, осуждали как клеветников на советский строй — и это происходило опять же с помощью все той же Печерниковой.

Например, летом 1978 года прошел судебный процесс по обвинению в клевете диссидента Александра Гинзбурга. И на этом процессе Тамара Печерникова была уже в качестве свидетеля со стороны обвинения (*если вообще доктор может быть обвинителем* — Прим. авт.).

Александр Гинзбург — это один из самых известных советских диссидентов, журналист, член Московской Хельсинкской группы, издатель самиздатского поэтического сборника «Синтаксис», первый распорядитель (в 1974—1977 годах) Общественного фонда помощи политзаключенным в СССР и их семьям, учрежденного Александром Солженицыным на гонорары от издания «Архипелага ГУЛАГ». С 1961 по 1969 год Гинзбург трижды получал лагерные сроки за диссидентскую деятельность, а в 1978 году был приговорен к 8 годам лишения свободы. В 1979 году, под давлением Запада, он был выслан из СССР в обмен на советских разведчиков, арестованных в США. Впоследствии долго жил во Франции и умер в Париже в 2002 году от болезней, приобретенных в советских политических лагерях.

Вот что по моей просьбе вспомнила об атмосфере того, с участием Печерниковой, судебного процесса, проходившего в маленьком среднерусском городе Калуге, Арина Гинзбург — жена и соратник Александра:

— На Аликовых судах именно с психиатрией тогда были большие проблемы. На процессе они закармливали Алика нейролептиками. И он отключался прямо на заседаниях. Все время кололи. И Алик странно выглядел: еле шел, у него была шаркающая походка, в руках — наволочка с книгами (Алик отказался от адвоката и защищал себя сам), длинная седая борода. Разъезжалась речь, он был

дискоординирован, просил сесть, ему не разрешали, и тогда он упал без сознания... Сразу после приговора, правда, они от него отстали, перестали колоть...

Цитата из протоколов тех судебных заседаний: *«По документу-8 были допрошены Печерникова, руководитель отдела мед экспертизы Института им. Сербского, и Кузьмичева, врач психиатрической больницы-14 г. Москвы. Они утверждали, что никаких злоупотреблений психиатрией в СССР не существует».*

Как вы поняли, Гинзбург на суде настаивал на обратном — что такие имеются. О том же он писал и в самиздате — о резком усилении психиатрических репрессий в стране, о деятельности, среди прочих, и Печерниковой...

Вот выдержки из того самого судебного «документа 8» (его опровергает Печерникова), который представляет собой статью из правозащитной «Хроники текущих событий» (выпуск от 12 октября 1976 г.): *«Недавно Группа содействия (Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений. — Прим. авт.) обратилась к Верховному Совету СССР и к конгрессу США с предложением о создании смешанной комиссии для выявления случаев злоупотребления психиатрией. В данном документе Группа сообщает об известных ей фактах психиатрических репрессий в последнее время... Петр Старчик, композитор и исполнитель песен, 15 сентября 1976 г. с помощью милиции помещен в психбольницу на станции Столбовая (знаменитые «Белые Столбы», аналогичная «Сербского» советская психбольница. — Прим. авт.). Старчику уже вводится галоперидол в значительных дозах... Запись в журнале приема Петра Старчика: «С.О. (социально опасен). Стационарировался в ПБ в Казани на принудительное лечение по ст.70 (антисоветская агитация и пропаганда. — Прим. авт.). Выписан в 1975 г. В последнее время сочиняет песни антисоветского содержания, собирает у себя на квартире 40—50 человек. При осмотре ориентирован. Не отрицает сочинения песен, «у меня свое мировоззрение»... Эдуард Федотов был церковнослужителем в Пскове. Приехал в Москву, когда узнал о преследовании православных (А. Аргентова, который был насильно госпитализирован в психбольницу-14). В Москве Федотов был взят милицией и направлен в*

психбольницу № 14. Находится там в настоящее время... Гайдар Надежда Ивановна 7 мая 1976 г. пришла с жалобой в Прокуратуру СССР (куда ее направили из приемной ЦК КПСС. — Прим. авт.), была схвачена милиционерами, затем отвезена в психбольницу-13, где ей сразу стали делать уколы аминазина... Заведующая 2-м отделением Федорова Л.И. заявила: «Чтобы не жаловалась больше, немного подержим, потом — через спецприемник — в Киев. Там тоже немножко подержат... В следующий раз подумает, прежде чем идти жаловаться...».

Именно по поводу всего вышеперечисленного свидетельствовала на суде доктор Печерникова. Свидетельствовала таким образом, что Гинзбург был признан клеветником и агитатором против советского строя. Печерникова говорила, что ничего подобного в советской психиатрии нет, что Гинзбург клеветает.

Результат для Гинзбурга — 8 лет лишения свободы, тюрьмы, лагеря, туберкулез, четверть одного легкого, другое вообще было удалено, все последние годы жизни — по 16 часов он ежедневно пребывал на кислородном аппарате, и это был единственный шанс продолжения жизни... Полностью разрушенное здоровье, с которым лишь французская медицина могла хоть как-то справиться...

Чтобы понять, что творится в России сейчас, важно знать не только то, что фактически реанимирована заказная политическая психиатрия, но и то, КАКИМ ОБРАЗОМ она теперь функционирует.

К примеру, материалы почти всех печерниковских «дел» — от Горбаневской до Буданова — испещрены такими терминами, как «поиск социальной справедливости». Только разница оказалась в векторе! В подходе! Просто «плюс» цинично стал «минусом». То есть — в советские годы Печерникова выносила шизофренические «приговоры», стоя на одних позициях (что «поиск социальной справедливости» — симптом психического недуга, не совместимого с пребыванием в социуме), а теперь та же Печерникова — на прямо противоположных установках, когда даже зверское убийство оправдано

«положительным» чувством «социальной справедливости», в том случае, если оно «социально мотивировано» (полковник убил ту, про которую думал, что она чеченская «снайперша», и его обуревало чувство вины за гибель своих товарищей от рук именно снайперши).

Главный вопрос в этой истории: случайно ли появление именно Печерниковой в деле Гинзбурга и Горбаневской?

Нет, конечно. Она — товарищ КГБ по борьбе. Верный товарищ, знающий свое место врача по заказу.

И следующий главный вопрос: случайно ли появление Печерниковой в деле Буданова через 25 лет после ее «свидетельств» в деле Гинзбурга?

Нет. Также НЕСЛУЧАЙНО. Потому что она так и осталась верным врачом по заказу. В КГБ-ФСБшных кругах трех последних десятилетий о Печерниковой известно, что она НЕ ПОДВЕДЕТ. Воспряла ФСБ после ельцинских времен и с воцарением Путина — а с ней и Печерникова реанимирована... И она отлично знает дело, которому служит. Да, она отсиделась в тишине и тени, пока был «поздний», демократический Горбачев и Ельцин, и Печерникова не могла быть востребована, но пришли в Россию времена сотрудника КГБ с двадцатилетним стажем — времена Путина, — и вслед за ним все, какие возможно, властные дырочки заполонили выходцы из КГБ, и именно поэтому Печерникова опять нужна. Как тогда.

ВАЖНОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ: по сведениям независимых источников (а официальных, естественно, не существует), уже более 6000 выходцев из КГБ и ФСБ, вслед за Путиным, пришли во власть и занимают высшие государственные должности. В том числе в ключевых ведомствах, где у них ключевые посты — в администрации президента (два заместителя руководителя администрации президента, два начальника управлений — кадрового и информационного), в Совете безопасности (заместитель секретаря СБ), в аппарате правительства, в

министерствах обороны, иностранных дел, юстиции, атомной промышленности, по налогам и сборам, внутренних дел, по делам печати, телерадиовещания и СМИ, Государственном таможенном комитете, Российском агентстве по государственным резервам, Комитете по финансовому оздоровлению и т.д.

История, как хроническая хворь, склонна к рецидивам. А радикальное лекарство одно — своевременная химиотерапия клеток, несущих смерть. У нас этого не случилось, из СССР в «новую Россию» мы перетащились со всеми советскими клопами. Отсюда и результат: госбезопасность повсюду, а с ней вместе и Печерникова.

А теперь повторяю центральный вопрос этой современной трагедии: случайна ли реанимация и реинкарнация профессора Печерниковой в деле Буданова? Вопрос, который без потери сути можно переформулировать иначе: случаен ли вообще нынешний взлет ЧК в нашей стране? Перелет в XXI век той инфраструктуры, которая обслуживала сохранность советской системы подавления и принуждения в веке XX?

Конечно, неслучаен. Вспомним 2000 год, время перед выборами президента. Тогда многие говорили: «Ладно, не так уж страшен черт, как его малюют. Ну и что с того, что он родом из КГБ советских времен?.. Обтешется».

А потом — понеслось... За Путиным тихо подтянулась Команда — сначала десятки людей, самых близких ему и верных, с кем он лично работал и кому доверял. А потом — и сотни, это уже товарищи товарищей Путина, которым уже они, а не лично Путин доверяют и лично работали. Теперь — тысячи. Они — на всех уровнях, во всех властных щелях.

Так вокруг нас оказались те, кому Путин и его близкие товарищи доверяли. С одной стороны, это естественно. Но с другой — выяснилось, что доверяли (и доверяют) они только «своим», а «свои» — те, у кого то или иное прошлое в КГБ. Так властные и привластные структуры «новой России» наводнили граждане со

специфическими традициями, с воспитанным репрессивным менталитетом, с понятным им соответственным механизмом решения государственных проблем...

Одна из таких традиций — конечно, Печерникова. Причем одновременно она — и традиция, и механизм ее претворения. В том смысле, что за два десятилетия практики по «защите советского общественного и государственного строя» Печерникова отлично отладила механизм такой защиты через подконтрольную ей медицинскую науку, подстроив психиатрию под нужды госбезопасности, и именно сейчас, десятилетие спустя после падения внешней конструкции советской системы оказалась полностью востребована со всеми ее специфическими навыками.

Эти слова — не политическая теория. И не доказательства прозорливости некоторых политических прогнозов. Нет! Последствия того, что сделала Печерникова в деле Буданова, предельно жестки и осязаемы: это жизнь или смерть людская, и это снова, как в 70—80-е.

Ведь будановская свобода или несвобода — принципиальное событие нашего времени. Прежде всего, для самой армии, превратившейся в Чечне в политическую репрессивную структуру. Армия ждет, так будет ли прецедент на суде в Ростове-на-Дону? Что ему скажут «виновен» или «свободен»? А значит, можно ли — как Буданов?..

Так вот, Печерникова уже сказала: «Можно». И сделала главное для того, чтобы и судья Костин имел юридический шанс сказать: «Можно».

И этот сигнал был «ПРАВИЛЬНО» понят в Чечне — офицеры, находящиеся там, продолжали дело Буданова. И примеров можно приводить сколько угодно. Только из них можно сделать целую книжку.

...Конец мая 2002 года — вновь серия похищений молодых женщин с последующим убийством. 22 мая в городе Аргуне прямо из дома № 125 по улице

Шалинской — из своего собственного дома — на рассвете была увезена военными симпатичная 26-летняя учительница начальных классов аргунской школы № 1 Светлана Мударова. Как и Эльзу Кунгаеву, жертву Буданова, Светлану, в чем была после сна, запихнули в БТР — в тапочках и халатике. Двое суток военные делали все, чтобы скрыть место, где они держат похищенную учительницу. А 31 мая ее изуродованный труп был подброшен в развалины одного из аргунских домов...

Для кого как, а для меня — это Печерникова сказала свое «можно»... «Можно», потому что есть такая «чудесная» возможность в запасе — на момент совершения преступления мы вас признаем НЕВМЕНЯЕМЫМИ и выведем из-под уголовного удара, зато как до, так и после преступления вы останетесь ВМЕНЯЕМЫМИ и будете продолжать жить, как жили, в армии служить, как служили...

Поэтому отныне ответственность за смерть Светланы Мударовой — в том числе и на совести Печерниковой, в который раз выполнившей политически востребованный заказ с далеко идущими последствиями.

...Пройдет больше года, дело Буданова пополнится еще тремя экспертизами, выводы Печерниковой будут отвергнуты как лживые, Верховный суд вернет дело на еще одно судебное разбирательство, новый состав военного суда в Ростове-на-Дону назначит новую экспертизу, из процесса фактически изгонят прокурора Назарова, защищавшего подсудимого, социальная справедливость начнет проглядывать из-за туч...

А Печерникова? Ее накажут за ложь? Или хотя бы попросят уйти наконец из «Сербского» в связи со скандалом?

Нет, конечно. Печерникова — это наше «навсегда». Ее оставили — до нужных времен.

А ТЕПЕРЬ ТО, НА ЧТО ПЕЧЕРНИКОВА ВНИМАНИЯ ВООБЩЕ НЕ ОБРАТИЛА, — ПОДВОДНЫЕ КАМНИ ДЕЛА БУДАНОВА, ТАК И ОСТАВШИЕСЯ ПОДВОДНЫМИ

Эта страница дела Буданова — самая отвратительная, мерзкая и грязная. В ней противно копать, но совершенно необходимо. Во-первых, ради правды. Во-вторых, ради понимания того, что творится в Чечне под аккомпанемент официальной лжи и пропаганды.

Несчастливая юная девушка Эльза Кунгаева в последнюю ночь своей жизни была не только зверски задушена, но и изнасилована. Вот цитаты из протокола следственного эксперимента от 28.03.2000, проведенного судебно-медицинским экспертом:

«Место захоронения представляет собой участок в лесополосе, в 950 метрах от командного пункта танкового полка. Обнаружен труп полностью обнаженной женщины, завернутой в одеяло (плед).

Труп лежит на левом боку, ноги поджаты к животу, руки согнуты в локтях и прижаты к туловищу. Промежность в области наружных половых органов опачкана кровью, плед в этом месте тоже в крови.

Судебно-медицинское исследование трупа Кунгаевой произведено 28.03.2000 с 12 до 14 часов на окраине села Танги-Чу при достаточном естественном освещении начальником медицинского отдела 124-й лаборатории капитаном медслужбы Ляненко В. Труп женщины длиной 164 см... На наружных половых органах, на кожных покровах промежности, задней поверхности верхней трети бедер влажные мазки темно-красного цвета, похожие на кровь со слизью... Отверстие девственной плевы круглое, диаметром около 0,6 см. На девственной плеве имеются кровоподтечные радиальные линейные разрывы. В межъягодичной складке подсохшие следы красно-буро-коричневого цвета. В 2-х см от заднепроходного отверстия — разрыв слизистой оболочки длиной до 3 см. Надрыв

наполнен свернувшейся кровью, что свидетельствует о его прижизненном характере. На плече, со стороны, обращенной к трупу, имеется влажное пятно темно-бурого цвета, похожее на кровь, размерами 18x20x21 см. Пятно расположено на участке плеча, предлежащем к области промежности трупа.

Вместе с трупом доставлено: 1. Кофта шерстяная. Спинка разорвана (разрезана) вертикально на всю длину... 3. Футболка ношенная. Спинка футболки разорвана (разрезана) на всю длину. 4. Бюстгальтер ношенный. Слева, со спины, разрезан (разорван) на всю ширину. 5. Трусы ношенные. С изнанки, в области промежности, загрязнены сухими темно-коричневыми и желтыми пятнами, похожими на следы кала и мочи. Изъятие материала для судебно-гистологического исследования в связи с отсутствием условий для его хранения и консервации не проводилось. Взяты мазки из влагалища и прямой кишки на марлевые тампоны, кровь на марлевую салфетку. Указанные объекты, а также вещи, доставленные с трупом, переданы следователю.

Обнаруженные на трупе Кунгаевой надрывы девственной плевы и слизистой оболочки прямой кишки образовались от введения тупого твердого предмета (предметов) в прямую кишку и влагалище. Не исключено, что таковым предметом мог явиться напряженный (в состоянии эрекции) половой член. Но им мог послужить и свободный конец черенка малой саперной лопаты. Вместе с тем эксперты пришли к единому выводу, что повреждения девственной плевы и слизистой прямой кишки, обнаруженные при исследовании трупа, являются прижизненными».

С самого начала следствия Буданов категорически отрицал факт изнасилования... Однако кто-то же над Эльзой все же надругался?.. Причем перед смертью... Напомню, что последние часы жизни именно Буданов провел с Эльзой наедине и впустил в свой КУНГ солдат, уже когда девушка была мертва... Это значит, что...

Помимо психолого-психиатрических, по делу Буданова были проведены во время предварительного следствия две судебно-медицинские экспертизы специалистами 124-й Центральной лаборатории медико-криминалистической идентификации (находится в Ростове-на-Дону) Министерства обороны. И обе экспертизы сказали прямо: да, изнасилование было.

И когда суд начинает отмывать Буданова от грехов, он назначает еще одну — третью — судебно-медицинскую экспертизу. С той же целью, что и новую в «Сербского»: чтобы она, наконец, сделала «правильные» выводы, угодные военной верхушке России и Кремлю, — и офицер, обладатель двух орденов Мужества, не был бы на бумаге насильником.

Вот цитаты из текста «правильной» экспертизы, где уже все не так, как это видел своими глазами эксперт Ляненко:

«Разрывы девственной плевы и слизистой прямой кишки возникли посмертно, когда сократительная способность, свойственная живой ткани, была полностью утрачена».

То есть получается, что кто-то там, конечно, надругался над девушкой, но этот кто-то — ни в коем случае не Буданов, у него алиби, он же, убив, спокойно заснул...

Для пущей верности и правдоподобности обильные кровоизлияния, которые видел своими глазами эксперт Ляненко, превращаются в «наличие помарок крови в области наружных половых органов, которые не противоречат выводу о посмертном происхождении их повреждений...». «Правильными» экспертами находятся и «объективные» причины «неизнасилования»: «Немотивированный отказ эксперта от взятия материала на судебно-гистологическое исследование не позволяет в настоящее время более аргументировано говорить...».

И это действительно так — не поспоришь. Война — это когда гистологические образцы и правда просто негде хранить (это-то — «немотивированный» отказ!) — сыграла на алиби человека войны. Без гистологии, как говорили в один голос позже специалисты-патологоанатомы, все попытки доказать факт изнасилования и то, что это сделал именно Буданов, будут полностью обречены...

Как бы там ни было, в результате всего вышеперечисленного «нужный» вывод оказался готов:

«Нет данных для предположения о причинении посмертных повреждений находящимся в состоянии эрекции половым членом мужчины. Результаты судебно-медицинского исследования трупа и вещественных доказательств не дают оснований для заключения о совершении с Кунгаевой насильственного полового акта».

То есть НАСИЛИЯ НЕ БЫЛО. И утритеесь, думающие по-другому.

Кто «отбеливатели»?

На сей раз «оправдательная» судмедэкспертиза подписана:

— заместителем директора Российского центра судебно-медицинской экспертизы Минздрава России, доктором медицинских наук, заслуженным врачом России И. Гедыгушевым;

— заведующим отделом сложных экспертиз того же центра, экспертом высшей категории, кандидатом медицинских наук А. Исаевым;

— судмедэкспертом Отдела сложных экспертиз того же центра, кандидатом медицинских наук, заслуженным врачом России О. Будяковым.

Их стараниями с мундира Российской армии, как им кажется, вытравлено очень грязное пятно. Однако с мундира, может, и вытравлено.

Но только не с форменных брюк, в районе ширинки оно останется там навсегда. История ведь — не такая простая штука, как написать «нужную» бумагу. В нашей стране, повторяюсь, истории всех войн традиционно переписывают — конечно, со временем. У меня нет сомнения, что когда-нибудь это произойдет и с официальной историей второй чеченской войны, и с процессом Буданова как частью истории путинской России, и тогда, когда хроника смерти Эльзы Кунгаевой, чеченской девушки из Танги-Чу, будет освобождена от кремлевских «росписей», «грязное пятно на брюках» обязательно всплывет, и виртуозное выведение полковника из-под ответственности образца 2002 года не поможет.

КОРОТКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Какова же получилась страна? На круг?

Пока дело Буданова три года шло, я удивлялась, честно говоря, женщинам нашей страны... А женщины у нас — больше половины населения. И хотя бы только по этой половинной половой принадлежности страна просто обязана была люто ненавидеть насильников... Но нет.

Кроме того, у десятков миллионов наших людей растут дочери. И хотя бы поэтому, казалось мне, эти родители дочерей должны были понять и разделить горе семьи Кунгаевых. Но — тоже нет.

По телевизору показывали интервью с женой Буданова, она что-то лепетала о жалости по отношению к своему мужу, измученному экспертизами и судебным процессом, и жалости к их маленькой дочке, уставшей ждать папу, — и страна соглашалась с женой полковника, сочувствовала ей. Но не Кунгаевым, которые уже никогда не дождутся своей дочки...

Дальше — больше. Экспертное оправдание Буданова (признание невменяемым на короткий миг совершения преступления) и то обстоятельство, что от него было отмечено изнасилование не вызвали в стране никакой бури общественного негодования. Ни одной демонстрации протеста не прошло хотя бы от имени женских организаций. Никаких правозащитников не было на улицах. Общество посчитало случившееся правильным:

ЧТО Буданов задушил девушку, пусть даже ошибочно мстя чеченским боевикам...

ЧТО похищать — нормально...

ЧТО глумиться над трупом — правильно...

ЧТО за все это преступнику следует СВОБОДА...

Страшную страну мы наворотили. «Подвиг полковника Буданова» подавляющая часть общества признала НОРМОЙ.

На мой вкус, такое может постигнуть лишь страну круговой невменяемости. Где сумасшедшие — все. Снизу доверху.

То, 2002 года, бумажное «оправдание» полковника стало спусковым крючком для всех тех, кто совершал военные преступления в Чечне, прикрываясь войной, бедой и взаимной жестокостью сторон. Весь 2002 год под монотонный голос судьи Костина, оглашающего «оправдательные» экспертизы в окружном военном суде в Ростове-на-Дону, в Чечне шли массовые и жесточайшие зачистки. Села окружали, мужчин уводили, женщин насиловали, многих убивали, еще больше бесследно исчезло. Месть оказалась возведенной в оправдание, когда, если мстишь «за правое дело», значит, прав, и государственный обвинитель (прокурор) фактически потребовал узаконить главенство мести над правом, а самосуд оказался поощряем с самого кремлевского холма, когда око за око, зуб за зуб, — то

есть мы очутились в типичном средневековье, а также в более близком нам большевизме. Процесс над Будановым из судебного превратился в демонстрационный — того, на какой ступеньке находится наше общество в 2002 году.

Выяснилось, что не там, где мы себя мнили, приветствуя Горбачева и митингуя с Ельциным, а где-то по пути от сталинских времен к брежневским. Но только как бы наоборот — вспять, от брежневского застоя к сталинским «все дозволено». Страшно было... И от того, что власть у нас такая, и от того, что мы такие... Точнее: какие мы, такая и власть.

...На 1 июля 2002 года в суде было намечено последнее слово Буданова. Когда подсудимому дают последнее слово, это означает конец процессу — и, значит, судебный спектакль, вошедший в новейшую российскую историю как «дело Буданова», подходил к финалу. Родители Эльзы Кунгаевой и их адвокаты покинули зал заседаний, не в силах выдержать лжи и перевернутой с ног на голову нравственности и поруганного закона... Сторонники полковника и его товарищи по оружию бурно ликовали под стенами суда, ожидая, что еще пару дней — и они вместе с Будановым выпьют водки за победу...

И вот тут, наверху, что-то хрустнуло. Последнее слово вдруг отменили. Приговор, которого ожидали 3 июля, произнесен не был. В заседаниях объявили никем не ожидаемый перерыв до осени — до начала октября. А Буданова этапировали в Москву, на новую, четвертую по счету, экспертизу в тот же Институт Сербского... Зачем? Чтобы еще раз доказать, что Печерникова была «права» и тогда не будет шансов к пересмотру приговора?

Какие ветры в этот миг веяли над Кремлем, малоизвестно. Можно только догадываться да судить по косвенным признакам. Известно, например, что было сильное давление на Путина со стороны немецкого бундестага — письма и обращения лично к Путину (а на все, исходящее из Германии, Путин традиционно реагирует активнее, чем на обращения российских парламентариев, общественных

организаций и тем более граждан). Да и сам канцлер Шредер при встречах на высшем уровне не забывал поинтересоваться, почему дело военного преступника Буданова сосредоточилось на единственном из возможных вариантов его исхода — на отмывании от грехов. Источники в администрации президента утверждают, что Путину нечего было ответить...

Не удивляйтесь, но в нашей стране с ее византийскими рабскими традициями таких мелочей вполне достаточно, чтобы изменить ход истории и заставить суд принять то решение, за которое Путин не будет чувствовать дискомфорт при встречах, где он желает ощущать только удобство.

Так случилось то, что случилось, — приговор не вынесли, и судебные слушания были приостановлены прямо на полном ходу. Возобновились они лишь 3 октября. Главной интригой этого судебного этапа стало по-прежнему оглашение результатов новой психолого-психиатрической экспертизы. Все гадали: так «невменяем»? «Вменяем»? Или «ограниченно вменяем»? Какой из трех возможных вариантов на сей раз — на новом политическом витке — выбрали эксперты все того же подневольного «Сербского»?

Конечно, многие ожидали сенсации. Но все повторилось — Буданов вновь оказался «на время вменяемым», а приговор, значит, прогнозируемым: Буданов не подлежит уголовной ответственности, и суд настаивает на его лечении, сроки которого — на усмотрение лечащего врача; захочет врач лечить Буданова неделю — будет неделя, и Буданов выйдет на свободу подчистую, то есть без штампа о судимости. Посчитает врач, что необходим месяц, — Буданов вернется домой через месяц. Главный принцип подхода был сохранен: Буданов освобожден от наказания за военные преступления.

Приговор был вынесен 31 декабря 2002 года. Это особый, очень специальный день у нас. В России 31 декабря почти никто не работает. И вы найдете мало людей, кто вообще над чем-то серьезным думает. 31 декабря — это почти священное число, когда даже остатки гражданского общества и члены

парламента, настроенные демократически (и, значит, антибудановски), не возмущаются ничем, не делают никаких политических высказываний... Потому что встречают Новый год.

Так и получилось. День был выбран верно — никаких общественных возмущений по поводу сути приговора не последовало. Вообще. Причем так продолжалось довольно долго. После 31-го у нас в стране наступают две свободные от мыслей недели — до середины января. Когда по телевидению — сплошные праздничные концерты, газеты не выходят...

Конечно, адвокаты Кунгаевых подали кассационную жалобу в Военную коллегия Верховного суда — нарушений в ходе процесса было столько, что написать жалобу мог бы и неюрист. Естественно, у адвокатов были надежды изменить ход процесса. Но, честно говоря, не слишком большие. Как сразу же после оглашения приговора объявил Абдула Хамзаев, один из защитников интересов семьи Кунгаевых, почти все надежды он связывает только с Европейским судом по правам человека, не с российской судебной системой, поэтому кассация в Верховный суд нужна скорее для соблюдения необходимой процедуры подачи жалоб в Страсбург.

И вдруг — сенсация. В начале марта Военная коллегия Верховного суда России неожиданно отменяет приговор, признает все допущенные нарушения и постановляет назначить новые слушания, причем с самого начала судебного следствия, в Ростове-на-Дону, в том же окружном военном суде, но под председательством другого судьи, а не Виктора Костина, допустившего такую прорву нарушений и ошибок.

В российской системе политических координат (за Верховным судом у нас давно слава отдела администрации президента, а не высшего органа независимой судебной власти страны) это могло означать только одно: ветер в Кремле теперь уже бесповоротно поменялся и подул в прямо противоположную сторону, и что лозунг о «русском офицере, который всегда прав, воюя в Чечне» больше не в чести

у президента, и снова, как весной 2000 года, Путин старается публично позиционировать себя как борца за «диктатуру закона», и что предвыборная кампания 2004 года стартовала...

Основная причина была очевидна — до выборов президента оставался уже год. Путинская партия «Единая Россия», где генеральным секретарем в нарушение действующих законов — министр внутренних дел Борис Грызлов, просто обязана победить на парламентских выборах декабря 2003 года. Уже стали постепенно формироваться главные властные лозунги этих двух кампаний — «Единой России» и Путина, и первый из лозунгов: «Закон превыше всего».

Буданов в который раз за свое пребывание в тюрьме, начиная с 27 марта 2000 года, испытал на своей собственной шкуре политическую кампанейщину. Правда, на сей раз с отрицательным для себя знаком.

9 апреля суд в Ростове-на-Дону возобновился. И полковник уже был совсем другим. От наглого типа, чуть ли не плюющего на судью и без остановки оскорбляющего родителей убитой им девушки, мало что осталось. Он говорил, что его предали. Он явно нервничал. Он потребовал для себя суда присяжных — но ему отказали. И тогда он перестал отвечать на какие-либо вопросы. Демонстративно заткнул себе уши ватой, не желая ничего слышать, и, сидя в клетке для подсудимых, все время читал книжки.

Судейское кресло теперь занял полковник Владимир Букреев, заместитель председателя окружного военного суда. Впервые за два года он пригласил для допроса свидетелей со стороны потерпевших. И это была настоящая революция.

Прежде всего допросили генерала Герасимова, в марте 2000 года исполнявшего обязанности командующего группировкой войск «Запад» в Чечне, который сообщил, что Буданов как командир танкового полка (а это представитель Министерства обороны, а не Министерства внутренних дел) вообще не имел никакого права инспектировать село Танги-Чу, въезжать в него и искать там

«снайпершу» — таковы приказы Генерального штаба. Поиск и арест подозреваемых участников незаконных вооруженных формирований — это дело для следователей прокуратуры, сотрудников ФСБ и милиции, но никак не для полковника-танкиста.

Более того, как сказал генерал Герасимов, в феврале-марте 2000 года каких-либо «задач по проведению поисковых мероприятий полку не ставилось... Буданов не имел права проводить в населенных пунктах проверку паспортного режима и жилых помещений, не имел права вести там разведку».

Во-вторых, в суд был приглашен глава администрации селения Дуба-Юрт Яхьяев, который, по утверждениям Буданова, якобы дал ему фотографию, где были изображены мужчина и две женщины со снайперскими винтовками, и это стало главной причиной, почему Буданов искал одну из снайперш в Танги-Чу. Так вот, Яхьяев заявил в суде, что никакой фотографии Буданову он не давал... Это полностью подтвердил в суде сотрудник ФСБ Панков, который в конце декабря 1999 года и начале января 2000 года — времени предполагаемой (как утверждал Буданов) встречи главы администрации Дуба-Юрта Яхьяева и Буданова, — находился тогда в Чечне в качестве старшего оперуполномоченного отдела ФСБ. Панков подтвердил в суде, что Буданов, действительно, несколько раз встречался тогда с Яхьяевым в его, Панкова, присутствии, но Яхьяев не передавал Буданову никакой фотографии и, более того, не рассказывал ему о женщине-снайперше. Да и сам Буданов ничего не рассказывал Панкову о фотографии и снайперше...

В результате ВСЕ доводы подсудимого в собственную защиту были опровергнуты.

25 июля 2003 года был вынесен обвинительный приговор. 10 лет колонии строгого режима. Срок, когда Буданов должен быть освобожден, — 27 марта 2010 года...

Без сомнения, Буданов получил то, что заслужил. И даже если это предвыборный маневр и результат сиюминутной политической интриги, нельзя не приветствовать справедливое судебное решение — ведь их так мало в России. Суд Северо-Кавказского военного округа и заместитель его председателя полковник Владимир Букреев проявили большое личное мужество. Кремль Кремлем — он далеко, а суд пошел наперекор своей среде и главному течению в ней. И военная верхушка в большинстве своем, и офицерство в целом, особенно на Кавказе, категорически не приняли обвинительного приговора Буданову, оказались крайне им раздражены и уверены, что Буданов пострадал только потому, что: честно защищал Родину. Срок в 10 лет с лишением наград и званий они восприняли как плевок самим себе... Напомню система военных судов России — это скорее часть военной, а не судебной корпорации. Звания, жилье, продвижение по службе у Букреева зависят от Министерства обороны и штаба Северо-Кавказского военного округа... Так что для судьи Букреева обвинительный приговор Буданову — подвиг, потому что это приговор и себе.

Как с остальными?

Как бы ни были драматичны коллизии вокруг этого дела, история осуждения Буданова — это исключение на нашем общем фоне. Его преступление, в силу политических обстоятельств, оказалось раскрытым и стало предметом всеобщей гласности с большими политическими последствиями, которые, в свою очередь, заставили власть дать разрешение суду на обвинительный приговор, — все это произошло совершенно случайно. Все остальные дела о военных преступлениях, где обвиняемые — из числа федералов, как правило, находятся в замороженном состоянии, и правоохранные органы заняты только тем, чтобы вывести преступников из-под ответственности. Даже если эти преступники совершили ужасные, чудовищные поступки.

...12 января 2002 года в районе горного чеченского селения Дай были высажены с вертолетов шесть групп российских военнослужащих — они искали боевиков и среди них полевого командира Хаттаба, который, согласно оперативной

агентурной информации, был незадолго до этого ранен и находился в тот момент где-то рядом с Даем.

То, что случилось тут вскоре, позже так и назовут: «дело Буданова-2». Члены одной из шести групп — десять бойцов отряда специального назначения Главного разведывательного управления Генерального штаба России, десантированных с вертолетов, — увидев ехавший мимо них по горной дороге рейсовый микроавтобус, остановили его, приказали всем выйти. Сначала пытали, добиваясь ответа, где боевики. А потом убили всех шестерых и в довершение сожгли их трупы.

Официальные информационные агентства тут же назвали эту жестокую бессудную казнь «боевым столкновением с незаконными вооруженными формированиями», однако нашлись свидетели, которые довольно быстро развеяли эту ложь. Все шестеро оказались обычными гражданскими лицами, возвращавшимися на рейсовом «уазике» из районного центра Шатой по домам. Среди них была 40-летняя Зайнап Джаватханова, мать семерых детей от семнадцати до двух лет, беременная восьмым, — и от нее осталась лишь одна ступня, по ботинку на которой ее опознали муж и старшие дети. В тот день Зайнап ездила на осмотр к гинекологу в Грозный.

Еще - директор Нохчи-Келойской сельской школы 69-летний старик Сайд-Магомед Аласханов и учитель истории той же школы Абдул-Вахаб Сатабаев, который возвращался домой с педагогического совещания в Шатое.

Четвертый труп принадлежал нохчи-келойскому леснику Шахбану Бахаеву. Пятый — племяннику многодетной Зайнап, который сопровождал ее в поездке, — так тут принято, и звали племянника Джамалайли Мусаев. Шестой — водителю микроавтобуса Хамзату Тубурову, отцу пятерых детей, которого знала вся округа, потому что каждый день именно он возил, кого требовалось, из Шатоя по горным селам и обратно.

К вечеру 12 января все убийцы были арестованы. Сотрудники Шатойской районной прокуратуры благодаря показаниям случайного свидетеля майора военной разведки Виталия Невмержицкого, оказавшегося на месте трагедии, смогли добиться санкции на их арест — и это беспрецедентно для Чечни. Вскоре спецназовцев передали следователям военной прокуратуры, и было возбуждено уголовное дело № 76002.

Все вроде бы, как положено. Я встречалась с полковником Андреем Вершининым, военным прокурором в Шатойском районе, который вел тогда это нашумевшее дело, и весной 2002 года он был еще полон оптимизма. Говорил, что доказательств вины предостаточно и дело обязательно дойдет до суда — его почти невозможно будет развалить, как это происходит сплошь и рядом с другими делами, ведь сотни не доведенных до «точки», — до суда, уголовных дел числятся сегодня за прокуратурами всех уровней. И большинство по одной причине — обвиняемых в преступлениях военнослужащих командиры их подразделений побыстрее отправляют прочь из Чечни, следствие захлебывается, прокуратуре не дают работать, запугивают, затыкают рот...

Так вот, прокурор Вершинин сумел сделать тогда почти невозможное: он добился, чтобы бойцы ГРУ, пока идет следствие, сидели бы под арестом на гауптвахте 291-го полка, потому что именно в его расположении в Шатойском районе находится военная прокуратура, то есть под непосредственным круглосуточным присмотром полковника...

Прокурор Вершинин не виноват в том, что произошло дальше, когда обвиняемых все-таки забрали из Шатоя и перевезли в тюрьму за пределами Чечни и полномочий полковника. Те, кто непосредственно осуществил казнь у селения Дай — лейтенант Александр Калаганский и прапорщик Владимир Воеводин, — пробыв в тюрьме города Пятигорска девять месяцев, были отпущены на свободу, потому что Главная военная прокуратура России даже не обратилась в суд за продлением им срока заключения, и это значит: их обязаны были автоматически выпустить «под подписку о невыезде в Щелковском районе Московской области».

Тут очень важно понять, что означает это последнее, — почему именно «в Щелковском районе Подмосковья» оказалась подписка о невыезде для двух преступников? Это, между прочим, поощрение и повышение им по службе. До Чечни и казни, которую они учинили, оба служили на краю света в Бурятии, а теперь оказались переведены в Подмосковье... У нас это означает одно — ГРУ и Генштаб решили Воеводина и Калаганского поощрить, считая, что те, как и Буданов, верно служили Родине, а Родина не оценила...

Под стражей удалось оставить только капитана спецназа ГРУ Генштаба Эдуарда Ульмана, который отдавал 12 января 2002 года непосредственный приказ уничтожить людей. На свободе гуляет организатор и подстрекатель к убийству майор Алексей Перелевский, в тот момент бывший заместителем командира 641-го отряда ГРУ (он руководил спецоперацией), и это именно Перелевский приказал Ульману: сделай из всех «груз-200» (труп — на военном сленге), и тогда офицеры приняли решение расстрелять...

Что это? Как это называется? Виновных в этом громком и жутком военном преступлении просто выводят из-под ответственности. Я представляю себе, что произошло бы, если бы на территории Чечни какой-нибудь чеченский боевик расстрелял шестерых российских военных, а потом сжег бы их трупы. На свободе бы он точно не оказался. Как сказал адвокат Абдула Хамзаев, «за 41 год моей работы в органах суда, прокуратуры и адвокатуры я не встречал ни одного уголовного дела, где лицо, привлекаемое за умышленное убийство с отягчающими обстоятельствами, находилось бы «под подпиской о невыезде».

Я спросила тогда адвоката Хамзаева:

— Если идея с Международным уголовным трибуналом по Чечне, которую обсуждает Совет Европы, дойдет до реального воплощения, лично Вы сможете предоставить такому трибуналу материалы по делам, где российские правоохранительные органы не желали бы вести следствие против военных преступников, всячески их заматывали и преступников выпускали на свободу?

— Сколько угодно. Таких дел — сотни.

Перед Россией, как и перед Соединенными Штатами времен окончания вьетнамской войны, стоит сейчас вопрос: так кто же они — эти солдаты и офицеры, ежедневно убивающие, грабящие, пытающие и насилующие в Чечне? Типичные военные преступники? Или же бескомпромиссные и жесткие участники всемирной борьбы с международным терроризмом всеми доступными ими способами, и благородная цель спасения человечества оправдывает средства, которые они используют? И идеологический статус и градус этой современной борьбы таков, что должно быть списано все?..

Пока в России ответа нет.

Западный человек, надеюсь, ответит на эти вопросы просто: есть суд, и он обязан все расставить по местам при наличии доказательств.

Современный российский человек — человек времен правления президента Путина, с промытыми пропагандой мозгами, но все-таки еще не полностью разучившийся самостоятельно думать, как это дозволялось при президенте Ельцине, — наш человек не станет спешить с ответом и, скорее всего, призадумается. Теперь, когда позади уже четыре года жесточайшей второй чеченской войны, когда больше миллиона солдат и офицеров прошли и продолжают проходить через нее и, отравленные войной на собственной территории, стали серьезным фактором мирной жизни, который уже просто так не скинешь со счетов, возникает много вопросов: а за что они, собственно, воевали?..

Дело полковника Буданова и Дайское дело — яркие, трагичные и драматичные — такие, какими они в результате получились, вывернули наизнанку все наши проблемы, всю нашу жизнь вокруг второй чеченской войны, весь наш иррационализм вокруг войны и Путина, все наши понимания, кто же прав на Северном Кавказе, а кто виноват, и, главное, какие болезненные изменения претерпела при Путине и на фоне войны система отечественного правосудия.

Судебная реформа, которую пытались внедрить демократы и всячески двигал вперед Ельцин, — она рухнула под напором дела Буданова.

Но она — и возродилась... Пример судьи Букреева — тому ярчайшее доказательство. Пример прокурора Вершинина — тоже...

Однако, невзирая на отдельные личности, способные на поступок, стране продемонстрировано, что независимого суда и прокуратуры как таковых у нас нет. На их месте — суд по политическому заказу, в зависимости от сиюминутной политической конъюнктуры...

Таня, Миша, Лена, Ринат...

Что с нами стало?

Действительно, куда все мы ушли? Мы — жившие в СССР? Имевшие в основном стабильную работу и четко, по строго определенным числам, выплачиваемый заработок — с нашей неограниченной и непоколебимой уверенностью в завтрашнем дне, как в сегодняшнем? В том, что врачи обязательно вылечат, а учителя научат? А мы при этом не потратим ни копейки? Какой жизнью зажили мы после того, как всего этого не стало? Или — по-другому — какую судьбу влачим? Каким образом перераспределились по постсоветскому пространству с наступлением трижды новых времен?

Я подчеркиваю: именно «трижды». И вот почему: в первый раз мы пережили свою личную революцию (помимо, конечно, общественной) — вместе с падением СССР и в годы царствования Бориса Ельцина, когда вмиг не стало ничего ни идеологии, ни дешевой колбасы в магазинах, ни денег, ни уверенности, что где-то в Кремле сидит «Большой Папа» и, если он даже очень плохой и деспот, но в конечном счете, — он за нас в ответе.

Во второй раз — в связи с дефолтом 1998 года, когда то, что многие из нас сумели заработать за годы с 1991 года (время фактического старта рыночной экономики) и начал формироваться средний класс (наш, российский, мало похожий на западный, но все же средний класс — опора демократии и рынка), опять превратилось в дым. Надо было снова начинать все с самого начала, а многие очень устали к тому моменту от борьбы за жизнь и поэтому так и не сумели подняться — и скатились на дно.

И, наконец, в третий раз — при Путине. На фоне нового этапа русского капитализма с ярко выраженным несоветским лицом — такой своеобразной экономической модели эпохи второго президента России, которая оказалась эклектичным сплавом рынка с догмой, всего со всем. Когда существует много свободного крупного капитала плюс также много типично советской идеологии, его обслуживающей, еще плюс очень много бедных и нищих. К тому же стал очевиден новый расцвет старого явления, именуемого «номенклатура», — это такое руководящее нами звено, большое чиновничье сословие, которое существовало при советском строе. Теперь оно стало стремительно реанимироваться, но на новых экономических рельсах, к которым очень быстро и с удовольствием адаптировалось, и ей, номенклатуре, отныне хочется жить очень богато, как «новые русские», но официально зарплаты у нее крошечные. Номенклатура ни за что уже без боя не откажется от нового строя в пользу старого, советского, но и новый строй ей не слишком по нутру своим стремлением к законопослушанию и порядку (этого все настойчивее требует общество), и поэтому большую часть времени номенклатура тратит на то, чтобы обойти порядок и законы в целях личного обогащения. Итог — невиданный расцвет коррупции при Путине. Новая-старая путинская номенклатура довела коррупцию до таких вершин, которые были неведомы ни при коммунистах, ни при Ельцине, и эта коррупция пожирает сейчас мелкий и средний бизнес (а значит, и средний класс). Она дает развиваться (термин «давать развиваться» означает у нас — предпочитать в качестве взяткодателей, или, еще проще, «он мне разрешил ему ДАТЬ») крупному и сверхкрупному — монопольному, околосударственному бизнесу, поскольку именно этот тип бизнеса приносит в России самые высокие и

стабильные дивиденды не только его хозяевам и менеджерам, но и покровителям из государственных структур (а у нас крупного бизнеса без государственных покровителей, «кураторов», опять не существует). На фоне всего этого разгула, не имеющего никакого отношения к рынку, нашу новую «партноменклатуру» (ее опять так называют, как и в советские времена — это название путинской номенклатуры) сильно мучит ностальгия по СССР, по его мифам и фантомам. Учитывая, что Путин старается собирать под свои знамена публику, как у нас говорят, «из бывших» — то есть с опытом советской руководящей работы, — можно сделать вывод, что ностальгия этого слоя настолько сильна, что обслуживающая путинский капитализм идеология все более скатывается к той, что была типична для СССР времен самой жесткой стагнации «позднего Брежнева» (Брежнев — Генеральный секретарь Политбюро ЦК КПСС 60—80-х годов, а время «позднего Брежнева» — это конец 70 начало 80-х годов, считающийся наиболее экономически застойным).

Таня, Миша, Лена, Маша, Саша, Толя — реальные люди, совсем не вымышленные герои. Люди из толпы — обычные, как и все, тяжело выживавшие вместе со всей страной и не обязательно выжившие. Их фамилии приводить здесь я не хочу, потому что все они были мне друзьями, всех их я знала (и знаю) очень близко. Если будут фамилии, у меня не получится написать все честно о них и без утайки — мне будет неудобно, я не смогу быть свободной в выражениях. А чтобы понять, как мы все выжили, надо писать честно и открыто.

Таня

...2002 год. Ранняя зима. Только что прошел «Норд-Ост», и общество, особенно в Москве, в шоке. Во время этих событий меня показывали по телевизору, так как я немного принимала в них участие, — в результате реанимировались старые знакомые, стали звонить, рассказывать о себе...

И этот поздний звонок был среди них — Таня, собственно, всегда звонила или ночью, или так поздно вечером, что дом уже спал.

— Сколько лет?

— Как ты меня нашла?

— Встретимся?..

— Конечно...

Мы не виделись с Таней, моей старой подругой и когда-то соседкой, лет, этак, десять. Тогда Таня была всегда замученной — а теперь Таня — королева. Выглядит торжествующе и шикарно. И не потому, что одета роскошно, хотя и это присутствует. Самое главное, она выглядит уверенной в себе и очень спокойной, чего за ней не замечалось ни десять, ни пятнадцать лет, ни двадцать лет назад.

В советское время Танина жизнь была просто мучительна, и почти каждый вечер она прибегала ко мне (я жила на первом этаже старинного дома, она — на последнем) и плакала о своей загубленной судьбе. И нам обоим казалось — замученной навечно.

В те годы Таня работала инженером в научно-исследовательском институте и принадлежала, таким образом, к советской научно-технической интеллигенции — была у нас такая значительная общественная прослойка (теперь ее в прежнем виде нет — она исчезла вместе с СССР).

Как такая прослойка образовывалась? Тогда полагалось: девушка «из хорошей семьи» (а Таня была «из хорошей семьи» — единственная дочка уважаемых родителей) должна была непременно получить высшее образование. Если у девушки не определялось никаких особых склонностей и порывов к моменту окончания средней школы, то она поступала в какой-нибудь технический институт, которых было полно, и становилась инженером. Учитывая, что после института полагалось в обязательном порядке отработать по приобретенной бесплатно, за

счет государства, специальности три года, то в стране существовала целая армия совершенно не удовлетворенных жизнью, как Таня, молодых специалистов (они же не мечтали быть именно инженерами), отсиживающих рабочее время в многочисленных научно-исследовательских институтах и не производящих ровным счетом ничего.

Таня была полноправным солдатом этой армии, имея профессию инженера по коммунальным службам на атомных электростанциях. Она целыми днями и без всякого энтузиазма чертила в своем НИИ проекты канализаций и водопроводных сетей, которые никто нигде не строил. Получала при этом крошечную зарплату, злилась от хронического безденежья, пыталась прилично прокормить и одеть-обуть свою семью, металась между двумя вечно болеющими маленькими детьми и мужем, странноватым типом по имени Андрей, молодым в те годы доцентом престижного технического университета в Москве, но опять же с крошечной советской зарплатой за плечами.

На почве такой жизни Таня была типичной неврастеничкой. Она постоянно мучила и себя, и Андрея, и детей своим плохим настроением, истериками, депрессиями, перманентной неудовлетворенностью судьбой и жизнью...

Еще Таня была девушкой из южного города Ростова-на-Дону и появилась в Москве, не приветливой к иногородним «лимитчицам» (так их тогда называли), в середине 70-х, выйдя замуж за Андрея, которого встретила на черноморском пляже. Таких женщин-«инженеров» из провинции замужем за москвичами в ту пору в столице было очень много. Нищая провинция не имела никакой ценности, и «девушки из хороших семей» стремились в Москву.

Тут, впрочем, Таня была несчастна — она не знала, что же хочет. Но отлично знала, чего не хочет: она не хотела работать инженером и не хотела быть нищей вместе с нищим Андреем. Мы это много обсуждали: Таня злились именно от того, что выхода у нее не было — предстояло жить с Андреем и оставаться инженером с крошечной зарплатой.

...Когда наступили новые времена, именно женщины стали их движущей силой, ушли в бизнес, поразводились с мужьями, мужья ушли в бандиты, и многие погибли в перестрелках первых лет ельцинского времени... Так произошло именно потому, что многие из наших женщин накануне перестройки думали, как Таня, — что никогда не смогут изменить свою жизнь, — и вдруг такой шанс...

Однако вернемся в середину 80-х. В их доме часто бывали скандалы. По советской традиции, Таня, не имеющая своего жилья в Москве, должна была жить у Андрея, в его квартире. Но у него тоже не было своего угла, и все это получалось так — они жили в одной большой квартире с родителями Андрея и двумя его старшими братьями, каждый из которых также имел семью и по двое детей.

В общем, типичный советский коммунальный улей — бесперспективный к отделению и самостоятельности. Андрей при этом был не простой человек, а происходил из старинной московской дворянской семьи, членами которой были замечательные люди. Например, знаменитый профессор — скрипичный педагог Московской государственной консерватории. Он был вторым мужем Андреевой бабушки, тоже профессора Московской консерватории по скрипке. Бабушка давно умерла, а муж ее остался в «улье» — ему тоже некуда было идти, как и Тане.

Родители Андрея были профессорами физики и математики. Старший брат — профессор химии, делавший открытие за открытием в Московском университете, что также мало меняло его жизнь в материальном плане.

Все это Таню злило... Она считала семейство Андрея неудачниками и неумехами, несмотря на десятки научных званий, которыми они обладали, и семья Андрея отвечала ей взаимностью, не любя и вечно придираясь к Тане.

Таня, напомню, была девушкой из Ростова-на-Дону, с российского Юга, где даже в советские времена все, кто мог, торговали всем, чем могли. Там процветали подпольные цеха по производству нелегальной продукции, а многие богатые

мужчины коротали время между свободой и тюрьмой, и это не считалось позорным. Хоть их и называли в газетах «спекулянтами» и «цеховиками», но ростовские барышни с удовольствием выходили за них замуж.

Когда мы познакомились, в самом начале 80-х, Таня уже полагала, что оплошала тем, что вышла за Андрея, и даже не важно, что по любви. Она признавалась, что просто «клянула на Москву» — то есть выйти замуж за москвича было престижно в провинции, по-другому же в столицу было не перебраться. Но, клянув, Таня жила бедно и очень страдала. Расцветала же она, только когда приносила неизвестно где взятые красивые вещи, предлагая купить их. Она, безусловно, обладала особым даром торгового убеждения — могла втридорога продать тебе кофту отвратительного качества, уверяя, что «это носят в Европе», а когда выяснялся обман, умела ничуть не стесняться и нимало не краснеть. Традиционная, интеллигентная семья Андрея считала Таню за эту тягу к спекулятивному торгашеству совершенно чужеродным элементом и не была к ней добра — презирала...

И вот 2002-й. Позвонив, Таня пригласила меня к себе — и это оказалось все той же большой квартирой в самом центре Москвы, почти под стенами Кремля.

В квартире — пустынно и все по-другому, чем раньше. Произведен великолепный ремонт, все перестроено, дом набит современной бытовой техникой, искусными репродукциями знаменитых картин, мебелью в старинном стиле — хорошими подделками под старину. Тане — почти пятьдесят лет, кожа ее молода и здорова, одежда ярка, сама она говорит громко, уверенно, откровенно и много смеется, от чего морщин на лице не появляется, — значит, понимаю, сделала пластическую операцию. Значит, продолжаю понимать про себя: выплыла, богата, бедные у нас пластических операций не делают, слишком дорого, и поэтому у бедной женщины сразу виден возраст.

«Андрей разбогател?» — продолжаю оценивать про себя. Таня ходит по комнатам свободно — раньше, десять лет назад, она предпочитала тут шептать и сидеть в углу одной из комнат, не встречаясь с родственниками.

— А где все «ваши»?

— Сейчас расскажу, только не падай — теперь это все мое.

— Твое? Поздравляю. А они-то где живут?

— Сейчас-сейчас... Все по порядку.

В комнату тихо входит молодой красавец возраста Таниных сыновей, как я предполагаю. В последний раз ее мальчиков я видела еще мальчиками, и поэтому у меня вырывается:

Неужели? Это?.. Игорь? Ты?

Игорь — старший сын Тани и Андрея, ему теперь должно быть 24-25...

Таня хохочет от души. Заливисто, задиристо, звонко. Не по-Таниному.

— Меня зовут Давид, — томно произносит темнокудрый и волоокий красавец и, поцеловав ухоженную Танину руку — а я-то помню другие ее руки, изнуренные многочасовыми стирками на большую семью при полном отсутствии стиральной машины, руки, которыми Таня вытирала плачущее лицо на моей кухне, — Давид медленно удаляется куда-то в глубь квартиры. — Ну, не буду вам мешать, девчонки...

На «девчонок» мы меньше всего похожи.

— Ладно, говори, наконец! Раскрывай свои секреты молодости и благополучия, — прошу свою старую подругу. — Где все твои?

— Они больше не мои.

— А Андрей?

— Мы разошлись, кончилась моя каторга.

— Ты вышла замуж? За этого? За Давида?

— Давид — мой любовник, ненадолго, так, для здоровья. Я его содержу. Сколько хочу, столько и содержу.

— Господи... Кем же ты работаешь?

— Я никем не работаю, я работаю на себя, — отвечает Таня жестко и таким металлическим тоном, что это никак не вяжется с образом сидящей напротив, чуть праздной, ухоженной женщины с молодым любовником,

...Таня — счастливый продукт новой жизни. В 1992 году, летом, когда в большинстве домов Москвы нечего было есть, — это называлось «шоковой терапией» или рыночными реформами тогдашнего премьер-министра Егора Гайдара — Таня вместе с детьми и всей остальной профессорской семьей, жила за городом, на старинной, потомственной даче их семейства.

Все москвичи, у кого была дача, в то страшное голодное лето сидели по своим загородным деревянным халупкам и выращивали на зиму овощи, чтобы было чем прокормиться. Научно-исследовательский институт, где Таня работала, на лето закрылся — все равно зарплату там никому давно не платили, и работы никакой не было, и все сотрудники, городские жители, уехали полоть свои огороды или пошли торговать на рынки, в большом количестве появившиеся тогда на улицах голодающей Москвы. Таня занималась тем, что тоже полола огород и смотрела за

детьми. Андрей часто оставался в городе, не приезжал на ночь на дачу, потому что его технический университет не закрылся, как большинство научно-исследовательских, студенты продолжали учиться, сдавать экзамены, педагоги продолжали ходить на работу, держась на энтузиазме и осознании чувства долга, несмотря на то, что у преподавателей тоже не было никакого жалования.

Однажды утром Таня неожиданно зачем-то нагрязнула в Москву, отперла дверь квартиры и нашла там Андрея со студенткой прямо на их с Таней семейном ложе. Днем, когда у Андрея работа в университете. Таня была женщина южная и шумная, и в тот день она кричала на весь дом о том, что вот как «он ведет свои занятия», и обо всем другом...

Андрей не отпирался, сказал, что любит эту студентку. Студентка при этом не проронила ни слова, оделась и молча прошла на кухню, где деловито стала привычно готовить чай.

Таню это молчание соперницы и ее хорошая ориентация в квартире добило, и она поняла, что ни за то страдала всю свою семейную жизнь «от этой семейки», чтобы пустить еще и разлучницу в квартиру. Так и сказала Андрею прямо: пусть не надеется. Тот собрался да и ушел со студенткой, не допив приготовленного ею чая.

С этого дня, собственно, и началась новая Танина жизнь, совершенно самостоятельная и не похожая на предыдущую. Андрей поступил дурно и больше не дал Тане на воспитание детей и какое-либо ее собственное существование ни копейки. Никогда. Более того, позже не стеснялся быть альфонсом — три года спустя уже Таня, чуть разбогатев, стала его временами подкармливать и даже одевать. Не от доброты душевной к продолжающейся нищете профессора технического университета, не поступившегося профессиональными принципами и решившего даже не пробовать себя в бизнесе, бросив преподавательскую карьеру, как делали тогда многие его коллеги. Таня подкармливала Андрея ради реванша, приговаривая вслух: «Ты думал меня унижить? А вот теперь я тебя унижаю!».

И подавала ему красную икру — символ советской роскоши, на которую теперь у нее были средства. И Андрей ел икру за обе щеки, не краснел от унижения, потому что голодал отчаянно, временами даже не брезгуя обедами в прицерковных благотворительных столовых для нищих, делая при этом вид, что православный, — научился креститься.

Естественно, Андрей давно к тому времени расстался со своей молчаливой студенткой и жил черт знает как и черт знает где. Обносился, опустился и был похож на бездомного.

...Впрочем, вернемся в лето 92-го, в лето рыночного перелома. Через неделю, детей было совсем нечем кормить, свекровь требовала от Тани простить и вернуть Андрея, но она никого возвращать не стала, а пошла торговкой на близлежащий рынок.

Свекровь рыдала: «Позор! Позор!». Слегла, болела. Но все-таки смирилась — это когда Таня стала ей покупать лекарства на эти «позорные», «рыночные» деньги. До этого ни один из сыновей свекрови, ни муж ее, ни другие невестки не могли ничего подобного сделать для своей больной матери — потому что совершенно не имели денег, и однажды дело дошло даже до абсурда. На семейном совете было решено — и первой за это проголосовала сама же свекровь, упрямо лежа в постели и приготавливаясь скорее к смерти, чем к «позору», — что семейных реликвий — антикварную мебель, оставшуюся от предков, ноты-раритеты, картины русских мастеров девятнадцатого века — продавать «не будем ни за что!». Это несмотря на то, что в начале 90-х подобные семьи с традициями и сохранившие реликвии сталинских лет спускали свои достояния по дешевке — как тогда говорилось, «за обед».

А Таня стояла на рынке. С 6 утра до 11 вечера. Это была даже не работа, а чистой воды рабство, каторга. И оправданий ему не было никаких. Кроме одного — рабство имело цену. Таня стояла на рынке за реальные, в кармане хрустящие рубли. Причем ежедневно выплачиваемые. День отстояла — получи. Не потом, а

сейчас — и это было главным. Таня всегда возвращалась домой с деньгами. Хоть и с опухшими ногами, еле их переставляя, и с такими же отеками огромными руками-«крабами», не способная даже помыться и привести себя хоть в какой-то человеческий вид. Но! Почти счастливая!..

— Не поверишь, конечно, но я была счастлива, что больше ни от кого не зависела. Ни от директора института, который ничего не платит, ни от Андрея, который ничего не дает, ни от свекрови с ее семейными реликвиями и традициями. Я зависела только от себя самой, — так рассказывала мне Таня, уже красивая и богатая, о себе, тогдашней, десятилетней давности. — Свекровь? Да я просто послала ее в один прекрасный момент — иди, мол, туда-то... И что бы ты думала? Впервые она не прочитала мне нотацию. Для меня это стало открытием. На моих глазах происходила революция — неподкупная вроде бы эта старинная московская интеллигенция ломалась. Ломалась на деньгах, которые я стала давать свекрови. Свекровь перестала меня учить, потому что я стала ее кормить. Я — вечно «плохая»... И постепенно все они — вся их семейка, которая меня столько лет презирала за то, что я не из старинного рода, и корни мои крестьянские, и что я, как они всегда говорили, женила на себе Андрея ради переезда в Москву, — вся эта толпа «родственников» научилась мне улыбаться и даже смотреть мне в рот. Только потому, что я стала их всех кормить с этого самого рынка. И я торжествовала. И готова была не приходить с рынка ради одного — только чтобы зарабатывать все больше и больше, и дальше, и больше... И еще болезненнее для них утереть им носы.

...Возвращаясь домой к полуночи, Таня падала на кровать. Она больше не замечала сыновей. Не проверяла их уроки. Падала — и тут же вырубалась. И рано утром все начиналось снова.

Свекровь, однако, взяла на себя элементарные заботы о Таниных детях — впервые, надо сказать, в их жизни под одной крышей. И Таня этому тоже удивилась.

...В середине 90-х у нас был такой расцвет наркомании среди 15-18-летних, что мы по утрам выходили из квартир и шли по ступеням по ковру из шприцев. Это были дети — ринувшихся на рынки матерей, стремящихся заработать, дети, оставшиеся без какого-либо серьезного присмотра, без школ (школы почти не работали), заброшенные всеми ради свободных денег... Сегодня, в начале века, много 40-50-летних осиротевших матерей, у которых дети умерли. Считается, что почти 50 процентов мальчиков и девочек 1978-1982 годов рождения умерли в середине 90-х от передозировок...

...Но вернемся. На рынке Таня попала под начало некоего оборотистого молодого парня, который был «челноком», как тогда говорили. Дело Никиты, «челнока», состояло в том, что он возил из Турции — дешевые тряпки, из Узбекистана — дешевые арбузы, из Грузии — дешевые мандарины, все дешевое — отовсюду, и Таня вместе с другими женщинами, числясь «за Никитой», торговала всем этим. Не было никаких налогов, никаких государственных платежей. На рынке царили нравы тюремной зоны, споры решались ножиком, процветали рэкет, мордобой. Женщины-продавщицы, Танины товарки, в основном такие же, как она, одинокие, с брошенными дома детьми, бывшие представительницы научно-технической интеллигенции из закрывшихся институтов, издательств и редакций, были почти что на положении наложниц-проституток у своих хозяев.

Вскоре и Таня переспала с Никитой, он ее отметил среди других, несмотря на разницу в возрасте, и потом взял с собой в Турцию, чтобы вместе закупать товар. Взял один раз, другой, третий — и через два месяца Таня, женщина с коммерческой жилкой, сама стала «челноком», поняв, что невелика тут наука.

Никиту к тому же убили — застрелили неизвестно кто и когда — просто как-то утром нашли его тело на рынке с пулевым отверстием в голове, и все. Никитины продавщицы перешли к Тане и были этим счастливы. Таня оказалась куда более деловой, чем Никита, — и дело стало процветать.

Прошло еще полгода, и Таня перестала ездить в Турцию — не потому, что устала, — ведь хлеб «челнока» несладок, и товар «челноки» возили тогда прямо на себе, в огромных тюках, которые таскали по аэропортам и вокзалам, экономя на всем, даже на платных тележках. А просто потому, что Таня явно нашла себя в торговом деле: у нее оказалось специальное торговое чутье, она закупала именно то, что быстро расходило на рынке, не залеживаясь.

Таня процветала и вскоре развернулась настолько, что наняла сначала пятерых, потом и еще пятерых «челноков», превратившись в хозяйку большого по рыночным меркам дела. «Челноки» ездили, продавщицы торговали — Таня ими управляла. Она уже приделась, как у нас тогда говорили, «не в турецкое» — это означало в европейское. Она уже не вылезала из ресторанов — она там и ела, и кутила, и швыряла деньгами, расслабляясь после рынка... И все равно — и ей, и семье, и ее подчиненным хватало. Зарботки в те годы были шальные. И любовники у нее тоже были под стать зарботкам и годам — лихие. Таня меняла их, когда хотела. Андрей, если уж строго подходить к этому вопросу, любовник-то был неважный, и Таня часто плакала в те, до новой жизни, годы, потому что... В общем, понятно, почему — не дети.

Через годик Таня задумала сделать в квартире ремонт, предварительно сделав квартиру своей. Она купила маленькие квартирки — Андрею, свекру, братьям Андрея, и все они с этим согласились. А вот свекровь Таня оставила жить с собой — шевельнулось что-то человеческое в Таниной душе, пожалела она одинокую старуху, от которой давно ушел ее муж-профессор, Танин бывший свекор. Да и за сыновьями кто-то должен был присматривать, старший, Игорь, был в переходном возрасте, с ним было не все ладно, младший часто болел.

Однако ремонт Таня учинила тоже как реванш.

— Я так хотела ИМ показать, кто же в доме теперь хозяин!

Она выбросила из квартиры все. Абсолютно все. Распродала все семейные реликвии и выпотрошила всю пыль дворянского их прошлого из закоулков.

И Тане никто не препятствовал. Свекровь уехала на дачу и носа не показывала.

Получилась европейская квартира, оборудованная по последнему слову бытовой техники. После ремонта Таня решилась на новый шаг — из «челночного» бизнеса она ушла в торговый, купив несколько магазинов в Москве.

— Как? Неужели? Эти магазины — твои? — Я не верю своим ушам. Таня — хозяйка двух хороших супермаркетов, куда я заезжаю после работы. — Поздравляю. Но цены же у тебя...

— Так страна же богатая, — парирует Таня жестко, но смеясь.

— Не очень богатая. Это ты просто стала акулой империализма. Жестковата...

— Конечно. Времена Ельцина ушли — с ними шальные деньги и романтика. Теперь у нас у власти ненасытные прагматики — я их так называю. И я — одна из них. Ты — против Путина, а я — за него. Мне кажется, что он мне почти родня — такой же ненасытный прагматик, сильно обиженный в прошлой нашей жизни и теперь берущий реванш...

— Что ты имеешь в виду под «ненасытностью»?

— Взятки. Бесконечные взятки, которые надо давать всем. Чтобы не лишиться магазинов, я плачу... Кому только не плачу. И чиновникам префектуры, и пожарным, и санитарным врачам, и московскому правительству... И бандитам, на территории которых находятся мои магазины. Да я, собственно, у бандитов их и купила...

— Не боишься с ними иметь дело?

— Нет. У меня есть цель — я хочу быть богатой. А это значит в наших сегодняшних реалиях, что я должна им платить — без этого «налога» меня тут же отстрелят и поменяют на кого-то другого.

— Ты не преувеличиваешь?

— Я преуменьшаю.

— А чиновники?

— Части чиновников плачу сама. Другой — уже сами бандиты. То есть я отдаю деньги бандитам, а бандиты уже урегулируют все с другими бандитами, я имею в виду наших чиновников. Так что мне это даже удобно.

— А Андрей?

— Он умер. Не выдержал все-таки, что я выплыла, а он ест мою красную икру. Просился обратно, но я не пустила. Сказала: ищи следующую студентку. Да и не хочу я жить с некрасивым. Я полюбила красоту: хожу на мужской стриптиз, там выбираю себе партнеров, многие соглашаются.

— Ну, даешь! Не тоскуешь по семейной жизни? По очагу?

— Нет. Точно — нет. Я только жить начала. Пусть с издержками, пусть тебе это покажется грязным... Но разве раньше я жила чисто?

— Как дети?

— Игорь, к сожалению, слабым оказался, в Андрея — наркоманит, сейчас в клинику его положила, уже в пятый раз. Надеюсь... Стасика в Лондоне обучаю.

Очень довольна. Очень! Он там — первый во всем. Свекровь с ним вместе, квартиру ей снимаю, Стасик неделю в общежитии живет, а на выходные — в этой квартирке у свекрови. Ей я операцию сделала — заплатила за все. Новый тазобедренный сустав вставили в Швейцарии — она и отжилась, бегает, как молодая, и меня обожает. И, знаешь, мне даже кажется, что искренне обожает... Деньги — великое дело.

В комнату впархивает Давид. С подносом.

— Время пить чай, девчонки... — тянет в нос. — Втроем. Можно, Танечка?

Таня согласно кивает и говорит, что сейчас вернется — хочет переодеться к чаю. Давид источает порочность и праздность. Обстановка достаточно противная. Но через пару минут возвращается Таня. Она вся в бриллиантах. Уши «горят», декольте «переливается», даже в волосах «мерцание»...

Конечно, это специально для меня. И я оцениваю. Почему бы не сделать человеку приятное? И Тане, действительно, очень приятно, и она вся светится, как ее бриллианты, от удовольствия самопрезентации себя, новой, перед старой подругой.

Дальше мы быстро выпиваем чай — мы обе спешим — и расстаемся.

— Давай только не на десять лет? — предлагает на прощание Таня.

— Постараемся, — отвечаю и думаю, спускаясь по лестнице, что в путинское время все, действительно, стали встречаться чаще. Имею в виду — старые друзья. У нас был период, в «позднем Ельцине», когда все были страшно заняты самовыживанием и зарабатыванием денег, когда не звонили друг другу годами, стесняясь кто бедности, кто богатства, когда многие навсегда уезжали за границу, когда многие пускали себе пулю в лоб от не востребованности, когда нюхали кокаин от гадости совершенных поступков... И вот теперь вроде бы все, кто

выжил, собираются вместе. Чаше, чем раньше. Общество заметно структурировалось, и появилось свободное время...

Через неделю я должна была быть на пресс-конференции по случаю выборов куда-то. По-моему, в городскую Думу — на освободившееся место. И там я встретила Таню — совершенно неожиданно для себя. Хозяйки супермаркетов в нашем уже достаточно структурированном, опять клановом, как при советском строе, обществе на политические пресс-конференции не ходят.

Таня явилась миру журналистов, строго выдержав стиль, — в классическом черном деловом костюме и без единого бриллианта. Был и Давид. И он тоже был высшего качества — безукоризненно исполнял роль Таниного делового секретаря, скромного и не взыскательного. Никаких «девчонок» в помине.

Я сидела там, где журналисты. Таня оказалась по другую сторону баррикад. И ей даже дали микрофон — последней из выступающих. Таня оказалась кандидатом в депутаты городской Думы. Она рассказала журналистам, мне в том числе, как она понимает проблемы бездомных в Москве, и пообещала бороться за их права, если избиратели окажут ей честь и выберут депутатом Законодательного собрания.

— Господи, зачем тебе это? Ты и так богатая? — спросила я Таню после пресс-конференции.

— Я же тебе уже объясняла — хочу быть еще богаче. Тут же все очень просто: не хочу платить взятки нашему депутату.

— И в этом вся причина?

— А это немало, между прочим. И это примитивный менеджмент. Ты просто не понимаешь, какой теперь уровень коррупции. Бандитам времен Ельцина и не снилось. Стану депутатом — «минус» один «налог». Поверь, он не такой уж маленький.

— А почему ты взяла тему защиты именно бездомных? — Мы перекочевали в дорогое французское кафе по соседству — кафе выбрала Таня, я в такие не хожу, дорого.

— По-моему, выгодно смотрюсь на таком фоне. К тому же я действительно могу им помочь выкарабкаться — я же знаю, как выкарабкиваться.

— А зачем на пресс-конференции, в конце, говорила о Путине? Как его любишь, уважаешь, веришь в него? Это тебя твои имиджмейкеры надоумили. Дурной же тон...

— Нет, не дурной. Так теперь положено. Я и сама знаю, без имиджмейкеров. — Таня запнулась на этом сложном английском слове, перекочевавшем в наш язык вместе с новой жизнью. — Если не скажу про Путина, завтра ко мне в магазин придет наш районный фээсбэшник и скажет, что я не сказала то, что все говорят... Так мы, бизнес, теперь живем.

— Ну придет, ну скажет... И что с того?

— Ничего. И потребует взятку.

— За что?!

— За то, что «забудет» то, что я не сказала.

— Слушай, а тебе все это не надоело?

— Нет. Если надо будет поцеловать Путина в задницу, чтобы получить еще пару магазинов — я поцелую.

— А что значит — «получить»? Ты же их покупаешь? Платишь — и все?

— Нет, теперь по-другому. «Получить» — значит заработать у чиновников право купить магазин за свои же деньги. Русский капитализм называется. Мне лично нравится. Когда разонравится, куплю себе какое-нибудь гражданство — и пока...

Мы расстались. Таня, конечно, стала депутатом. Говорят, неплохим, душевным, ратующим за московских бедных, организовала еще одну столовую для бездомных и беженцев. Купила еще три супермаркета. И часто выступает по телевидению с речами, прославляющими нынешние времена. Недавно звонила, попросила написать о ней статью, я и написала — вот эту, которую вы сейчас читаете. Таня попросила почитать до публикации, ужаснулась и сказала: «Все правильно» — но запретила публиковать в России до ее смерти. Я пообещала.

— А за границей?

— Ради Бога. Пусть знают, чем наши деньги пахнут.

Вот я и публикую.

Миша

Миша был мужем Лены, моей давней подруги, лет с семи, со школы. Лена вышла за него, когда они учились в институте. И это было очень давно, в конце 70-х. Миша был тогда очень умный и талантливый парень — переводчик с немецкого, синхронист уже в Институте иностранных языков, перспективный в высшей степени, после института его рвали на части, предлагая прекрасные места работы, что тогда встречалось редко.

Так Миша попал в Министерство иностранных дел. И это было очень престижно — в советские времена, особенно в их поздний период, редко какой мальчик без связей попадал в такую закрытую корпорацию, как наш МИД. А Миша был без связей — его воспитывала бабушка, простая уборщица. Мишина

мама очень рано и скоропостижно умерла от рака мозга, когда мальчику было только четырнадцать лет, а папа тут же покинул осиротевшую семью ради другой женщины.

И вот Миша — в МИДе. Мы очень дружим. Мы вместе ездим на пикники. Поедаем в лесу шашлыки, приготовленные на костре, и счастливы. С Леной мы и так близкие люди, но очень хочет дружить и Миша.

Основа наших отношений необычная — у меня двое маленьких детей, когда Миша приезжает, он может просто подолгу смотреть на них или с явным восторгом наблюдать за ними, какими бы глупостями те ни занимались, разговаривать с ними и часами играть с ними.

Все друзья знают: Миша очень хочет детей, он на этом помешен. Но моя подруга Лена — талантливый лингвист пишет кандидатскую диссертацию, и рождение ребенка все откладывает и откладывает на потом, когда получит степень кандидата филологических наук.

Миша от этого сильно нервничает, и то, что у них нет детей, потихоньку становится его комплексом — Миша начинает страдать и мучить всех вокруг, но прежде всего Лену, однако Лена — женщина с крепким характером, и если что решила, ни за что не уступит. Решила сначала защититься и получить степень кандидата наук, а уж потом забеременеть — значит, так тому и быть.

Лена-то решила — а Миша запил... Держался-держался — и слетел с катушек. Сначала он пил понемногу, — и все лишь посмеивались и подтрунивали над ним. Потом возлияния стали занимать по несколько дней, с уходами в неизвестном направлении и ночевками Бог знает где. Еще позже — по неделям. Лена сдавалась — уже и готова была поступиться принципами, недописав диссертацию... Но как можно рожать от постоянно пьющего мужчины?..

А тут уже и новые времена наступили: Горбачев, Ельцин, и Мишу только потому не увольняли за хронические запои (при коммунистах бы — моментально), что нечем было заменить, — все кадры, владеющие языками и имеющие опыт работы «по ту сторону» железного занавеса, в стране стали вдруг на вес золота и разбегались из МИДа от безденежья — по вновь возникающим коммерческим фирмам и представительствам иностранных компаний. Мишу туда, конечно, уже не звали, хотя немцы были первыми, кто ринулся на российский рынок, и переводчики с немецкого стали персонами номер один.

Впрочем, работа в МИДе для Миши тоже уже шла на дни — его увольняли. Как-то очень поздним вечером самого конца 96-го года, в декабре, когда мороз был под тридцать, в дверь позвонили — это была Лена в ночной рубашке на голое тело. В Москве так не ходят, уверяю... И тем более Лена — всегда очень ухоженная, уравновешенная, воспитанная и интеллигентная дама. Одна Ленина нога была босая, как у какой-то последней бездомной; на другой — наполовину расстегнутый сапог, голенище которого болталось, как флаг. Мою подругу трясло, будто она провалилась под лед и ее только что достали из полузамерзшей воды. Лена была насмерть чем-то напугана, и шок не давал ей понятно изъясняться.

— Миша... Миша... — повторяла она, как робот, говорящий одно слово, и продолжала рыдать в голос — совсем на себя не похоже, не останавливаясь и не замечая окружающие ее обстоятельства и людей.

Вот уже и дети проснулись, тихонько выйдя из своей комнаты на странный шум. Они встали кружком рядом с Леной, замороженные непонятным им горем... И, в конце концов, Лена очнулась — дети стали тем единственным, на что она отреагировала. Приняла стакан с успокоительным и стала рассказывать.

Миша отсутствовал дома уже третью ночь подряд. Лена и не слишком его ждала — привыкла и к запоям, и к загулам, и поэтому легла спать — ей рано утром в институт. Но вскоре после этой полуночи Миша вдруг заявился — это было неожиданно, если уж он запивал, то возвращался всегда по утрам.

На сей раз, прямо с порога, как был — в пальто и грязных ботинках, весь вонючий и невымытый — он прошел в спальню и молча встал над Леной, рассматривая ее в полутьме и не включая света. Миша казался совершенно пьяным и безумным. Его черные глаза сияли, как в цирковом фокусе с применением серы — неестественно и с серебристым отсветом на щеки. Еще недавно красивое лицо перекосила судорожная гримаса — и не отпускала мышцы. Лена поглубже окунулась в одеяло и молчала, наученная горьким опытом жизни с начинающим алкоголиком, — что-либо говорить все равно, что не говорить ничего, имеющий уши все равно не услышит. Надо дотерпеть, пока не заснет, — вот и весь рецепт.

Но Миша подобрался к кровати и сказал:

— Ну все... Ты во всем виновата... Что я пью... И сейчас я тебя буду убивать.

В Мишином голосе Лена услышала ту тихую решимость, которая не оставляла надежд. Она вскочила и заметалась по комнате. Сначала Миша загнал ее на балкон, и ей показалось, что шансов почти нет. Но пьяный человек неуклюж, и Лена смогла вывернуться боком через дверь, схватить что-то у порога и убежать по снегу, куда поближе. В дом ко мне.

Потом был развод, и каждый по отдельности, Лена и Миша, совершенно не плаксивые люди, плакали на моей кухне, рассказывая, как любят друг друга, но жить вместе уже не смогут...

Еще некоторое время потом мы с Мишей встречались, хотя все реже и реже, но он еще пока заходил в гости. В основном, конечно, просил денег, потому что продолжал пить и нуждался — его уволили, и он перебивался лишь случайными переводами, которые, впрочем, еще были.

В свои редкие и трезвые визиты Миша рассказывал, что старается начать новую жизнь, бросает пить, — вот увлекся православием, читает религиозные книги, окрестился, нашел духовника по себе, ходит на исповеди, причащается,

успокаивается от этого и вообще вполне серьезно к этому относится — уверен, спасение возможно. Внешне, впрочем, Миша был не похож на шагающего ко спасению — он порядком опустился, волосы имел всклокоченные, сальные, был очень неухоженным. О таком у нас говорят: «живет без женщины» — ходил он в черном затрапезном пальто явно с чужого плеча, которое ему было очень коротко, а на вопросы: «Где ты живешь?» отвечал сумбурно, в том смысле, что никто его не понимает, и как трудно где-то жить, когда никто не понимает...

При Ельцине это не было странным и из ряда вон выходящим явлением — по улицам бродило много нищих, потерявших работу, спившихся бывших интеллигентных и добропорядочных граждан, не нашедших себя в новой действительности. Именно на этой почве повсеместной неудовлетворенности, незанятости и ненужности многих профессионалов советского периода православие вошло в большую моду, и каждый неудачник — кто терял работу, жену, мужа, судьбу бежал в церковь, хотя и веровал далеко не всегда.

Поэтому Мишу — воспринимали как одного из многих идущих одним и тем же путем. Как-то он зашел трезвый и, тем не менее, радостный, попросил поздравить: оказывается, вчера у него родился сын. Мы бросились поздравлять — сбилось ведь, но Миша почему-то не был на том седьмом небе от счастья, которое мы могли бы себе представить, зная о его предыдущей страсти. Мальчика назвали Никитой — Миша и тогда, при Лене, много раз говорил, мечтая, если родится сын, то обязательно дать ему имя Никита.

— А кто мама Никиты? — спросила я осторожно.

— Молодая девчонка.

— Ты у нее живешь? Вы женаты? Или собираетесь?

— Нет, ее родители против меня.

— Так снимите квартиру, и живите вместе с сыном — это так важно.

— Денег нет.

— Начни зарабатывать.

— Не хочу и не могу. Потому что все равно не заработаю — поезд ушел.

И обрубил все разговоры по душам.

Прошло больше года, Ельцин уже отрекся от власти, назначил преемником Путина, началась вторая чеченская война, Путина постоянно показывали по телевизору — то он военным самолетом управляет, то в Чечне указания раздает. Приближались его выборы в президенты. Как-то поздно вечером позвонила Лена.

— Знаешь, — сказала она не своим, совершенно охрипшим голосом, какие бывают у певиц после концерта, — мне только что позвонили: Миша убил женщину, с которой жил. У нее остался четырнадцатилетний сын от первого брака. Мальчик в этот момент был в квартире. Миша напился — эта женщина, говорят, была его старше, жалела его очень, а, жалея, выпивала с ним, только чтобы ему не было одиноко и пусто. Вот так они выпили вчера, Миша взял нож и сказал то, что уже слышала: «Я тебя буду убивать».

Лена заплакала.

— А ведь это могла быть я, — произнесла она. — Помнишь? А вы все уговаривали меня не разводиться, говорили: он выправится, надо его лечить... А он бы просто меня убил.

Суд не был суров к Мише. Особенно после того, как там была рассказана вся его история, с момента скоростижной смерти горячо им любимой матери, когда сам он был в возрасте подростка. Суд дал Мише четыре с половиной года — так

мало за убийство, признав, впрочем, его полностью психически полноценным и вменяемым, даже на фоне алкоголических проблем.

Мишу отправили в зону, в Мордовию, в глухие леса. Через полгода к Лене, в ее московскую квартиру, где она жила уже с новым мужем и у нее, наконец, родился сын — приехал начальник той колонии, где Миша отбывал наказание. Начальник был не самый умный, но, видимо, добрый человек. Решение навестить Лену было его собственным — Миша, как выяснилось, его об этом не просил. Начальник посчитал своим долгом, будучи в столице в служебной командировке, найти Лену, несмотря на то, что она бывшая жена, и рассказать, что «ее Михаил» (начальник так и говорил, к ужасу нового мужа) — лучший из заключенных, кого он когда-либо встречал и с кем работал. Миша — самый грамотный и трудолюбивый в колонии. Начальник, в котором чувствовался педагогический талант, назначил Мишу следить за библиотекой для заключенных, и Миша навел там полный порядок, сам много читает и работает с преступниками, как настоящий психолог. Миша собственноручно сколотил деревянную церковь за колючей проволокой и собирается в монахи. Списался с монастырем, просит наставить его на избранный путь. Начальник также поведал Лене, что он очень поддерживает Мишины монастырские начинания, поскольку видит от них только пользу для своего контингента убийц, насильников и рецидивистов, и что из Москвы он, по Мишиной просьбе, должен привезти в мордовскую колонию специальную церковную утварь, купив ее в магазине Московской Патриархии.

Тюремщик завершил свою речь обещанием, что он будет непременно ходатайствовать о Мишином досрочном освобождении за примерное поведение в местах лишения свободы.

— Лена, вы не рады? — спросил он бывшую жену, заметив, что она чуть не плачет.

— Я боюсь. — ответила Лена.

— Не надо. — парировал Мишин начальник. — Он теперь другой — смирный. И не пьет. И никого уже не убьет, как мне кажется.

Начальник пригладил волосы, отхлебнул чаю и добавил с чувством сопричастности к перевоспитанию преступников, быстро потирая ладони резким движением друг о друга, будто собирался кожей своих ладоней высечь огонь:

— Честно говоря, мне немного жаль, что он скоро уйдет. Лучший... Ну, просто лучший мой кадр.

С этого момента мы стали готовиться, вдруг, вот-вот Миша объявится в Москве. Но он появился только в 2001 году — его освободили, сняв судимость. Несколько недель Миша поболтался по столичной жизни — опять бесквартирный, никому не нужный, немецкий язык забывший, совсем уже не умеющий приспособиться к жизни, которая наступила.

Я уже давно знала, что он в Москве. Но встретились мы совершенно случайно на Тверском бульваре — просто шли навстречу друг другу и с трудом узнали знакомые когда-то черты. Присели на скамейку — и проговорили часа три кряду. Про моих детей он не спрашивал — а я про его Никиту. Мише просто нужен был собеседник — «уши», которые его выслушают.

Все время он говорил о монашестве и правильном выборе монастыря — я наблюдала, кто же передо мной. От прежнего — от юности — в нем почти ничего не осталось. Он выглядел седым, старым и обрюзгшим. Никакого таланта, особой одаренности, какие в нем ощущались когда-то. Только обида на судьбу. И много тюремного жаргона. Еще Миша твердил какую-то банальную ерунду — о смысле жизни, как об этом пишут в примитивных книжках для людей, почти не учившихся. И я поняла, какая библиотека была в мордовском лагере.

— Ты устроился на работу?

— А куда? Всюду мало платят и много требуют.

— Да все мы так сейчас... Надо уметь терпеть... — начала я. Но Миша перебил:

— А я не хочу, как все.

Вот уж чего у него было навалом, так это «не быть, как все».

— Как у тебя с монастырем?

— Пока не берут. Там тоже очередь и блат. Связи нужны. Мне мешает, что я сидел.

— Наверное, ты понимаешь, что это естественно... Ты же, действительно, из тюрьмы недавно.

— Я не понимаю, — Миша стал агрессивен.

— И что ты намерен делать?

— Пойду в ту маленькую церквушку, — Миша махнул рукой за свою спину. И там, действительно, стоял вросший от времени один из самых старых храмов Москвы, — наймусь сторожем. Для монастыря нужен профильный стаж, как мне сказали.

И тут мы оба засмеялись. Только человек, рожденный в СССР и проживший там некоторую сознательную часть своей жизни, знает, что такое разговоры про «профильный стаж» — типичный советский подход к приему на работу и в хороший институт, если не по знакомству. Хотя говорим мы о монастыре, религии, вере, конфессиональных правилах... И нет ничего более антиподного реалиям советского образа жизни, чем они. Мы продолжали хохотать.

— Смешно, — говорил Миша. — При нашей нынешней действительности православные правила и советская действительность вдруг сомкнулись.

Из-под нависших болезненных век то ли почечника, то ли сердечника вдруг глянул на меня прежний Миша — веселый, заводной, игривый, куражный.

— Конечно, сомкнулись. Ты просто давно тут не был. Ты не боишься, что церковь, куда ты так стремишься, стала тем же райкомом комсомола, от чего ты так когда-то убегал? Просто все подретушировалось под новые веяния? И ты потом, уже попав в монастырь, жестоко разочаруешься? И...

Я поймала себя на полуслове. И не найдя нужного выражения, осеклась.

— Ты хотела сказать, что я опять кого-то убью, взвалив вину на него за собственные проблемы?

— Ну, не совсем... — Я стала заикаться, хотя именно это я и хотела, сказать — мы с Мишей, похоже, опять отлично понимали друг друга.

— Совсем, совсем... Не подбирай слов... Отвечу тебе так: боюсь, конечно. Но мне некуда деваться. Если я останусь — обязательно сяду опять. Мне в тюрьме лучше — в закрытом пространстве. А монастырь — зона. Только другие охранники. Мне надо жить под охраной. Я сам с собой не справляюсь, видя, какая жизнь вокруг.

— А какая она?

— Циничная. А я цинизма не выношу. Оттого и пил.

— А свою женщину зачем убил? Она была циничная?

— Нет, она была очень хорошая. Но я не помню, как ее убил. Пьян был.

— Так ты в миру все равно не останешься?

— Ни в коем случае. Не выдержу.

Больше мы с ним не виделись. Но я знаю, что в монастырь Миша не успел. Оформление тянулось очень долго: православная бюрократия у нас, как государственное чиновничество, — равнодушное ко всему, что не его личные нужды. Миша долго ходил в Патриархию, носил какие-то справки, работая церковным сторожем и живя прямо при храме. Постепенно стал попивать снова. Пару раз появлялся у Лены — опять просил денег... Один раз она ему дала сто рублей. Во второй отказала и правильно сделала: не для него она и муж ее работают, чтобы Миша имел возможность выпить, когда хочется... Правильно, конечно.

А Миша пошел и бросился в метро под поезд. О чем мы узнали много позже, и случайно. Пытались что-то выяснить, и оказалось, что Мишу — одного из самых талантливых людей нашей страны, которых я знала, — похоронили как бездомного и «невостребованного» (никто из родственников не обратился). Вернее, похоронили прах его — таких у нас кремируют. Могила Миши неизвестна.

Ринат

...Можно ходить прямо, а можно в обход. Расположение специального разведывательного полка Министерства обороны России — самого элитного его подразделения — конечно, не место для прогулок гражданских лиц, как я. Но иногда это очень требуется. Меня привел сюда Ринат. Он — один из офицеров этого полка, его звание — майор. Родом Ринат неизвестно откуда — круглый сирота, воспитывавшийся в детском доме с первых месяцев жизни. У него восточное лицо, раскосые глаза, и говорит Ринат на нескольких редких языках народов Средней Азии. Военная специальность офицера — разведчик, за эту службу у него много орденов и медалей. Ринат прошел афганскую войну, годами, нелегалом, сидел потом в таджикских бандах в горах и на афгано-таджикской

границе и брал с поличным бандитов-наркоторговцев. Еще, тоже нелегалом, от имени российского правительства помогал приводить к власти некоторых нынешних президентов бывших советских республик. Естественно, много бывал в Чечне. И на первой чеченской войне, и на второй. Вся грудь Рината в орденах.

Мы ищем с Ринатом дырку в секретном полковом заборе. Он хочет показать, как он, увешенный орденами, живет в офицерской казарме, а счастье в виде дома в военном городке, куда он хотел вселиться, обошло его стороной. И хотя этот полк очень знаменитый, вышколенный и элитный, — дырку мы обнаруживаем, и весьма внушительную, целый танк пройдет. Не то, что мы вдвоем.

Пять минут ходьбы, и вот он — жилой городок разведчиков. Утро. Вокруг хмурые лица офицеров, свободных сегодня от службы. Погода, впрочем, тоже невеселая, размытая глина под нашими ногами — не идем, а плывем, смотря себе под ноги, чтобы не упасть.

Поднимаю глаза, и — о, чудо! — передо мной, как мираж посреди унылых пятиэтажек, красивый салатово-серый многоэтажный новый дом.

— Все началось именно с него, — говорит Ринат. — Конечно, я хотел квартиру в нем. Ну, сколько можно уже скитаться?.. Сын подрастает. И я — все по войнам.

Майор смолкает на полуфразе и уходит в какой-то не ясный мне маневр. Он вдруг прячет лицо, пригибается — будто обстрел и надо искать окоп, чтобы спастись. Ринат тихо шепчет, что лучше бы сделать вид, что мы не знакомы и только что встретились, а еще просит не смотреть вперед, не размахивать руками и не привлекать внимания... Странности?

— Да что же случилось?! — спрашиваю. — Засада, что ли?

Глупость, конечно: ну какая может быть засада в охраняемой зоне постоянной дислокации военного подразделения...

— Его нельзя злить... — так же тихо произносит Ринат, продолжая отвлекающий маневр, и мы, действительно, как разведчики, быстро, ловко, но без суеты, чтобы неожиданной резкостью не обратить на себя внимания окружающих, меняем курс.

— Кого нельзя злить? — допытываюсь, когда Ринат поднимает голову и облегченно вздыхает в знак того, что опасность миновала.

— Заместителя командира нашего полка — Петрова.

Оказывается, мы только потому так сейчас маневрировали на местности, что Петров собственной персоной как раз ехал нам навстречу. Его автомобиль подрулил к красивому дому — потому что Петров в нем живет. И лишь когда он скрылся в подъезде, Ринат успокоился. И мы продолжили прогулку по военному городку — туда-сюда, вперед-назад. Как ни старались, а все получалось, что вокруг красивого дома... И Ринат смотрел на него с тоской и завистью.

Честно говоря, я в замешательстве. Немного знаю боевую биографию Рината, его бесстрашие и мужество, удивлена: а чего он, собственно, боится больше всего? Он, разведчик с огромным стажем, участием в войнах и боях? Смерти?

— Нет, к смерти притерпелся. Я не рисуюсь.

— Плена?

— Да, боюсь, конечно, — потому что понимаю, будут пытаться. Сам видел. В бандах. Но и плена не так уж сильно боюсь.

— Тогда чего же?

— Наверное, мира. Мирной жизни. Я ничего в ней не понимаю. Я к ней не готов.

Ринату — 37 лет. Он только и делал в жизни, что бегал по войнам. Весь изранен. У него язва желудка и двенадцатиперстной кишки, еще — расстройство нервной системы, его не отпускают мучительные боли в суставах и фантомные мозговые спазмы после нескольких ранений в голову.

Недавно майор решил осесть — вернуться со всех своих войн в обычный наш мир, и тут-то оказалось, что в нем он ровным счетом ничего не понимает. Например, а кто ему даст дом? Ведь ему же полагается квартира за все то, через что он прошел, защищая интересы государства? Или — деньги?..

Как только он стал задавать Петрову, заместителю командира полка, эти вопросы, тут и выяснилось, что ему не полагается ничего. И Ринат сделал вывод: пока, выполняя особые задания своего правительства, он бегал по горам, странам и континентам, он был нужен своему государству, и оно давало ему ордена и медали. Как только здоровье майора вышло в тираж, он решил остановиться и попытаться осесть, оказалось, что нет ему тут никакого места, не приготовлено, и военное начальство попросту вышвыривает Рината на улицу. Даже из убогого угла в офицерской казарме, где он сейчас спит. Вместе с ребенком.

У Рината есть сын Эдик. Ринат — отец-одиночка, мама мальчика погибла несколько лет назад, и долгое время Эдик жил в офицерской казарме совершенно один, ожидая отца в этом самом углу, из которого их сейчас выгоняют — с его многочисленных войн и ответственных боевых заданий...

— Я знаю, как убить врага так, чтобы он не издал ни единого звука, — объясняет Ринат. — Я умею бесшумно и быстро влезть на гору и обезвредить тех, кто сидит на этой горе. Я — отличный скалолаз и альпинист. Я «читаю» горы — по веточкам и кустам, кто там и где притаился... Я чувствую горы — говорят, это дар

от природы. Но я не умею добиться квартиры. Я вообще ничего не могу добиться в гражданской жизни.

Передо мной — беспомощный профессиональный убийца, подготовленный государством. И у нас сейчас таких много. Государство посылает людей на какую по счету войну, эти люди годами существуют в условиях войн, возвращаются и не понимают, из чего состоит мирная жизнь, какие в ней законы и порядки, — и спиваются, и уходят в банды, и становятся наемными киллерами, и новые хозяева платят им большие деньги, говоря, что они уничтожают, кого требуется уничтожить ради интересов государства...

А государство? Ему плевать. При Путине оно фактически перестало заботиться об офицерах, прошедших войны. И, кажется, будто оно заинтересовано в том, чтобы стало больше высокопрофессиональных киллеров в составе криминальных банд.

— Вы, Ринат, о том же думаете для себя?

— Нет, я не хочу. Но если мы с Эдиком окажемся на улице... Не исключаю. Я умею только то, что умею.

...Мы с Ринатом, наконец, подползаем по грязи и слякоти к унылой развалюхе. Ее тут называют «трехэтажка». Это и есть офицерская казарма. Мы поднимаемся на третий этаж, и за облезлой дверью — убогая казенная комната...

У майора никогда в жизни не было дома и своего угла. Вообще. Сначала — детский дом на Урале, в городе Нижний Тагил. Потом — казармы военного училища, в которое он поступил из детского дома. Еще позже — гарнизонные общежития попеременно с палатками полевых лагерей. За плечами — уже шестнадцать лет в строю. Перекати-поле по присяге. А последние одиннадцать лет Ринат только и делал, что кочевал из одной боевой командировки на другую. От такой жизни у него так и не появилось вещей.

— И я был счастлив, — говорит майор, — я и не хотел уходить из войны...
Думал, так навсегда...

Все, что нажил Ринат, умещается сейчас в одной парашютной сумке. Майор открывает казенный шкаф с инвентарным номером на жалком обшарпанном боку и показывает эту сумку.

— На плечо — и в командировку, — коротко объясняет, каковы его жизненные ценности и убеждения.

На диване сидит мальчик и как-то скорбно смотрит на нас. Это и есть Эдик. И я перебиваю майора:

— Но ведь вы были женаты? Значит, у вас было какое-то хозяйство?

— Нет, не было. Не успели.

Пока Ринат воевал в Таджикистане, помогая нынешнему президенту Рахмонову брать власть, в Киргизии у него появилась жена. С ней они встретились во время предыдущей боевой командировки Рината — в городе Оше, где она жила и куда однажды прибыл Ринат, потому что в Оше началась резня на национальной почве.

Они поженились прямо на фоне этой резни — по пылкой и страстной любви, вспыхнувшей среди крови и боли. Ринат тогда привел свою юную жену к своему командиру и сказал: «Все, мы женаты». Командир развел руками и только и попросил, что оставить жену в Оше, любимая женщина для разведчика — ахиллесова пята. И он оставил и отправился обратно в Таджикистан, в банду на границу.

Потом командир ему сказал, что жена родила мальчика и назвала Эдиком. А еще позже, в июне 1995 года, его юную жену, студентку местной консерватории,

выследив, убили те, кто был недоволен деятельностью Рината в Таджикистане... Жене только что исполнился 21 год, и в тот день она шла сдавать экзамен за третий курс...

Поначалу Эдик жил у бабушки в Киргизии — мальчик был слишком маленьким, чтобы выдержать жизнь по офицерским общежитиям, да и Ринат очень редко ночевал в неудобных, неметеных комнатах, куда его определяло государство, — он продолжал бегать по спецоперациям и горам нашей страны, получил два тяжелых ранения, отлеживался по госпиталям...

— И все равно я не хотел другой жизни, — говорит Ринат. — Но Эдик стал подрастать.

Наконец, пришел момент, и он решил взять сына к себе, и с тех пор Эдик ездит к бабушке, лишь когда у Рината полугодовые боевые командировки, на такое время мальчика не оставишь под присмотром соседей.

...Мы сидим в их комнатухе — тут холодно и неудобно. Эдик — молчаливый мальчик с ясными, все понимающими и очень взрослыми глазами. Говорит он, только когда отец выходит из комнаты и когда его спрашивают — сын разведчика, одним словом. Он понимает, что отцу очень тяжело сейчас, и поэтому в следующем учебном году он хочет отправить Эдика в кадетский корпус, но мальчику эта идея не нравится.

— Я хочу жить дома, — говорит он спокойно и очень по-мужски, без надрыва, но, тем не менее, повторяет несколько раз. — Я хочу жить дома. Дома...

— А это — твой дом? Ты чувствуешь себя здесь, как дома?

Эдик — честный парень. Он знает: когда нельзя ответить правду, то лучше промолчать. И именно так он и поступает.

Действительно, кто возьмется назвать этот загон для боевых офицеров с пьяными воплями контрактников за тонкой стеной, с инвентарной казенной мебелью — домом?.. Но Эдик знает, что отца гонят и отсюда. Значит, пусть это будет дом.

Отношения командования полка и майора стали портиться, когда Ринат пошел просить квартиру в новом красивом доме — том самом, прогуливаясь рядом с которым мы прятались от глаз заместителя командира полка Петрова. Майор полагал, идя с просьбой, что он прав, ведь уже много лет, как Ринат — первый в очереди на жилье.

— Когда я попросил, Петров возмутился: «Ты мало сделал для полка», — рассказывает Ринат. — Представьте, именно такую фразу и произнес. Я удивился и ответил: «Я воевал. Все время. Да я снял летчиков с горы, с которой их никто не мог снять... Я нужен государству».

Действительно, была такая история, за которую майор был представлен к высшему званию — Герой России. В июне 2001 года, в чеченских горах, в районе села Итум-Кале, разбился военный истребитель. Несколько поисково-спасательных групп ходили тогда в горы — искать экипаж, но все было впустую. Командование вспомнило о Ринате, прежде всего о его уникальном боевом опыте и о том, что он «чувствует горы» и умеет «читать» их, ориентируясь по веточкам, палочкам, листочкам.

Майор действительно нашел тогда погибших летчиков всего за сутки. Одно тело было уже заминировано боевиками — и Ринат его разминировал, и семьи теперь имеют могилы.

Боевые офицеры говорят обычно так: командиры, которые теряются в бою и горах, очень хороши именно на гражданке. Ринат тогда так прямо и сказал Петрову: «Знаю я, каким «героем» ты был в Чечне, все по штабам прятался». И замполит ответил ему, ударив по самому больному: «Ну, вот ты и попал, майор...

За разговорчики свои... Будешь бомжевать у меня, майор... Уволю без квартиры... С ребенком на улицу пойдешь».

И стал претворять обещанное в жизнь. По полному списку. Сначала он унизил майора, офицера с уникальным боевым опытом, тем, что перевели его в... оформители плаца. Еще — в заведующие клубом. Заведовать показом кино для солдат.

Потом Петров приказал рисовать Ринату плакаты для плаца (Ринат — отличный художник), которые по должности полагалось рисовать жене Петрова, — и та просто перестала появляться на службе, и все офицеры полка знали, что Ринат работает за жену Петрова, а та отдыхает, в том новом красивом доме...

Тут еще Эдик тяжело заболел, попал в больницу, и врачи велели Ринату сидеть у его постели. Ринат стал постоянно отпрашиваться, а Петров — задним числом и невзирая на официальный больничный лист, выданный врачами принялся ставить ему прогулы... Потом собрал суд офицерской чести, там подтасовали протокол, и на основании этого протокола вышвырнул майора из квартирной очереди и теперь ходатайствует об увольнении Рината из армии без всяких льгот. Короче, коса на камень.

— За что? — опускает голову майор, уже понявший, что тут не война и его обязательно переиграют.

Войны, которые ведет наша страна и в которых участвует, продолжаются везде, где находятся люди, через них прошедшие. Прежде всего, в подразделениях, куда они возвращаются из боевых командировок. Штабные офицеры там насмерть воюют с «боевиками», боевыми офицерами. За неповиновение, невзирая на заслуги, их увольняют, с унижениями и оскорблениями вслед, Ринат — не единственный. Офицеры в армии теперь делятся на две неравные категории. Первые — действительно, участники боевых операций, рисковавшие жизнью, ползавшие по горам, зарывавшиеся в снег и землю на долгие сутки, многие

израненные вдоль и поперек. Жалко их до смерти — им сложно приспособиться к нашей обычной, а для них дикой мирной жизни, где надо лавировать, а не хвататься за автомат, и они не находят общего языка со штабными, часто тоже побывавшими в Чечне, — и бунтуют, пьют, маются, и эти штабные, как правило, их переигрывают по всем статьям: наговорят гадости о них, где нужно, к начальству сбегают, понаушничают, поинтригуют... Глядишь, и подвели строптивых под увольнение. За что? За себя, конечно. Только за то, что одним своим присутствием в частях боевые офицеры ежедневно напоминают им, кто есть кто на этом свете.

А сами? А сами — вперед, вверх по чинам со скоростью летящего метеорита. Штабные отлично обустривают свою бытовую жизнь, получают квартиры, дачи...

В конце концов, Ринат сдался. Он бросил армию, которую так любил, и ушел с Эдиком в никуда. Бездомный нищий боевой офицер. Я боюсь за него — потому что я догадываюсь, куда он подался.

Но я боюсь не только за него, но и за всех нас.

Провинциальные истории

Что такое разбойный передел собственности с корпоративным участием власти, суда и правоохранительных органов?

2003 г. Февраль. Москва. Как снег на голову: президент Путин назначает заместителем министра внутренних дел, начальником Главного управления по борьбе с организованной преступностью (ГУБОП) господина Николая Овчинникова, скромного и малозаметного в общественной жизни депутата Государственной Думы, никогда не выступающего там на заседаниях, ни в какой законодательной работе не замеченного, политически не активного. Да к тому же не питерца — выходца из Санкт-Петербурга, что, согласно нынешней кадровой политике, полдела при назначении... Сразу после объявления указа Путина о назначении Овчинникова последний тут же дает интервью, что постарается оправдать доверие президента и видит свою задачу в том, чтобы «свести коррупцию к минимуму», а «здоровая часть общества» больше не зависела «от действий ее малой, криминальной части». Отличная и благородная задача! Только почему так много людей на Урале лишь посмеялись над этими словами нового замминистра?..

Надо сказать, этот кадровый выбор президента — не случайность. На сей раз пост и личность встретились потому, что в путинской России они должны были встретиться.

Но сначала — о посте. Что он представляет собой в российской чиновничьей иерархии? И почему к подобному назначению надо быть внимательным?

Начальник ГУБОП — должность у нас не рядовая. Это кресло — ключевое среди силовиков и принципиальное. Во-первых, потому, что организованная преступность (мафия) и есть вся наша повседневная жизнь, закрученная на чудовищной коррупции, когда, как у нас говорят, все, что нельзя без денег, за деньги обязательно.

Во-вторых, чиновничья значительность поста сложилась как бы «исторически». Дело в том, что один из самых непотопляемых (и при Ельцине, и при Путине удержался наверху) чиновников-силовиков высокого ранга в России — Владимир Рушайло. Он — наш бывший министр внутренних дел и нынешний глава Совета безопасности. Начинал же Рушайло свою карьеру начальником Управления по борьбе с организованной преступностью и, став министром МВД, продолжил линию профессионального интереса: он всячески укреплял именно Управления по борьбе с организованной преступностью. Это означает: раздувал их штаты по сравнению с другими управлениями, давал сотрудникам огромные силовые полномочия (проведение несанкционированных силовых операций), выделяющие их среди остальных милицейских структур, и, конечно же, активно продвигал «своих» — коллег из иерархии борцов с мафией — на высшие государственные посты. В результате сейчас, рушайловцы составляют конкурентную долю в центральных аппаратах силовых ведомств, сравнимую только с числом питерцев (так называют тех, кто работал в Санкт-Петербурге одновременно с Путиным и перебрался вслед за ним в Москву, в центральные аппараты различных ведомств) и «чекистов», выходцев из родной Путину КГБ, ныне ФСБ, бывших сослуживцев.

Теперь о личности — о Николае Овчинникове. Внешне при назначении все выглядело вполне пристойно и чиновничьи-закономерно. Овчинников получил должность по заслугам. Согласно данным официального личного дела, Овчинников до Думы — кадровый милиционер, со стажем работы в провинциальных правоохранительных структурах в три десятка лет, в депутаты ушел с поста начальника екатеринбургской милиции. А Екатеринбург — тоже не рядовой в России город и не заштатный, а «столица Урала», центр Свердловской области, крупнейшего промышленного Уральского региона. В ельцинские годы, с его, первого президента, знаменитым лозунгом российским регионам: «Берите суверенитета, сколько хотите», вполне серьезно муссировались идеи и планы по созданию Уральской республики со столицей в Екатеринбурге. Быть главным милиционером тут — значит быть у всей страны на виду, поскольку Урал — это богатейшие недра, металлургические комбинаты, такой природный и

промышленный потенциал, который дал бы выжить любой стране... Кроме того, в Екатеринбурге традиционно сосредоточена одна из самых крупных мафий сначала Советского Союза, а теперь России — так называемая уралмашевская преступная группировка, и это значит, что главный городской милиционер, хочет он того или не хочет, а борется с уралмашевскими бандитами.

Впрочем, за пределами официального послужного списка нового назначенца, конечно, осталось многое. Быть может, даже главное — то, каким же милицейским начальником был в родном Екатеринбурге Овчинников? Чем был там занят? Какую мафию преследовал? С какой дружил? Какими подвигами прославил себя? Какие уральские фигуры поддерживал? В каких событиях участвовал? И, как результат всего этого, чем был Екатеринбург времен Овчинникова? И во что превратился теперь?

Естественно, у меня нет стремления рассказывать некую личную историю об уральском милиционере Овчинникове, выбившемся в большие столичные чиновники. Меня интересует явление российской жизни, именуемой коррупцией. Что это такое? Какие механизмы ее формируют — при всенародном-то ее осуждении? Что такое новая отечественная мафия времен путинских, а не ельцинских? Как она достигает высших государственных постов при этом президенте? В чем заинтересованность Путина в продвижении тех или иных господ? То есть на примере назначения Овчинникова, — главным борцом с мафией в стране, — есть шанс продемонстрировать, что же такое кадровая политика Путина и его администрации?..

Этот рассказ о мафии, об Овчинникове и Путине не будет коротким. Тут придется начать издалека.

Федулев

Эта история прогремела тогда на всю страну: 13 сентября 2001 года, когда в Чечне уже шла война, а Путин был назначен премьер-министром, потому что, в

отличие от других претендентов, согласился начать вторую чеченскую войну, в Екатеринбурге произошел захват одного из самых крупных предприятий — комбината «Уралхиммаш», завода химического машиностроения всероссийского значения.

Граждане, вооруженные бейсбольными битами, при поддержке екатеринбургского отряда милиции особого назначения (ОМОНа) ворвались в здание заводоуправления, учинили там серьезные беспорядки и попытались посадить «своего директора» вместо директора Сергея Глотова.

Уральские телеканалы демонстрировали тогда, как коммунисты праздновали победу и орали: «Ура! Народ берет власть в свои руки! Долой капиталистов!». Теми же лозунгами отреагировали на происходящее и лидеры местных профсоюзов. Захват «Уралхиммаша» они объявили «рабочей революцией», поддержали его и пообещали скорейшее распространение подобных «революций» на всю страну.

Молчал президент Ельцин — но никого это не удивляло, все знали, что он болен и мало способен к работе. Однако молчал и новый премьер Путин... Москва в целом молчала... Министр внутренних дел Рушайло также никак не прокомментировал для публики участие его подчиненных милиционеров в штурме комбината на одной из сторон...

Естественно, это молчание столицы означало многое: с бухты-барахты подобные события у нас не случаются, и ОМОНЫ просто так, из одной солидарности с рабочими, борющимися за свои права, никого не поддерживают силой оружия...

Вечером 13 сентября, когда «рабочая революция» несколько поутихла, а в кабинете директора забаррикадировались те, кто не хотел освобождать — прежнее руководство, на территорию «Уралхиммаша» въехала настоящая бронеколонна —

армада черных новеньких джипов. Перед ними почтительно расступились омоновцы — никакого противодействия джипы не встретили.

Из одного вышел невысокий гражданин невзрачного вида, в приличном костюме, дорогих очках, золотых цепях на груди и запястьях. Посмотришь — типичный новый русский со следами многодневного перепоя на лице. На всем пути следования к директорскому кабинету гражданина окружала мощная охрана, состоящая из екатеринбургских милиционеров. Омоновцы силой расчищали им дорогу, рабочие неохотно расступились.

— Опять Пашка бужит. Разборку устроил, — цедили кадровые химмашевцы сквозь зубы, поглядывая на происходящее.

— Ведущий промышленник нашей области, депутат областного Законодательного собрания Павел Анатольевич Федулев, руководствуясь решениями суда, стремится восстановить справедливость, — передавали в эфир екатеринбургские каналы, перемежая демонстрацию озабоченного лица «ведущего промышленника» с кадрами, где лица защитников комбината были в крови, и можно было заметить железные прутья вперемежку с битами...

...Гражданин в очках прошел внутрь и предъявил смещенным руководителям «Уралхиммаша» кипу бумаг. Это были судебные решения, в соответствии с которыми именно он, их предъявитель, а не кто-то другой — совладелец комбината. Теперь в качестве совладельца и члена совета директоров он намерен посадить в директорское кресло своего человека, для чего просит всех посторонних освободить помещение, им не принадлежащее.

Гражданин расположился в кресле без приглашения, как хозяин, подчеркнуто нагло. Но через некоторое время, ушедшее на ознакомление смещенным руководством с бумагами, получил в ответ, во-первых, поток нецензурных выражений, которые стерпел. А во-вторых, также набор документов и судебных решений. В соответствии с ними именно нынешний директор, выходило, —

настоящий директор. И за ним — тоже совет директоров, правда, не та часть, чьи подписи принес на своих бумагах гражданин-«совладелец».

Чтобы разобраться в сути случившегося, еще один экскурс в современную екатеринбургскую историю. Он нужен, чтобы понять: а по каким законам тут жили последние десять лет, последовавших после распада СССР? Как развивалось общество, в котором оказался возможен захват столь крупного комбината, как «Уралхиммаш»? И почему вообще в этой истории — несколько наборов судебных решений? И кто такой «Пашка» — Павел Анатольевич Федулев? И почему, когда в те дни я спрашивала в Екатеринбурге самых разных людей — прохожих на улице, дежурных на железнодорожном вокзале, чиновников областной администрации, проституток, фланирующих по гостиничному фойе, судей, милиционеров, учителей: «Что же такое у вас тут творится в самом-то деле?» — я получала один и тот же ответ: «Это у нас — Федулев». И вся разница в их ответах состояла только в том, что для одних опять же он оказывался Пашкой, а другие величали его Павлом Анатольевичем...

Начало

Десять лет тому назад, когда шло зарождение всей нынешней жизни — у власти был Ельцин и демократия, как мы тогда говорили, жизнь повсюду бурлила, Пашка был всего лишь местным мелким хулиганом, вымогателем и насильником. В Свердловске — а тогда, до переименования его в Екатеринбург, город назывался еще именно так, своим советским именем, — тут всюду орудовали крупные криминальные бригады, разбирая сферы влияния, но Пашка был не с ними. Он был единоличник — занимался личным мелким разбойным промыслом. И хотя за ним тянулись уголовные дела, как шлейф за невестой, но особенно уж милиция его не донимала — мелок был Федулев и потому неинтересен. Таких у нас в те годы сажали не по мере совершения преступления, а только когда «надо было посадить», то есть когда бандит в чем-то не договорился с другими бандитами, поднял голос и обнаглел. За Пашкой Федулевым этого не водилось — несговорчивым он тогда не был.

В начале 90-х Пашка двинулся в бизнес — и это было типично, ровно так же, как большинство его товарищей, свердловских и вообще российских бандитов. При этом Пашка был беден, к «общаку» — уголовной черной кассе, а в Екатеринбурге, известном своим криминальным подпольем, существовал один из самых крупных «общаков» страны — Пашка, как мелкий хулиган, допущен не был, и поэтому первоначальный капитал он должен был делать самостоятельно. Чем и занялся.

Первый свой крупный капитал Федулев сколотил быстро — на «левой», то есть нелегально и кустарно произведенной водке, именуемой в России «паленкой». Механизм был прост. Дело в том, что в Свердловской области, в ее глухих городках и поселках, с советских времен существовало несколько спиртовых заводиков. При раннем Ельцине они, как и любое тогда производство, стали разваливаться, и наступил момент, когда каждый, кто мог и хотел, за символическую сумму, переданную наличными прямо в руки директору, получал такое количество спирта, какое мог увезти.

Конечно, это был откровенный грабеж государственных заводиков, но тогда это считалось нормой постсоветской жизни, люди голодали, и одна половина страны, чтобы прокормиться, грабила другую ее половину, и никакого удивления это не вызывало. Считалось, что все выживают, как могут, и это и есть бизнес, о котором мы мечтали.

Смысл покупки спирта был в том, чтобы потом разбавить этот практически дармовой продукт водой, разлить в подвалах в бутылках и продать, как дешевую водку, раскупаемую вмиг. Акцизов в России тогда еще не ввели, законодательства в этой сфере не существовало, и милиция, даже если бы захотела, была бессильна в борьбе против «паленки». Впрочем, милиция и не хотела, тоже предпочитая выживать любым путем, — то есть участвовать в нелегальном бизнесе. Водочники-подпольщики платили милиционерам за охрану от конкурентов и помощь при столкновениях с рэкетирами.

Именно тогда Пашка Федулев, бандит и бутлегер, познакомился с Николаем Овчинниковым, милиционером. На почве охраны производства и реализации водки-«паленки». Овчинников, как и все, тогда тоже очень хотел денег — в милиции зарплаты были мизерные, и платили их редко. Так они, Пашка и Овчинников, и поняли друг друга. Овчинников стал «не замечать», что делает Пашка, а Пашка, схватив удачу за хвост, Овчинникова не обижал — на хлеб с маслом милиционеру стало хватать с лихвой.

Наконец подошел момент, когда первоначальный капитал у Пашки сколотился в достаточном количестве для того, чтобы начать более крупную игру. И, что очень важно, — легальную. Это очень характерно для нашего общества: как солдат мечтает стать генералом, так и всякий бандит в России грезит о законном большом бизнесе.

Специфика российской экономики — как тогда, при Ельцине, так и сейчас, при Путине, — состоит в том, что все, кто хочет быть в большом бизнесе и добиться в нем успеха, знают: нужно соблюдать три условия. Первое — успех, как правило, у того, кто получает в личную собственность какой-либо кусок от государственного пирога, то есть от госсобственности. (Именно поэтому подавляющее большинство крупных бизнесменов выросли в России из бывшей партноменклатуры — комсомольских или партийных работников, они оказались ближе к «пирогу»).

Второе — добившись успеха, получив госсобственность в личную, надо все равно быть где-то рядом, при власти, то есть кормить (платить) чиновников регулярно, и тогда это будет твоя лучшая гарантия процветания частного предпринимательства.

Третье условие — это дружить (подкупать) правоохранительные структуры.

Не имея возможности выполнить первое условие, Федулев сосредоточился на втором и третьем.

«Правоохранители»

В те годы жил в Екатеринбурге некто Василий Руденко. Работал он заместителем начальника городского уголовного розыска и был товарищем Овчинникова. Все знали: Руденко — человек так себе, продажный и скользкий, но должность обязывала считаться с ним всех, кто хотел быть удачливым в бизнесе, поскольку мимо Руденко просто так не пробегал ни один бандит, желавший покончить со своим нелегальным прошлым. Руденко брал мзду за отстирывание личных дел новых бизнесменов (бывших бандитов) от криминального прошлого, зафиксированного в милицейских архивах.

Среди прочих потянулся к Руденко и Федулев. Это был не самый простой период в жизни Пашки. В Екатеринбурге он уже слыл состоятельным спиртовым королем, его уже приглашали быть спонсором местных богаделен и детских домов, он уже летал в Москву на субботу-воскресенье в тамошние ночные увеселительные заведения, вывозя с собой (особая привилегия, свидетельствующая о приближенности к власти) чиновников областной администрации, — и это означало, что самое время приступать к самоотбеливанию. Пашка решил, что ему больше не нужно его собственное криминальное прошлое, хранящее свой документальный след в архивах екатеринбургской милиции.

Решил — и сделал. Федулев, надо признать, был удачлив, и так будет и впредь: что задумывал, то воплощал.

Познакомил Руденко и Федулева человек по имени Юрий Альтшуль. Все, кто знал Альтшуля, вспоминают о нем тепло и даже с восхищением. Юрий — не уралец. Он оказался в Екатеринбурге почти случайно — его сюда направила страна. Альтшуль был военным разведчиком, и прибыл на Урал как командир роты спецназа ГРУ (Главного разведывательного управления Генерального штаба России), выведенной, после падения Берлинской стены, из Венгрии в связи с расформированием Западной группы войск.

В Екатеринбурге Альтшуль уволился из армии и остался жить в городе. Денег страна военнослужащим тогда не платила, и, превратившись в гражданского человека, Альтшуль ринулся в бизнес. Как и многие уволившиеся в ту пору сотрудники спецподразделений, он создал частную службу безопасности, а также частное детективное агентство и благотворительный фонд «Ветераны спецподразделений».

В России подобных организаций, рожденных на армейских руинах, — множество. В любом крупном городе есть свои ветераны, и главное их занятие — охрана коммерсантов. Так Федулев оказался одним из клиентов Альтшуля, и именно бывший офицер ГРУ помог Пашке через Руденко вычистить от прошлых бандитских грешков компьютерную базу екатеринбургской милиции — желание исполнилось.

Вскоре Альтшуль стал не просто телохранителем Федулева, а его доверенным лицом. Именно он, умный, решительный и образованный человек, не в пример Федулеву, ввел последнего — личность без всякой профессиональной подготовки — на фондовый рынок Урала. Надо сказать, Пашка там быстро освоился и вскоре превратился в хорошего игрока. Своих денег было маловато, и Пашка вошел в долю с Андреем Якушевым. В середине 90-х Якушев был знаменит, являясь главой известной уральской фирмы «Золотой телец».

Вместе с Якушевым Федулев очень удачно скупил акции нескольких предприятий, среди которых оказались, например, акции екатеринбургского мясокомбината, крупнейшего на Урале. Масштабы «мясной сделки» были таковы, что это сделало Пашку без пяти минут екатеринбургским олигархом, вхожим в апартаменты самого областного губернатора Эдуарда Росселя.

И вот тут-то выяснилось, что Федулев не любит ни с кем делиться удачей. Он способен вместе бороться с трудностями, но не разделять финансовый и сопутствующий ему общественный успех. Именно в это время и случилось на пути Федулева первое и показательное заказное убийство.

Точнее, первое, о котором известно. А показательное потому, что после него Федулева стали бояться, осознав, что он теперь уж действительно перерос свои собственные рамки — мелкого хулигана и вымогателя. Так уж повелось в России: убил — тебя уважают.

Как-то в это время Федулев занял у Якушева крупную сумму денег — под очередную сделку. Он, действительно, ее провернул и увеличил сумму многократно. А вот возвращать долг вдруг категорически отказался... И не то чтобы Якушев сильно требовал этих денег... Впрочем, он просто не успел. 9 мая 1995 года, на глазах жены и ребенка, в подъезде собственного дома Андрей Якушев был расстрелян.

Уголовное дело? Да, его возбудили, и у него даже появился номер — № 772801. И там числился главным фигурантом — именно он, Федулев, первый компаньон убитого, его должник...

Ну и что с того? Уголовное дело с этим номером существует в архивах до сих пор. И у него нет ни конца, ни края — в том смысле, что его никто не расследовал и не расследует. Да и сколько их, подобных, окажется у Федулева потом, впереди... И всякий раз будет то же самое — точнее, ничего не будет. Каждый заинтересованный человек в Екатеринбурге знал к тому моменту, что Пашка сделал выгоднейшие инвестиции, — он купил в городе милицию, и она его верно бережет от любых неприятностей.

Конечно, Пашка действовал неглупо. И наверняка. Потому что он уже отлично понял правила новой наступившей жизни для коммерсантов, главное из которых: ты — ничто без связей двух типов. Первое — без «дружбы» (подкупа) высоких государственных чиновников, постоянное подкармливание которых — неременное условие выживания, прирученность их к твоему кошельку обязательна. Второе — и это также обязательная составляющая успеха в бизнесе: ты — никто без милицейских чинов, посаженных, как на героин, на твои доллары.

Именно с этих пор Руденко и Овчинников становятся постоянными Пашкиными «партнерами». Они помогают ему вырастать в «нового уральского промышленника» и приумножать состояние. Естественно, все тем же, испробованным на Якушеве, путем — другим-то не овладели.

Однажды Федулев предлагает поработать вместе Андрею Соснину, еще одному екатеринбургскому олигарху. Федулев и Соснин объединяют свои финансовые возможности и проворачивают беспрецедентную доселе по масштабам спекулятивную кампанию на уральском фондовом рынке. Соснин становится обладателем контрольных пакетов акций самых лакомых предприятий региона — фактически всего его промышленного потенциала, созданного несколькими поколениями советских людей, начиная со времен Второй мировой войны, когда сюда, на Урал, были эвакуированы самые крупные и лучшие заводы из европейской зоны СССР. Среди предприятий, контроль над которыми вследствие аферы перешел к Соснину и Федулеву, были Нижнетагильский металлургический комбинат и Качканарский горно-обогатительный комбинат (у обоих — мировая известность), «Уралхиммаш», «Уралтелеком», Богословское рудоуправление и три гидролизных завода — Тавдинский (в городке Тавда), Ивдельский (в городке Ивдель) и Лобвинский (в городке Лобва).

Это был серьезный успех. Для коммерсантов, естественно. Но для государства ли? Ни Соснин, ни Федулев не имели за душой никакой промышленной политики для этих предприятий. Они просто сыграли в игру. Областное чиновничество при этом носило парочку на руках, не спрашивая, что же они собираются делать с заводами, а лишь ожидая своей доли, — коррупция зашкаливала. И компаньоны никого из них не обидели, поделились награбленным — потому что это были те, кого обижать нельзя...

И вот наступал момент дележа: какой кусок собственности получит каждый из компаньонов? И опять повторился прежний мотив: Федулев мог спокойно делиться с чиновниками и милицейским начальством, считая это выгодным для себя вложением, но не желал делиться с партнером. И вскоре история повторилась,

вызвав стойкий привкус дежавю: Андрей Соснин погиб от случайного выстрела, на свет появилось еще одно уголовное дело № 474802 от 22 ноября 1996 года, главным фигурантом там был опять Федулев... И — ничего.

На то и связи, чтобы они «работали». К моменту убийства Соснина милиционеры из числа товарищей Федулева — и Руденко, и Овчинников — они уже люди небедные в Екатеринбурге и, все видят - тем состоятельнее, чем более удачлив в бизнесе патрон, то есть Федулев. Естественно, дело № 474802 было списано, как и предыдущее, № 772801. И даже не в архив, а просто так — списано, в смысле забыто...

Спиртовые войны

Перечисление заводов и фабрик Урала, которыми завладел Федулев к концу 90-х — вещь, конечно, важная, но не главная. Екатеринбург — это, прежде всего, «Уралмаш». Самая серьезная уральская структура. «Уралмаш» — не завод, известный всему миру под таким же именем, а организованное преступное сообщество (ОПС) с именем завода — крупнейшая в нашем государстве мафия, многотысячный строго иерархизированный отряд со своими представителями во всех ветвях власти. И поэтому одно дело — подкупать чиновников и убивать компаньонов, но совсем другое — договориться с уралмашевскими бандитами. В 1997 году Федулеву удается и это — он объединяет свои усилия с уралмашевцами ради скупки акций Тавдинского гидролизного завода. В таком объединении для Федулева в этот момент есть большой смысл — у него, ведущего роскошный, барский образ жизни, опять не хватает наличных для игры на рынке, деньги есть у уралмашевцев — они имеют «общак». И, самое удивительное, что последние идут с Федулевым на деловой контакт, хотя и знают, что он за «птица».

Необходимо объяснение: почему и у Федулева, и у уралмашевских бандитов столь силен интерес именно к гидролизным предприятиям? И, более того, он настолько силен, что способен объединить бандитов разных флангов, за спинами которых к тому же стоят разные правоохранительные структуры?

Смысл таков: гидролизные заводы производят спирт, из него вырабатывается так называемая водка-«паленка», очень потребляемый в России продукт по демпинговым ценам. Это отличный способ добиться фантастических прибылей с мизерными инвестициями, причем это «налоговые» прибыли, из которых произрастает «нал», реальная денежная масса, не кредитная, не пропущенная через банки, не заметная для налогообложения. «Нал» — лучший десерт для отечественного бизнеса.

Итак, Федулев вместе с уралмашевскими бандитами скупает 97 процентов акций Тавдинского гидролизного завода. Делается это по обычной схеме: и та, и другая кооперирующаяся сторона создает фирмы, туда вкладываются деньги, акции потом делятся, а фирмы либо умирают, либо забирают на себя все производственные процессы, и в какой-то момент выясняется, что гидролизного завода как такового не существует, всеми его основными фондами владеют эти самые фирмочки... Безусловно, это — выхолощивание, выдаивание предприятия. И Федулев, и бандиты — люди одного порядка. Они хотят всего сейчас, им все равно, что будет потом.

Вскоре после сделки Федулев поступает в привычном ему стиле «хозяйствования». При разделе акций он нарушает первоначальные обещания о пропорциональности и даже не вводит уралмашевских представителей в новый совет директоров, оставляя там только людей, которые подконтрольны ему...

Почему? Федулев продолжает рваться в уральские олигархи, в первые среди первых, а значит, на свободу от любых компаньонов, даже очень влиятельных уралмашевских. И это ему, на удивление, удается: уралмашевские бандиты не расстреливают Феделева, чего можно было бы ожидать, а отползают.

Причина «мягкости» уралмашевцев проста: к моменту присвоения Тавдинского завода у Феделева в багаже уже не просто связи с милицией, руководство которой фактически образовало с ним совместный бандитский бизнес. Федулев фактически руководит областной милицией: имея отличные персональные

отношения с губернатором Свердловской области Росселем, он производит кадровые назначения, делает, к примеру, начальником областного управления УБОПа, то есть главным местным борцом с собой, с оргпреступностью, того самого Руденко, который был его подельником... А Николая Овчинникова — начальником екатеринбургской милиции...

Но уралмашевские-то бандиты — из той же породы, и у них — тоже свои связи против связей Федулева... Так наступает день столкновения лоб в лоб, когда бригада уралмашевцев приезжает на Тавдинский завод и просто-напросто захватывает отнятую собственность вооруженным путем. А Федулев отвечает адекватно: по его первому зову на предприятие выдвигается специальный отряд быстрого реагирования УБОПа, и бойцы, состоящие на государственной службе, применяют силу...

Но против кого? Оказывается, против других бойцов той же государственной службы... Так выясняется следующее: на Тавдинском заводе, в борьбе за его спирт и нелегальную водку, столкнулись лоб в лоб даже не столько две местные криминальные группировки — федулевцы и уралмашевцы, но те, кто за их спинами. На стороне Федулева выступили Руденко и Овчинников — с одной частью вооруженных милиционеров. На стороне уралмашевцев в игру вошел начальник всей областной милиции генерал Краев — с подчиненными ему милиционерами. Получилось вооруженное противостояние с целью незаконного передела областной собственности силами тех, кто поставлен на Урале закон охранять. И те, и другие «за спинами» и были те самые, кто давал преступным сообществам возможность присоединять к своим империям все новые и новые владения.

Любопытно, как отреагировала Москва. Министерство внутренних дел. Столичные чиновники представили дело так, что в Екатеринбурге — просто внутренний милицейский конфликт: Краев не поладил с Руденко и Овчинниковым. Краев и Руденко были отстранены от должностей, причем Краева публично обвинили в тесных связях с уралмашевской криминальной бригадой, а Руденко,

напротив, объявили... жертвой непримиримой борьбы с самой серьезной преступной группировкой Урала. Руденко как «жертву» перевели в Москву, и там решением министра внутренних дел Рушайло его сделали... начальником УБОПа Московской области с правом личного подчинения министру внутренних дел!

С тех пор подмосковный областной УБОП, руководимый Руденко, начинает греметь уже в столице. Нет более коррумпированной среды, патронирующей бандитов в столичной зоне, нет более омерзительных головорезов, выполняющих заказы борющихся между собой преступных группировок, чем они.

А в Екатеринбурге тем временем — кадровые перестановки в связи с уходом Руденко. Штат уральского УБОПа выстраивает лично Федулев исходя из своих коммерческих интересов. Фактически сам он назначает тех людей, в чьих руках государственные вооруженные отряды, которые по его требованию поднимутся на защиту его, Федулева, интересов. Вместо Руденко начальником УБОПа становится, например, Юрий Скворцов. Скворцов — не просто правая рука Руденко, но и поверенный во всех делах Федулева на протяжении многих лет. А первым заместителем Скворцова Федулев делает некоего Андрея Таранова. Эта личность известна на Урале тем, что является милицейской «крышей» Олега Флеганова, ведущего в области поставщика винно-водочной продукции. Этот Флеганов — ключ к возможности реализации фальсифицированной водки, поскольку основная ее часть продается именно через флегановскую розничную сеть.

Другим заместителем Скворцова, с подачи Федулева, назначают Владимира Путяйкина. Его задача — чистка милицейских рядов в области. Он начинает выдавливать из милиции всех, кто еще как-то поднимал голос против мафии, и тех, кто категорически отказывался находиться под надзором Федулева.

Господин Путяйкин принимается за дело весьма активно и подобострастно, и чистка происходит следующим образом. Лишь один пример: как-то Скворцов требует от Путяйкина документальной информации на тему: кто из сотрудников действует против Федулева и его людей? Путяйкин, как на грех, буксует — у него

нет подробной документальной информации, и тогда ночью он везет одного из молодых сотрудников УБОПа к себе домой, поит его и настаивает, чтобы тот немедленно оговорил своих товарищей, якобы выступающих против Федулева и тех, кто в милиции с ним. Молодой офицер отказывается быть доносчиком, и тогда Путяйкин вынуждает его застрелиться из табельного оружия... Уверяя, что другого пути у того просто нет, — люди Федулева его все равно уберут...

«Да как же подобное возможно! — воскликнет осатаневший к этому месту читатель. — Что же творится?».

Спокойно, люди. Творится. И очень даже возможно. Именно так при Ельцине зарождались и возрастали в нашей стране устойчивые организованные преступные сообщества, которые определяют жизнь государства сейчас, при Путине. Именно их, мощных, влиятельных, сверхбогатых, имеет в виду нынешний президент, когда говорит, что передел собственности невозможен, все должно остаться на своих местах... Это в Чечне Путин — царь и бог, карает и милует, а этих, мафиозников, он боится трогать. Ведь на кону — такие деньги, которые большинству из нас и не снились. Цена жизни, слова и чести становится абсолютно ничтожной, если прибыль — миллионы долларов.

Беспредельщики

С приходом федулевской мафии российский Урал стал жить даже не «по понятиям» — если пользоваться криминальной лексикой, столь хорошо привившейся на нашей почве, что даже сам президент говорит на этом языке в публичных выступлениях. Свердловская область стала жить по беспределу. Тотальному. Федулевщина и есть олицетворение этого беспредела.

Я спрашивала людей на екатеринбургских улицах: «Кого вы уважаете? Губернатора Росселя? Федулева? Чернецкого?» (Аркадий Чернецкий — мэр Екатеринбурга.). И они мне отвечали: уралмашевских. То есть бандитов старой, дофедулевской формации. И тогда я, ошарашенная: ну как можно уважать

бандитов? — еще раз спрашивала: «Почему?». И люди объясняли просто и понятно: «Потому что они живут по воровскому, но все-таки закону. «Новые» же бандиты не признают даже законов криминального мира».

Вот до чего мы дожили: народ готов отдать сердца одной мафии против другой, только потому, что другая — куда хуже первой.

Но вернемся опять чуть назад — в 97-й год. Федулев, покоровший екатеринбургскую милицию и нелегальный водочный рынок, продолжает играть на фондовом рынке, мошенничая с одной московской фирмой. Фирма эта не простая, а входящая в консорциум известного столичного олигарха, спонсирующего Ельцина и семью президента. Мошеннические игры с ней — это все равно, что самоубийство по тем временам. Дважды от фирмы поступают заявления о мошенничестве в Свердловском областном УБОПе, но там Овчинников блокирует любую информацию, способную помешать Федулеву в его делах, и оперативники отказывают возбудить уголовное дело.

Только после вмешательства Москвы — Генеральной прокуратуры и Следственного комитета — против Федулева возбуждается уголовное дело № 142114. В Москве — не в Екатеринбурге. Федулев уходит в бега, на него объявляют всероссийский розыск. И это уже — 98-й год.

Помните Юрия Альтшуля, бывшего разведчика, ставшего охранником Федулева? Помните, что все, кто его знал, отзывались о нем как о глубоко порядочном человеке? Как о человеке слова, который ничего не боялся?

Создав собственное детективное агентство и охранное предприятие, Альтшуль все равно помогал правоохранительным органам агентурной информацией. Например, по фактам, переданным Альтшулем в прокуратуру и ФСБ, были отправлены за решетку несколько лидеров преступного мира Урала. Но был у Альтшуля свой «пунктик», своя идея фикс — он считал главным делом своей послеармейской жизни борьбу с уралмашевской преступной группировкой. Можно

не принимать эту идею, можно смеяться над ней, но именно это устраивало Альтшуля в Федулееве, и именно поэтому он был рядом с ним — то, что Федулев тоже борется с уралмашевскими.

Так вот, находясь во всероссийском розыске, Федулев именно Альтшуля, зная о его идее фикс, вызывает для разговора. Федулев боится, что, пока он вынужденно отсутствует, уралмашевцы установят свой контроль над двумя другими гидролизными заводами Свердловской области, на которые он также имел виды (Тавдинский завод, естественно, Федулев уже считал упущенной собственностью).

При этом Федулев просит Альтшуля всеми способами отстоять его, Федулева, интересы перед уралмашевцами, и за это Федулев обещает Альтшулю 50 процентов прибыли Лобвинского гидролизного завода.

Альтшуль отвечает: «Да». И уезжает в Лобву, в которой только что и есть, так этот гидролизный завод. На нем он застаёт тяжелейшую картину полного и намеренного развала производства. Так перед Альтшулем возникает вопрос, от которого уже невозможно отвернуться: а зачем, собственно, Федулев скупает столько акций? Зачем ему все эти предприятия?..

Лобвинский завод до Федулева был достаточно крепко стоящим на ногах предприятием. Придя, Федулев облепил, как и везде, куда он влез, завод большим числом собственных же крошечных фирм, те стали переводить на себя продукцию — спирт (официально только эти фирмы занимались реализацией), дальше продавать его или перерабатывать подпольно. Деньги от реализации, естественно, стали возвращаться на завод опять же через счета этих фирм — и не в полном объеме. Месяц за месяцем, процент за процентом, и получилось, что довольно быстро Федулев высосал предприятие до донышка...

Какую же картину застал Альтшуль на Лобвинском заводе? К моменту его приезда рабочие не получали зарплату уже семь месяцев, все деньги крутились в присосавшихся федулевских фирмах, заводская казна была пуста и абсолютно

выхолощена, нечем было платить налоги, за электричество и газ — оставался шаг до банкротства. При этом Лобвинский завод — градообразующее предприятие, все население Лобвы так или иначе связано с ним. Не будет завода — город умрет.

Именно тогда Альтшуль решает действовать от себя — не от Федулева. Он дает рабочим слово офицера, что наведет порядок, и как первый шаг обещание: двух человек коллектив больше на заводе не увидит — Альтшуль их больше не пустит на порог. Эти двое — Сергей Чупахин и Сергей Лешуков. Федулевские ставленники на заводе, «палачи» — специалисты как раз по доведению предприятий до банкротства.

Кроме того, Чупахин и Лешуков — в недавнем прошлом милиционеры. А кто еще? Бывшие офицеры и сотрудники отдела по борьбе с экономическими преступлениями областного управления внутренних дел. И еще: личные друзья Василия Руденко и Николая Овчинникова. Люди, которые ушли из милиции, чтобы блюсти финансовые интересы милиции в федулевском бизнесе.

Проходит какое-то время, и Федулев все-таки оказывается арестован — естественно, в Москве. И, находясь в следственном изоляторе, он все равно делает все, чтобы влиять на ход событий в Екатеринбурге. Подконтрольные ему сотрудники милиции (Руденко ведь уже в Москве) устраивают все таким образом, что прямо в тюрьму к нему опять приезжает Альтшуль — по требованию Федулева. На этой встрече Федулев настаивает, чтобы Альтшуль вернул руководство заводом Чупахину и Лешукову, а сам бы немедленно устранился. Этого требует от Федулева и Руденко, не желая терять долю в бизнесе.

Но Альтшуль говорит: «Нет». И улетает в Екатеринбург. Вслед за ним на Урал отправляется Руденко: деньги под угрозой! Альтшуля просят приехать в офис УБОПа — для разговора, и там уже Руденко настаивает, чтобы Альтшуль отказался от Лобвинского завода.

Но Альтшуль категоричен и снова звучит: «Нет». Через пару дней, 30 марта 1999 года, бывший военный разведчик был расстрелян в собственном автомобиле. И опять — все, как по нотам. Естественно, возбуждается уголовное дело. Ему присваивают № 528006. И опять фигурантом — Федулев. И это уже третье по счету «его» уголовное дело по заказным убийствам...

И что? Ничего. И № 528006 уходит под сукно, вслед за остальными...

Расчет Федулева был по-бандитски прост: нет Альтшуля — значит, путь на завод открыт. Но у Альтшуля в Лобве остался друг и заместитель Василий Леон — тоже бывший разведчик и спецназовец. На все требования федулевцев убраться Леон отвечает категорическим отказом. Но не убивать же и этого?..

Тандем Руденко-Чупахин-Лешуков предлагают Леону компромисс: то есть дележку. Пусть он, Леон, останется директором, но для контроля за оптовыми продажами заводского спирта (контроля над сутью) вернутся Чупахин с Лешуковым. Леона, собственно, не просят согласиться — его терроризируют. Мафия идет ва-банк: его открыто вызывает к себе сам Скворцов, нынешний, федулевский, начальник УБОПа — и уламывает согласиться. Постоянно звонит из Москвы Руденко, а Руденко там, в столице, еще повысили — перевели в МВД, в Министерство внутренних дел, в Управление уголовного розыска.

Третья персона, которая давит на Леона, — некий Леонид Фесько. Он — друг Руденко, тоже милиционер большого ранга, возглавляет оперативно-поисковое управление свердловской областной милиции (правда, вскоре он также уедет в Москву вслед за Руденко, уйдет там в отставку и станет руководить так называемым «Фондом защиты и помощи сотрудникам УБОПа по Свердловской области»). В федулевской мафии именно Фесько — бухгалтер. Дело в том, что этот «Фонд» — типичная структура для легальной перекачки нелегальных денег, взяток и вознаграждений. Официально вроде бы все чисто, спонсорство на нужды милиции. А на самом деле — просто вторая зарплата для милицейских членов федулевской мафии.

Справедливости ради стоит сказать, что эти «фонды защиты и помощи» придуманы не Федулевым, а другими, но подобными ему господами в середине 90-х. «Фонды» существуют и сейчас в нашей стране в большом количестве — каждая область имеет по несколько подобных структур, фактически качающих взятки в правоохранительные органы. Взятки, к которым не придерешься.

Кстати, позже именно Фесько станет как бы заместителем Федулева по охране и режиму на предприятиях, которые контролирует федулевская мафия. Это Фесько при первой необходимости — при обострившихся трениях с конкурентами — будет организовывать выезды милицейских отрядов специального назначения для подавления сопротивления. И именно Фесько будет руководить захватом «Уралхиммаша» в сентябре 2000-го...

Но пока, в 99-м, Василий Леон отказывает им всем — всей мафии. И тогда, в декабре 99-го, человек из ближайшего окружения начальника УБОПа Скворцова — оперуполномоченный УБОПа Евгений Антонов — расстреливает первого помощника Леона, того самого человека, который занимался оптовыми продажами спирта на Лобвинском заводе, на чью должность и претендовали Чупахин и Лешуков.

Существуют официальные письменные показания Леона о том, что предшествовало расстрелу его товарища, сделанные Леоном в Свердловском областном управлении ФСБ по свежим следам убийства. Они не могут не потрясти:

«В середине января (2000 года. — Прим. авт.) у меня состоялась беседа с начальником отдела УБОПа Сергеем Васильевым. Он в резкой форме высказал мне претензии, что, находясь на Лобвинском заводе, я лишил УБОП финансов. Кроме того, он сказал: «Ты украл «общак» ФСБ, УБОПа и других силовиков области». Васильев в категорической форме высказал мне предложение работать с ними. Я спросил, в чем заключается эта работа? Васильев ответил: «Ты должен приносить сюда деньги!».

Каждая строчка этих показаний — буквально крик об уголовном деле, которое должно быть хотя бы возбуждено, и начато расследование! Но все опять падает в трясины полнейшего нежелания правоохранительных структур обращать внимание на то, что творится в Екатеринбурге. Как и аналогичные обращения Леона в Генеральную прокуратуру, МВД, лично президенту Путину. Нет ни малейшей реакции. К творящемуся беспределу — полнейшее равнодушие. Зато к судьбе Федулева — заинтересованное внимание.

В январе 2000 года по личному распоряжению заместителя генерального прокурора России Василия Колмогорова Федулев был освобожден из тюрьмы — просто так освобожден. Его не оправдал суд, его никто не помиловал. Просто посидел — и вышел.

По возвращении в Екатеринбург уральские власти приняли его, будто победителя. Губернатор Россель осыпал ласками. Федулева, от имени Росселя, объявили «лучшим предпринимателем года Урала». И можно смело сказать, что после тюрьмы и истории с расстрелом Альтшуля, принуждением Леона и физическим уничтожением их товарищей Федулев как раз-то окончательно и перестает быть бандитом и возведен в сан «ведущего промышленника Екатеринбурга». Отныне только в таком контексте о нем пишут СМИ Урала. Проходит еще немного времени, и Федулев становится депутатом областного Законодательного собрания, получает депутатскую неприкосновенность — арестовать его теперь будет еще сложнее.

Итак, что же мы имеем, если отвлечься от деталей? Федулев — уральский олигарх. Депутат. Крупнейший собственник. Но главное — он создатель СЕМЬИ. В широко известном переводе на итальянский это МАФИЯ. На языке отечественного уголовного кодекса, мафия — ОПС, организованное преступное сообщество. К осени 2000 года, моменту захвата «Уралхиммаша», с чего и начинался этот рассказ, в федулевской СЕМЬЕ все сложено так, как того требует статус МАФИИ. Направо пойдешь — годами прикормленные правоохранительные органы. Налево — «свои» судьи. Посередке — «свое» чиновничество любого

ранга, вплоть до высшего. Одна лишь заминка: ПАПА в тюрьме побывал, и пока он там находился, от него стали уплывать его заводы и комбинаты, и СЕМЬЯ запаниковала: «Где деньги?» — вот после чего Федулев вышел из тюрьмы...

Новый передел

Естественно, регалии и звания Федулева — всего лишь надводная часть этого мафиозного айсберга. Однако выход Федулева из тюрьмы — действительно, поворотный и показательный момент современной истории российского Урала. Даже пока Федулев еще не появился в Екатеринбурге, а стало только известно о его освобождении, еще не было его многочисленных объятий с Росселем, знающие люди поняли: все не просто так, неминуем новый передел уральской собственности, и Федулев будет использован в этом деле как таран. Федулева выпустили из тюрьмы не просто так, а ради главного: да, чтобы он вернул себе свое, но также и тем, кто при нем (а может, и при ком он сам?), они должны вновь получать свое денежное довольствие, свою мзду с федулевского бизнеса, который они помогали ему выстраивать с большим риском, кровью и предательством.

И Федулев надежды оправдал. Первое, чем он занялся на свободе, стало возвращение Лобвинского гидролизного завода. Потому что это — снова повторю — спирт! Большие, живые и быстрые деньги.

Вот как это было. И опять цитата из показаний Василия Леона, исполнительного директора Лобвинского завода, которые он дал в областном управлении ФСБ:

«Федулев пояснил мне, что раньше вопросы решались юридическим путем: приватизация, скупка акций... Теперь же все решается силовыми методами».

Эти показания Леона датированы февралем 2000 года. Леон сам тогда пришел в ФСБ с просьбой о помощи в противостоянии с мафией. Он просил о защите СИЛОЙ ЗАКОНА от шантажа организованного преступного сообщества. Во-

первых, от шантажа сотрудников областного УБОПа, донимающих Леона уйти с Лобвинского завода в пользу Федулева. Во-вторых, от шантажа собственно господина Федулева. Выйдя из тюрьмы, он не просто потребовал от Леона ухода, но и 300 тысяч долларов в придачу.

Все просьбы Леона оказались без ответа — государство открестилось от закона и отдало завод на растерзание мафии. И «силовые методы», на которые намекал Федулев в разговоре с Леоном, ждать себя не заставили.

14 февраля 2000 года Федулев собирает комитет кредиторов Лобвинского завода. Собирает просто так — от себя лично. Естественно, не имея на то никакого юридического права. Его цель — силой напора сменить руководство завода на «свое», подконтрольное.

Любопытно, как это происходит: из пяти основных кредиторов Федулеву удастся подчинить себе только двоих, и тогда от имени третьей фирмы-кредитора, необходимой для кворума, просто является на свет поддельная доверенность. И «комитет» принимает нужное Федулеву решение: провести собрание кредиторов не в Лобве, на заводе, а в Екатеринбурге, прямо в офисе Федулева на улице Малышева, 36. Никто и не скрывает, зачем именно там: а если вдруг объявится кто-то из настоящих кредиторов и их надо будет остановить?.. В полностью оцепленном офисе это сделать будет просто. В Лобве — труднее. Так зачем себе придумывать дополнительные сложности?.. Да и слишком большие деньги в игре, чтобы допустить осечку.

Поближе к собранию из Москвы прилетает сам Руденко. До собрания Федулев и Руденко должны решить главную задачу: как быть с Леоном, неподдающимся директором? И они решают ее...

За сутки до собрания, 17 февраля, Федулев направляет в УБОП парочку своих сотрудников — Пильщикова и Наймушина. Эти господа в УБОПе хорошо известны: уже много лет они проходят там в вялотекущем уголовном деле как

возможные исполнители заказного убийства одного из федулевских компаньонов. На сей раз, 17-го, Пильщиков и Наймушин пишут в УБОП донос: якобы Леон вымогал у них 10 тысяч долларов. И ЗА ОДИН ЧАС — скорость, невероятная для российской правоохранительной системы, — против Леона возбуждают уголовное дело. Естественно, без всякого предварительного расследования, аудиозаписей, проверок. Только на основании доноса... В это же самое время по улицам Лобвы курсирует милицейская машина и раскидывает там листовки (!): директор Леон — в розыске и бегах, он больше не может считаться директором...

18 февраля — день собрания кредиторов в офисе Федулева. Как и положено, все начинается с регистрации. Вход, коридоры и кабинеты — под контролем вооруженных автоматчиков в милицейской форме, это люди из УБОПа. Кажется, все предусмотрено и ничто не может изменить игру, затеянную Федулевым.

Однако тут-то и случается то непредвиденное, ради чего и переносили собрание в Екатеринбург. Председатель заводского профсоюзного комитета Галина Иванова, имеющая право присутствовать на собрании кредиторов от имени трудового коллектива — женщина, на которую, конечно же, никто не обращал никакого внимания, — достает из сумочки доверенность. Это самая «дорогая» доверенность, от основного кредитора. Об этом позаботился Леон, объявленный в розыск. И цена доверенности — 34 процента голосов. И, значит, как Иванова проголосует — так и будет...

Федулев отдает приказ, и Иванову увозят в УБОП — арестовывают! — Прямо с собрания, не дожидаясь голосования. Кто? Сотрудники УБОПа, находящиеся в зале, — не в форме, а просто так, растворенные среди людей. Они держат Иванову в УБОПе ровно три часа двадцать минут — до звонка Федулева о том, что регистрация закончена...

Дальше была ночь после собрания. Вот как описывает ее Александр Науджюс, заместитель Василия Леона (это также официальные показания Науджюса в областную ФСБ): *«На завод я приехал около 22.30. Около 1.30 ушел спать. В 4.30*

меня разбудили... Дверь в заводоуправление была уже выломана, решетки на окнах тоже. Вокруг было много вооруженных людей и около 30 легковых машин и автобус. Нас пропустили в заводоуправление, где с поднятыми руками стояла заводская охрана, — их охраняли люди с автоматами и в милицейской форме. За столом сидел старший лейтенант УБОПа Олешкевич. Я вошел в кабинет коммерческого директора, там сидел Федулев. Я спросил: «На каком основании произошел захват?». Мне предоставили протокол собрания кредиторов и контракт с новым директором. Контракт был поддельный».

Таким образом совместная операция Федулева и областного УБОПа по незаконному захвату Лобвинского гидролизного завода завершилась успешно. Налицо были вопиющие нарушения закона и превышение полномочий государственными служащими. Иными словами, борьба с оргпреступностью, что и является главной работой УБОПов, путем репродукции оргпреступности собственными, УБОПа, силами.

Кто за это понес наказание? Если смотреть на все с высоты 2003 года, третьего года «диктатуры закона», провозглашенной Путиным? Никто. До сих пор.

«Прошу оградить меня от дальнейших провокаций работников УБОПа», — написал тогда Василий Леон в ФСБ... Написал — и все. Истратил пять листов бумаги — и ничего больше. С 18 февраля он — директор без завода. Каждый день после 18 февраля стал приносить федулевцам тысячи долларов наличными. Лобва — это спирт, спирт — это водка-«паленка», водка-«паленка» — это Федулев и компания... Передел спиртового рынка Урала, связанный с выходом Федулева из тюрьмы, состоялся. Что и требовалось...

Сегодня Лобвинский завод влачит жалкое существование — Федулев выгреб его до доньшка и отошел в сторону. Что и следовало ожидать... Но это — сегодня, а в 2000 году, завоевав Лобву и поднакопив за последующие месяцы наличную денежную массу, через семь месяцев после лобвинского захвата Федулев, никем не

остановленный, двинулся на металлургический рынок. Первым на его пути был лакомый кусочек по имени Качканар.

Качканар

Качканарский горно-обогатительный комбинат (ГОК) — мировая знаменитость и российское национальное достояние. Единственный в мире, добывающий железо-ванадиевую руду. Без продукции ГОКа нет доменной плавки. В нашей стране, по крайней мере, нет ни одного рельса для железной дороги.

В середине 90-х годов, как и многие другие экономико-образующие предприятия России, Качканарский ГОК был подвергнут серии приватизационных мероприятий, в результате которых совершенно обнищал. Особенно тяжелым стало положение в 1997-1998 годах. К этому моменту председателем совета директоров на ГОКе стал Федулев, и действовал он тут так же, как и везде, где получал власть: выхолащивал предприятие, облепляя его своими же мелкими реализационными фирмочками, через которые продукция уходила, а деньги обратно на комбинат не возвращались. К концу 98-го Федулев довел Качканар до банкротства. И только арест «лучшего предпринимателя Урала» стал началом возрождения ГОКа — смогли активизироваться другие акционеры. Они наняли команду знающих менеджеров во главе с Джалолом Хайдаровым, за теми пришли крупные инвесторы.

В 1999 году комбинат преобразился — объем производства вырос до проектной мощности, стоимость чистых активов пошла вверх, рабочим стали платить зарплату (а тут та же ситуация, что и в Лобве: ГОК — градообразующее предприятие, где работают 10 тысяч человек, почти все трудоспособное население города).

Результат послефедулевского оздоровления был налицо — акции комбината вновь стали интересными на фондовом рынке.

А теперь — политическое отступление. При свердловском губернаторе Росселе, как почти при каждом российском губернаторе, всегда имеется такой же человек, каким был при Ельцине Путин. Преемник — очень верный и неглупый, коронованный в преемники в силу сложившихся обстоятельств, когда кто-то верный и неглупый должен быть гарантом сохранения финансовой стабильности и личной безопасности первого лица в случае, когда тот покинет политическую арену.

Такая личность при Росселе — Андрей Козицын, уральский «медный король», управляющий медеплавильными заводами Свердловской области. По мере движения к очередным губернаторским выборам Екатеринбург стал свидетелем экспансии «медного» Козицына еще и в металлургическую отрасль — под покровительством Росселя, естественно.

Но при чем тут сравнение с Ельциным-Путиным и Путиным-гарантом ельцинской финансовой стабильности? Дело в том, что Россель — тоже не вечный губернатор, и, так как дело движется к переизбранию, Россель стал предпринимать шаги в сторону сосредоточения в одних руках — в данном случае в руках Козицына — всех самых лакомых кусочков уральской промышленности. А в руках Козицына — значит, и в руках Росселя.

Как вы помните, одним из первых, после выхода из московской тюрьмы, екатеринбургских визитов Федулева был к губернатору Росселю. О чем шла речь, точно неизвестно, однако сразу после аудиенции Федулев переписал в доверительное управление Козицыну все свои акции по двум комбинатам — Качканарскому и Нижнетагильскому металлургическому. По всей видимости, это была чистой воды сделка Федулева с губернатором. Федулев выкупил себе право делать в области все, что ему надо, а Козицын вошел на Качканар.

Надо сказать, что у Федулева на тот момент было только 19 процентов акций ГОКа, да и те — с подмоченной репутацией, о чем будет рассказано ниже. И значит, переданный Козицыну пакет — не контрольный, и своего,

подконтрольного, руководителя так просто не поставишь... Да и менеджеры во главе с Хайдаровым воспротивились новой федулевско-kozyцинской экспансии, а за их спинами — владельцы 70 процентов акций комбината...

Что было делать? Насильник потому так и назван, что берет жертву силой. 28 января 2000 года происходит вооруженный захват Качканарского ГОКа. Со стрельбой, подложными документами и при активном участии правоохранительных органов — по тому же сценарию, что и на Лобвинском гидролизном заводе. И при таком же активном внешнем безучастии губернатора Росселя — и это тоже, как в Лобве.

На рассвете 29 января комбинату был явлен новый директор — Козицын. А по свободным кабинетам заводоуправления туда-сюда, по-хозяйски, прохаживался Федулев... Дежавю.

Понятно, однако, что власть силой — это ненадолго, всего лишь до первого собрания акционеров. И Козицын, и Федулев это отлично понимали: тут не лобвинская ситуация с кредиторами — качканарские акционеры просто выкинут захватчиков.

Вывод последовал такой: во-первых, не допустить собрания. А во-вторых, обанкротить ГОК опять, потому что это единственный шанс лишить акционеров властных полномочий. (Таково наше законодательство: если предприятие объявляют несостоятельным, то акционеры превращаются в безгласных собственников).

Федулев и Козицын не допускают собрания методом, опробованным нашим государством в Чечне, — он состоит в том, что город просто закрывают для въезда и выезда. И все... Акционеры едут на комбинат, вместе с ними — смещенные менеджеры... А их останавливают на выставленных по городскому периметру милицейских блокпостах. Как такое возможно? Да очень просто. Качканарский мэром господин Сухомлин, по настоянию Федулева и Козицына, срочно пишет

постановление № 14 о запрете въезда в город Качканар «иногородним гражданам», а все акционеры и менеджеры ГОКа — иногородние для Качканара. Тем же постановлением мэр Сухомлин запрещает и «скопления иногородних граждан» — это на тот случай, если враги Федулева и Козицына все же просочатся в город и надо будет их арестовать, если они попытаются организовать собрание, а собрание будет ничем иным, как «скоплением иногородних граждан».

Абсурд, конечно. Какая-то сатира на жизнь... Однако это и была жизнь. Собрание акционеров не состоялось, и компаньоны-бандиты приступили ко второму пункту плана: к искусственному обанкрочиванию Качканарского ГОКа.

Но как это возможно? Если предприятие успешно работало?

Пожалуйста, далее — механизм. В банке «Московский деловой мир» Козицын берет кредит в 15 миллионов долларов — под имущество ГОКа. Ему дают, потому что кто же не хочет получить Качканарский ГОК?.. Дальше, под этот кредит, Козицын выпускает на рынок векселя комбината. При этом деньги инвестирует не в ГОК, а в другое свое предприятие — «Святогор», расположенное также в Свердловской области, — якобы для создания совместного предприятия. Следующий шаг: качканарские векселя Козицын как бы выдает «Святогору»...

Почему тут везде эти «якобы» и «как бы»? А потому, что в итоге выясняется, что ничего этого не было, все действия — виртуальны, а векселя ГОКа оказываются сконцентрированы в руках у одной крошечной фирмы — естественно, подставной. Фирма была зарегистрирована по адресу скромной екатеринбургской квартирки на паспорт женщины, которую, как потом ни старались, а найти не смогли. И вот эта виртуальная женщина вмиг превратилась в основного кредитора влиятельнейшего в мире ванадиевого производителя-монополиста. Как? Фирма-однодневка покупала векселя ГОКа за 40 процентов их номинала — и тут же предъявляла их комбинату к 100-процентной оплате. А потом объявила о банкротстве ГОКа, не сумевшего выкупить собственные векселя по 100-процентному номиналу. Таким путем у подставной неизвестной женщины оказалось

90 процентов голосов на собрании кредиторов... Мошенничество, разыгранное открыто и явно, под присмотром областного правительства и губернатора.

ОТКРЫТО появился подставной кредитор...

ОТКРЫТО выпустили не обеспеченные имуществом векселя...

ОТКРЫТО векселя были проданы за 40 процентов цены...

ОТКРЫТО на следующее утро после покупки предъявлены к 100-процентной оплате...

ОТКРЫТО создана искусственная задолженность...

ОТКРЫТО всего за пару дней комбинат приведен к банкротству...

ОТКРЫТО свершилось воровство — с благословения властей и правоохранительных органов настоящие владельцы ГОКа, вложившие в него миллионы долларов, оказались без всяких прав на собственность и возвращение своих инвестиций...

И все это время на Качканаре нес круглосуточную вахту во избежание досадных случайностей — вроде какой-нибудь новой «Галины Ивановой, председателя профкома» — областной УБОП. Все тот же, что и в Лобве, в дни захвата тамошнего завода...

Когда вора никто не останавливает, он наглеет. Как после Лобвы последовал Качканар, так после Качканара был «Уралхиммаш» — в сентябре 2000 года там случился вооруженный захват — по той же вышеописанной схеме. А в последующие месяцы — в течение 2001 года тихое удушение акционеров «Уралхиммаша» путем искусственного банкротства при полном попустительстве

(пособничестве) властей. Так называемая «управляемая демократия», которую провозгласил Путин, на марше.

Или — дикий капитализм под руководством мафиозных группировок, на службе у которых оказались правоохранные органы, коррумпированное чиновничество и... судебная власть.

Уральский суд — самый продажный суд в мире

Помните, на «Уралхиммаше», в ночь после его захвата, и Федулев, и сторона смещаемого директора — все размахивали друг перед другом набором противоречащих судебных решений?

Так и было. Они демонстрировали друг другу не фальшивки. Как только начинаешь копаться в документах по «Уралхиммашу», Качканарскому ГОКу и Лобвинскому заводу, довольно быстро понимаешь, что все эти вооруженные погромы были санкционированы судами Свердловской области. На стороне одних всегда оказывались одни судьи, на стороне других — другие... Будто и нет законов, Конституции... По сути, одновременно с борьбой мафиозных группировок Урала за сферы влияния шла и междоусобная судебная война. И суд использовали — да и продолжают использовать — как ШТАМПОВОЧНЫЙ ИНСТРУМЕНТ кому-то выгодных решений.

Из письма председателю Верховного суда России Вячеславу Лебедеву от заслуженного юриста России, бывшего председателя Октябрьского районного суда Екатеринбурга И. Кадникова и бывшего председателя Ленинского районного суда Екатеринбурга В. Никитина:

«Именно он, Овчарук (Иван Овчарук — председатель Свердловского областного суда еще с советских времен и до сих пор. — Прим. авт.), на протяжении ряда лет принимает непосредственное участие в формировании и воспитании судейского корпуса Урала, производит личный отбор и контроль в

подборе новых кадров судей по каждой кандидатуре. Без его личного согласия не будет назначен на должность судьи ни один кандидат, не будут продлены полномочия ни одного из нас. Все негодные лично ему судьи постепенно выживаются и подвергаются гонениям, их вынуждают к уходу с работы, а в состав судейского корпуса подбираются люди, часто не имеющие ни квалификации, ни опыта работы, но в чем-то уязвимые и поэтому управляемые. В настоящее время огромное число высококвалифицированных судей, проработавших много лет и имеющих огромный опыт, обладающих такими важными качествами, как принципиальность, независимость и твердость в принятии решений, неподкупность и смелость, — они были вынуждены уйти с судебной работы. По одной причине: если ты неподкупен, невозможно нормально работать под руководством Овчарука».

Рассмотрим две основные позиции: а кто, собственно, «хороший», по Овчаруку? Каков портрет «хорошего»? И кто — «плохой»?

Лучший по профессии

Анатолий Кризский, председатель Верх-Исетского районного суда Екатеринбурга, — не просто «хороший», он — «лучший по профессии». Долгое время именно он, Кризский, был верным стражем интересов Ивана Овчарука. Что это значит — «быть верным стражем»?

Верх-Исетский суд — самый непростой суд в городе. Именно на его территории располагается екатеринбургская тюрьма. Это значит, что, согласно законодательству, именно в Верх-Исетском суде рассматриваются все дела, связанные с изменением меры пресечения тем, кто в тюрьму посажен. И все в Екатеринбурге знают: главное в вопросе судебного изменения меры пресечения — не состав преступления, не то, что человек совершил, и в зависимости от этого, опасен социальнo он или нет, — а только деньги. Меньше других обычно сидит в тюрьме бандит из мощной преступной группировки — товарищи попросту его выкупают.

Отсюда и рост благосостояния в отдельном районном суде. Как известно, районные суды в России бедные как церковные мыши, у них хронически не хватает средств даже на бумагу, и истцам требуется приходить со своей, а судейские зарплаты и вовсе таковы, что этого хватает едва-едва свести концы с концами. Совсем не та картина в Верх-Исетском суде. Его здание сплошь облеплено джипами, «Мерседесами», «Фордами» стоимостью в несколько тысяч долларов. И по утрам из этих автомобилей вылезают хозяева — скромные районные судьи с зарплатой в несколько тысяч российских рублей... Лучшая машина — всегда у Анатолия Кризского.

Особо доверительные отношения сложились у Кризского с Павлом Федулевым. На протяжении многих лет именно Кризский лично рассматривал дела, где каким-то образом фигурировал Федулев, — так сказать, домашний судья. Или судья по вызову, по заказу. И никогда Кризский не позволял себе проволочек и волокиты — всегда рассматривал дела, в которых заинтересован Федулев, по так называемой ускоренной схеме. Не утруждая себя ничем — ни вызовом в зал заседаний свидетелей, ни соответствием принятых решений законам. Если просил Федулев Кризского признать какие-либо акции своими, Кризский не обременял себя необходимыми в таких случаях требованиями доказательств или, например, того, что ценные бумаги принадлежат именно истцу Федулеву... Кризский просто проштамповывал: эти акции — Федулева... Как того желал Федулев. И Федулев с подобными решениями в руках и появлялся на том же «Уралхиммаше» после вооруженного погрома...

Любопытно, что суд по заказу иногда вершился Кризским, так сказать, прямо на дому клиента... Кризский писал решения по федулевским искам не в зале суда, как единственно и требует закон, а прямо в федулевском офисе. Бывало, что делал это даже не сам Кризский, а собственноручно федулевский адвокат, он же Кризский лишь ставил подпись...

Когда летом 1998 года у Федулева начались проблемы с прокуратурой по одному из дел о мошенничестве с московской фирмой, именно Кризский вместе с

Федулевским адвокатом полетел в Москву к тогдашнему генеральному прокурору Юрию Скуратову — хлопотать о прекращении уголовного дела против своего подопечного. Скуратов и вправду был с молодости в дружеских отношениях с Кризским, принял председателя Верх-Исетского районного суда, и как уж там что получилось, но в тот раз дело было закрыто, а по возвращении жена Федулева передала Кризскому веселый цветной целлофановый пакет с 20 тысячами долларов в рублевом эквиваленте... Она и не скрывала, что это в благодарность за хлопоты... А Кризский, в свою очередь, не скрывал, что рад: через несколько дней он купил себе автомобиль «Форд-эксплорер».

Возможно, кому-то на Западе это покажется нормальным явлением: председатель суда не может быть нищим, и, значит, «Форд» — не из ряда вон выходящая вещь в его быту. В России покупка председателем районного суда подобного автомобиля может означать лишь две вещи: или председатель получил большое (по нашим меркам) наследство, или он берет взятки. Третьего для председателя суда просто не дано... Потому что «Форд-эксплорер» в России — это уровень бизнесмена, а бизнесом у нас председатель суда заниматься права не имеет по закону. При этом цена «Форда-эксплорера» равняется жалованью судьи за двадцать лет работы.

Но на этом чудеса вокруг Кризского не закончились. Пройдет всего лишь месяц после истории с «Фордом-эксплорером», как у Федулева опять возникнут проблемы с прокуратурой, и тогда машина отбеливания закрутится по новому кругу, и Кризский снова слетает к Скуратову — на сей раз не в Москву, а на черноморский курорт Сочи, где как раз отдыхал генеральный прокурор, — и тучи над Федулевым в который раз рассеются, а Кризский поменяет свой и без того шокировавший Екатеринбург «Форд-эксплорер» на «Мерседес-600», автомобиль-символ «новых русских», уж совсем никак не совместимый с судейским образом жизни.

А знаменитые на весь Екатеринбург дни рождения Кризского! Наглое барство било через край, будто зажавшийся купец праздновал именины. В эти дни в суде

отменялся прием граждан — по приказу председателя двери закрывали на ключ, Кризский арендовал ресторан в центре города, купюры летели направо и налево, водка текла рекой, весь чиновничий Екатеринбург гулял на всю катушку. На глазах у удивленной и почти полностью нищей екатеринбургской публики... И наплевать было пьющим и пляшущим, что судья не имеет права вести себя таким образом. Не только по неписанным нравственным правилам, но и по писанным законам. Например, федеральный закон «О статусе судей в Российской Федерации» категорически требует особенного, аскетического образа жизни от судьи, вне службы (не говоря уж — на службе) он обязан избегать любых личных связей, которые могут причинить ущерб его репутации, и проявлять максимальную осторожность и осмотрительность в поступках, дабы постоянно поддерживать авторитет судебной власти, ему доверенной, на высочайшем моральном уровне.

Так вот, именно Кризский со всем своим федулевским и прочим мафиозным багажом — любимчик у Ивана Овчарука, председателя областного суда. На всех совещаниях Овчарук подчеркивал: Кризский — один из лучших судей Урала.

Почему? Безусловно, законный вопрос. Что за этим? Или же Овчарук — на зарплате у мафии? Или он просто ослеп, не может отличить черного от белого?

Ни то. И ни другое. Дело в следующем: почти все мы, ныне живущие в России, — родом из советской страны, в той или иной степени носители советского образа жизни. У Овчарука — старая, советская выучка и закалка. Его диагноз: типичный советский руководитель от юриспруденции, «из бывших», как теперь у нас говорят. Это значит, что всей своей предыдущей деятельностью он не приучен спорить с начальством ни при каких обстоятельствах — он привык только исполнять приказ начальства, а также угадывать его настроение — в какую сторону движется начальственная бровь. Это не преувеличение, не журналистская штучка. Это пример советского рабства, как оно было, а Овчарук — наследие такого нашего прошлого, в котором его карьера только потому складывалась удачно, что он никогда в жизни не воевал против мнения вышестоящего руководства, каким бы незаконным или глупым оно ни было.

Когда наступили новые времена и пришла демократия с капитализмом, был момент, как рассказывают очевидцы, когда Овчарук запаниковал: кому теперь служить, когда привычная иерархия разрушилась, а не служить невозможно?..

Однако замешательство было недолгим. Особый советский нюх — кому выгоднее всего подчиняться. Кто сильный мира сего? — быстро выдал оптимальное решение. Овчарук выбрал двух новых «царей». Во-первых, это деньги (мир зарождающегося бизнеса, круг накопителей первоначального капитала). И, во-вторых, административная чиновничья прослойка, с которой как только не боролись в России, но она осталась традиционно монолитна и крепка, как гранитная скала (для Овчарука - это губернатор Россель). Ну а раз два этих «царя» слились в Екатеринбурге в нежной дружбе и получилась новая мафия рядом со старой, уралмашевской, то у Овчарука не было терзаний, кого обслуживать, — он стал исполнителем желаний и Росселя, и Федулева. Так как Овчарук отлично видел, что Федулев и Россель — большие товарищи, и, пока это так, значит, надо исполнять все прихоти Федулева, а раз Кризский — человек Федулева, значит, надо поддерживать Кризского и не «замечать» его «маленьких слабостей»...

Лишь в конце 2001 года удалось освободить Екатеринбург от Кризского в ранге председателя Верх-Исетского районного суда. Но как это было!.. И к чему привело...

Да, областному управлению ФСБ долгие годы было известно то, что Кризский обслуживает криминальную деятельность Федулева на Урале, но ухватить его с поличным оперативники не могли. Наконец, за Кризским (кстати, вопреки закону) было установлено тайное круглосуточное наблюдение — так называемая наружка, и председатель Верх-Исетского суда был уличен... в педофилии. Доказательства ФСБ выложила и самому Кризскому, и его покровителю Овчаруку, и Росселю.

Результат? Кризский ушел в ПОЧЕТНУЮ ОТСТАВКУ. Никакого публичного позора. Никакого лишения судебных полномочий. Никаких унижений. Никаких увольнений с «белобилетной», грязной формулировкой: «За совершение

поступков, порочащих честь и достоинство судебной власти». Кризский был переведен на другую работу и стал юридическим советником екатеринбургского мэра. И все. Быть может, кто-то и хотел наказать порок — а получился все равно на круг уважаемый старец-юрист.

Далее — о «недостойных». О тех, кто не мог работать рядом с Овчаруком и Кризским. О тех, кто не желал видеть и участвовать в том, как независимый суд превращается в полностью зависимый от криминала. О судьях, пытавшихся оставаться судьями, — на земле, занятой мафией. И уволенных за несговорчивость именно с той самой формулировкой, с которой не уволили Кризского: «За совершение поступков, порочащих честь и достоинство».

Плохие

Таких судей в последние годы в Екатеринбурге — большинство. Десятки — тех, кто не пожелал обслуживать новые складывающиеся мафии, и поэтому был изгнан корпорацией, облит грязью вслед и растоптан.

Ольга Васильева проработала судьей 11 лет. Это — приличный срок. Ольга — человек внешне спокойный, уравновешенный и несуетливый. Она — именно та судья, которая категорически, по принципиальным соображениям, отказалась штамповать нужные Федулеву в его игре судебные постановления и решения. Она просто сказала: «Нет». Васильева при этом работала в том же Верх-Исетском районном суде, под непосредственным руководством Кризского, испытывала огромное давление, иногда это были угрозы жизни ей и семье — но она выстояла и ни разу не подчинилась. И не только Федулеву, но и так называемым простым постановлениям — это когда Кризский требовал выпустить кого-то из своих протеже-бандитов из тюрьмы (то есть судебным путем изменить меру пресечения).

Последней каплей — разрывом — стало то обстоятельство, что Васильева приняла к производству иск (по требованию Кризского она должна была его немедленно отклонить, даже не создавая прецедента), где ответчиком выступал

лично председатель областного суда Иван Овчарук. Истцами, подавшими жалобу, выступили жители Екатеринбурга, в отношении которых Овчарук допустил судебную волокиту и намерено долго не рассматривал их прошение в областной суд, поскольку оно было направлено против интересов начальства из аппарата губернатора Росселя.

Для Екатеринбурга — города под пятой мафии, где все знают, что вольности в подобных вещах, как правило, заканчиваются не ссорой, а расстрелами, — принятие подобного иска означало почти что революцию, нечто невероятное. Другие районные суды, во избежание большой беды на свою голову, подобные иски даже не регистрируют, отклоняют (хотя по закону и не имеют на это права) в момент подачи.

Система жестоко отомстила отважной Ольге Васильевой за действия в пределах закона. Ее не просто уволили, ее всю изваляли в грязи. К личному делу судьи, поданному на лишение ее полномочий, были приколоты жалобы тех, кого она отказалась выпускать из тюрьмы: тех самых бандитов — протеже Кризского. Наглости не было предела, и жалобы были написаны заключенными прямо на официальных бланках судебных заседаний, которые никак не могли оказаться в их руках, кроме как сам Кризский пришел к ним в тюрьму и дал...

Началось хождение по инстанциям, где Васильева должна была доказывать, что это все фальсификация, что она — не верблюд... Лишь год спустя Верховный суд России восстановил Ольгу в звании судьи, однако муки ее на этом вовсе не закончились. Верховный суд остался в Москве, а ей предстояло возвратиться в Екатеринбург, где она была совершенно беззащитна. И как только Ольга вернулась домой и привезла решение Верховного суда, вручив его Кризскому, тот все равно не допустил ее до работы и написал официальное представление на нее в областную квалификационную коллегия судей (орган судейского сообщества), что, несмотря на восстановление, Васильева «на путь исправления не встала» (формулировка, традиционно используемая в характеристиках на заключенных — своеобразный символ тюремной лексики, и если применять эту формулировку для

характеристики не заключенного, тем более судьи, это звучит крайне издевательски и может быть использовано только для унижения).

Но к требованиям Кризского присоединился и Овчарук — и квалификационная коллегия вынесла решение: «больше не рекомендовать» Васильеву к назначению в судьи (судьи в России должны время от времени подтверждать свои полномочия, как бы переназначаться, а значит, получать вновь «рекомендации» квалификационных коллегий в своих республиках и областях, и это — пропуск к переназначению указом президента).

Естественно, никто в этой карманной квалификационной коллегии, находящейся в полном ведении и распоряжении председателя областного суда (Овчарука), даже не стал разбираться, в том какие факты — в подтверждение своих доводов Кризский предоставил... А это были те же самые факты «вины» Васильевой перед судебной системой — заявления заключенных на судебных бланках, которые только что отменил Верховный суд как несостоятельные!

Ольга Васильева — человек мужественный и принципиальный. Она, конечно, вновь обратилась в Верховный суд, настаивает на восстановлении справедливости... Но на это выматывающее, выхолащивающее дело уходят годы жизни... В течение которых Васильева лишена возможности работать.

И еще: можно ли требовать от большинства того же пути, который выбрала Ольга Васильева?.. Нет. Многие екатеринбургские судьи говорили мне, умоляя никогда и ни при каких обстоятельствах не упоминать их фамилий: «Нам легче штамповать решения, которых от нас требует Овчарук, чем оказаться на месте Васильевой». И — рассказывали в доказательство множество историй о том, что случилось с их коллегами, когда они пытались противодействовать мафии. Вот только одна из них — история екатеринбургского судьи Александра Довгия.

Довгий «провинился» только в том же, в чем и Васильева. Однажды он всего лишь не выполнил требование Кризского и не выпустил из тюрьмы

очередного его протезе. Через несколько дней судья был жестоко избит на улице железными прутьями. Милиция отказалась даже искать нападавших, хотя, если подобное случается с судьями, милиция, как правило, очень активна. А Довгий надолго угодил в больницу, вышел оттуда инвалидом, и хоть и вернулся на работу, но теперь рассматривает только дела о разводах — просит других дел ему даже не давать...

«При существующем положении вещей, когда профессионализм низводится до предрассудка перед способностью не иметь своего суждения, когда люди, не могущие обойтись без большевистских методов, допущены к осуществлению функций государства в сфере правосудия, помахивают добродетельным перстом и не видят ничего предосудительного в возможности требовать вынесения конкретного решения и в вызове судей на партхозактив (квалификационная коллегия) либо в возможности казнить и миловать от нашего имени нашими же руками...». Это написал молодой и очень перспективный судья, который также просил навсегда «забыть» его имя, после того как он подвергся давлению Овчарука и Кризского, аналогичному тому, которому подверглась Васильева. Но не справился с этим давлением, не нашел сил бороться — а просто решил уйти. Написал эти строки в письме на имя Кризского — и попросился в отставку... Указав в заявлении: «Вопрос прошу рассмотреть без моего присутствия». И навсегда уехал из Екатеринбурга.

Надо сказать, этот молодой судья и не мыслил увольняться. Просто в один «прекрасный день» случилось то, что должно было случиться: к нему пришло дело о бандитских махинациях очередных мафиозных групп, и Кризский потребовал закрыть это дело немедленно. Молодой судья попросил время на размышление, ему стали угрожать «неизвестные» — анонимными звонками домой, подброшенными записками... Его «неожиданно» избили в подъезде дома — несильно, предупредительно, и это опять были «неизвестные», которых не «нашли»...

Молодой судья тут же написал заявление с просьбой об отставке. Тут же его дело было передано другому судье. Накануне заседания этот «другой» получил телефонограмму из областного суда за подписью самого Овчарука, чтобы тот прекратил производство по этому делу. На следующий день дело было закрыто... Суд по заказу свершился.

Сергей Казанцев, судья Кировского районного суда Екатеринбурга, вынес решение, чтобы некоего Упорова, совершившего разбой и грабеж, заключить в тюрьму как социально опасного человека до рассмотрения дела по существу в суде. После этого судья Казанцев перешел к рассмотрению следующего дела — находился в совещательной комнате и писал приговор (по российскому законодательству в этот момент никто не имеет права беспокоить судью), но Казанцеву прямо в совещательную комнату позвонил Овчарук и потребовал в категорической форме, чтобы тот немедленно изменил меру пресечения Упорову и выпустил его из тюрьмы. Казанцев ответил: «Нет». На что Овчарук заявил, что Казанцев будет уволен.

И Казанцев был уволен.

Подобных историй в Екатеринбурге много. Они похожи друг на друга, как близнецы. В результате оставшиеся работать судьи — тоже как близнецы. Они, прежде всего, полностью управляемы, готовы проштамповать любое решение, лишь бы не было неприятностей с начальством. Спротивление сведено к нулю. Царство двойной морали под лозунгом диктатуры закона. И разве это судьи, в которых нуждается народ?

Именно так и получилось в истории с захватом «Уралхиммаша» — когда на руках у сторон оказались противоположные решения по одному и тому же поводу и на основании одного и того же закона. В условиях, когда годами жестоко подавлялась любая судебная инициатива, а поощрялась рабская идеология у судей плюс опыт работы в подневольных советских судах — ну, о каких смелых и справедливых решениях тут можно говорить? Все, кто мог противодействовать и

смело говорить «нет», давно не у дел. Все, кто умел немедленно откозырять в поощрении беззаконию, действуют и растут по служебной лестнице.

Очень хорошие

За каждым «успехом» Федулева стоит особая дружба с судебским корпусом Урала. Он дружит с судьями — и они дружат с ним. Получается все очень взаимно. Самые известные в этом смысле фамилии — господа Рязанцев и Балашов. Рязанцев — скромный судья Качканарского городского суда (Качканарский суд — в подчинении Овчарука), и именно он штамповал нужные Федулеву решения по Качканарскому ГОКу, утверждая сделки фирмы-однодневки о скупке по дешевке акций и продаже их по 100-процентному номиналу и способствуя тем самым решению судьбы предприятия мирового значения. Второй — Балашов, тоже очень скромный, работает в Кировском районном суде города Екатеринбурга — и это он выносил постановления в пользу Федулева по «Уралхиммашу» и некоторым другим важным для его успешной жизнедеятельности вопросам. Вот как это получалось. Опять же — далее механизм.

Судья Балашов — тот самый человек, который фактически нажал на спусковой крючок во время развития событий на «Уралхиммаше». Приняв в пятницу вечером иск в поддержку интересов Федулева на заводе, уже в понедельник утром — с невиданной для отечественного судопроизводства скоростью — Балашов выдал «нужное» Федулеву решение. При этом Балашов не озаботился ничем — ни вызовом свидетелей, ни сбором дополнительных сведений, ни допросом третьих лиц... Что от него и требовал Федулев — Балашов просто проштамповал.

Стоит заметить, что Балашов — действительно законник. Он лишь умело использовал лазейки нашего законодательства — скорый суд, к которому он прибегнул, вполне допустим. Вынесенное им определение — так называемое «в обеспечение исковых требований». Это когда истцы пишут ходатайство с просьбой

обеспечить их требования, ссылаясь на то, что противная сторона якобы стала принимать некие управленческие решения и шаги, ведущие к разбазариванию собственности. Сверхзадача такого иска — все оставить как есть. И суд, действительно, вправе вмешаться — запретить всякие управленческие действия до того, как будет разрешен спор по существу: кому что принадлежит.

Таким образом, своим спринтерским определением по «Уралхиммашу» Балашов вроде бы никоим образом не разрешал спор о собственности, он лишь запретил издавать приказы и распоряжаться имуществом... Все внешне невинно. Мило и тихо... Но — удушающе. Под покровом закона получилось полное беззаконие.

Как известно, по российскому законодательству, если по какому-то спору уже состоялось решение иного суда — например арбитражного, — то новое решение по этому же спору другой суд выносить не может. Но игра есть игра: принимая «нужное» решение «в обеспечение иска», Балашов сделал вид, что ему неизвестна принципиальная подробность тяжбы вокруг «Уралхиммаша», что арбитражный суд уже состоялся... И внешне — опять все выглядело прилично. Балашов знал, как мотивировать: мол, нет в области единой информационной системы (а ее действительно нет), и в райсудах ничего не знают...

Естественно, это была чистой воды игра — Балашов все знал. И именно поэтому он решил не вникать в подробности: он мог вызвать хотя бы свидетелей — но их не вызвал, он мог потребовать документов — он их не потребовал, он мог отложить рассмотрение дела, хотя бы до выяснения всех обстоятельств, на несколько дней... Но — ничего. Потому что так хотел Федулев. И Балашов вынес заказанное ему решение, размахивая которым на «Уралхиммаш» тут же, спустя пару часов после вынесения, когда чернила еще не высохли на подписи судьи, Федулев уже влетел на «Уралхиммаш» с вооруженными бригадами...

И «Уралхиммаш» пал.

ОЧЕНЬ ВАЖНАЯ ДЕТАЛЬ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА. Если сегодня суд играет на чьем-то поле, если откровенно подыгрывает одной из сторон — закон на его стороне. Поскольку суд у нас якобы независим. И весь вопрос только в том, чтобы судью поддержали «наверху». Если судейский «верх», который осуществляет у нас процессуальное руководство «низом», хочет того же — судейский «низ» может действовать, как ему заблагорассудится. После погрома на «Уралхиммаше» Балашова вызвал к себе для дачи объяснений председатель районного суда Валерий Байдуков, его непосредственный начальник, — и Балашов ему сообщил, что «такого решения» хотели в областном суде, все согласовано с Овчаруком... И вопрос о поведении Балашова был тут же снят с повестки дня.

А как же недоуменная публика? На сей раз, в связи с наглым захватом «Уралхиммаша», екатеринбургская общественность задавала очень много вопросов, ведь на комбинате — многотысячный коллектив, у всех — семьи... Байдуков объяснял все просто, и вроде бы они гуманисты: мол, мы, суд, понимаем, людям дорога каждая минута, когда имущество может уплыть в неизвестном направлении — поэтому мы, в интересах граждан и собственников, оперативно приняли решение...

Кстати, Байдуков, который все это объяснял, — председатель областного совета судей. Корпоративная, так сказать, совесть. Дело Ольги Васильевой, естественно, проходило через него несколько раз, и всякий раз Байдуков его проштамповывал в нужном Овчаруку ключе... Совет судей — это тоже так называемый орган судейского сообщества, как и квалификационные коллегии судей. Корпоративная совесть, так сказать. В Екатеринбурге и совет судей, и квалификационные коллегии — полностью подконтрольные воле Ивана Овчарука организации. В их ряды попадают только угодные Овчаруку люди, и, поэтому, какие представления Овчарук туда вносит, такие выводы там и делают. Валерий Байдуков — председатель областного совета судей и председатель Кировского районного суда Екатеринбурга — человек насмерть испуганный и пугающийся собственной тени. Нет ощущения, что он хоть кого-то способен защитить. Если у

него и есть свое мнение, то оно — исключительно гипотетическое. Он может порассуждать теоретически — о районном суде как «основном звене судебной системы в России» — и замолкает всякий раз, когда надо оперировать фактами или обсудить действия Овчарука.

Небольшое, но необходимое отступление: в российских районных судах общей юрисдикции рассматривается 95 процентов всех уголовных и гражданских дел, и в этом смысле районные суды, действительно, основное звено судебной системы страны. Однако в реальности это — фикция. Районный суд — на редкость управляем и зависим. Главная причина такого положения вещей — в нежелании судебных «верхов», областных и республиканских судов, проводить судебную реформу, упуская тем самым бразды правления над «низами», районными судами. Районные суды наделены у нас лишь конституционной независимостью, и не важно, что Конституция в России — прямого действия, все равно — районным судам не дали процессуальной независимости.

Что это такое — процессуальная независимость, без которой нет реальной? Закон предписывает вышестоящим судам (областным) осуществлять процессуальное руководство нижестоящими (районными и городскими) — то есть направлять их судебную практику. Процессуальное руководство состоит в том, что районные (городские) суды выносят решения, а вышестоящие суды (областные) оценивают эти решения: правильно? неправильно? И так формируется судебная практика, в которой процессуальная зависимость перерастает в организационную и карьерную. Неудобный нижестоящий судья — уязвим как младенец. И зависим полностью. «Верх» имеет право критиковать и уничтожать «низ», как ему заблагорассудится — и никакой ответственности за это по закону не несет. Областной суд, отменяя решение районного, не говорит, КАК надо и КАК правильно. Он просто утверждает: «Неправильно».

Таким образом, областной суд не должен брать на себя никакой ответственности за решение, зато он обязан вести статистику, сколько дел и от каких районных судей оказались в последствии НЕПРАВИЛЬНЫМИ. В конечном

счете именно эта статистика выливается в премиальные для судей, в разнообразные льготы или лишение их, в отпуска в летние месяцы или в зимние — для «плохих» судей, в продвижение в очереди на квартиру (этим распоряжается областной суд, а зарплаты у судей таковы, что сами они купить квартиру не могут), в утверждение на следующий срок полномочий или неутверждение и т.д....

Именно так районные, «основные» по Конституции, судьи оказались в большей, чем при советской системе, зависимости от своего руководства, председателей областных судов. При этом существование подобной иерархии — вроде бы не может быть, согласно той же Конституции. По ней все судьи — равны и независимы хотя бы потому, что все назначаются указом президента?..

В жизни — не все. Они, действительно, равны, когда назначаются. И совершенно не равны, когда лишаются работы. Если председатель областного суда желает расправиться с районными судьями — у него все козыри на руках. Но если председатель областного суда не устраивает районных судей — это их личное дело, способствовать снятию его они не могут, нет рычагов.

Именно законы и правила судейского общежития — какими они сложились после падения СССР и наступления демократии — позволили Овчаруку стать тем, кем он стал: санитаром судебного поля Урала вылавливающим тех судей, кто в принципе может принять непредсказуемое решение. Судебная система никак юридически не защищена от своеволия зарвавшихся начальников. Все обязательства только морального характера. Система функционировала бы со знаком «+» для общества только в одном случае — если бы на месте Овчарука был человек других морально-нравственных качеств. Согласитесь, это никакая не система...

Впрочем, вернемся к районному судье Балашову. Мог ли он поступить иначе в федулевском деле? И как он ДОЛЖЕН БЫЛ поступить? Если бы решил быть объективным и непредвзятым? Была у него такая возможность? Конечно — в этом случае он просто отложил рассмотрение иска. И у него есть на это право.

Надо сказать, что, готовя захват «Уралхиммаша», Федулев и те, кто с ним, предварительно обежали многие районные суды Екатеринбурга и везде попробовали судей «на вшивость»: согласятся или нет?

СОГЛАСИЛИСЬ ВСЕ — поступить, как Балашов. ВСЕГО ОДИН районный суд в Екатеринбурге — Чкаловский — отказал Федулеву в скором разбирательстве. И сразу после этого отказу председателю Чкаловского суда Сергею Кияйкину Иван Овчарук предложил уехать работать в Магадан, крайнюю северо-восточную точку страны. В российской традиции «ехать в Магадан» — значит быть сосланным в Магадан. И этот судья-отказник — выросший в Екатеринбурге человек, патриот города и Урала, сам химмашевец в прошлом, закончивший когда-то в юности техникум химического машиностроения, работавший на этом комбинате — гордости всей страны, — Кияйкин был счастлив отправиться как можно дальше от малой родины...

Только бы не погибнуть. И чтобы семью не тронули...

Вернемся к Балашову, судье по заказу. Он — федулевский «товарищ по борьбе» со стажем, верный страж. Принимать судебные решения в обеспечение интересов Федулева — дело для него налаженное. Вот, к примеру, балашовское решение, вынесенное 28 февраля 2000 года. Суть судебного рассмотрения была тогда такова. Как-то Федулев решил продать свое главное ЗАО (закрытое акционерное общество) — «Уралэлектромаш».

Это ЗАО, несмотря на название — никакой не завод, а просто фирма, занимающаяся операциями с федулевскими акциями. В активах «Уралэлектромаша» как раз и находились акции Качканарского ГОКа и «Уралхиммаша».

Итак, однажды Федулев продал свое фондовое ЗАО другому владельцу и получил за него некую сумму. Имея на это все права. Однако аферист — он и есть аферист. Спустя какое-то время уже вступившие в право владения покупатели

«Уралэлектромаша» выяснили, что хотя деньги они и заплатили, но доступа к документам ЗАО не получили! Почему? Это просто Федулев им ничего не передал — вроде бы продал, но фактически оставил все акции себе. Покупатели поняли, что они обмануты, и, естественно, прижали Федулева к стенке. А он им и говорит: «Я передумал — желаю все вернуть себе назад». Ему парируют: «Как это — «назад»? Ты же уже деньги получил? Верни деньги — и только тогда будет «назад!»». Но Федулев в ответ: «До свидания. Денег не отдам. Документов у вас нет. Вы — никто. Пошли вон». «Уралхиммашевский» пакет акций оказался в этом же положении. Выйдя из московской тюрьмы и желая себе вернуть то, за что он уже получил несколько миллионов долларов, Федулев сказал: «ничего не знаю, регистрации положенной не было, сделка недействительна». И — к судье Балашову — а тот штампует выгодные для Федулева решения. Получается решение: Федулев прав, пакеты акций, которые он продал, — на самом деле его, покупатель должен вернуть их Федулову без возврата им денег.

Все, что описано, не преувеличение. Так и было. Чтобы понять суть произведенных Федулевым афер, нужно знать, что наше законодательство пока несовершенно. Что и использовал Федулев. Суть несовершенства в следующем: любое предприятие — ЗАО, ОАО — когда выпускает акции, то требуется, естественно, зарегистрировать их выпуск. Сначала в нашей стране никто, конечно, не знал, как это делать: в СССР не было акций и фондового рынка. После падения СССР соответствующие правительственные органы также очень долго не могли сориентироваться — объяснить и вообще определить порядок, как регистрировать акции. В результате многие акции во многих АО оставались незарегистрированными. При этом сделки с ними совершались и совершаются — движение на рынке не останавливалось.

И как тут быть? Естественно, предполагалось, по умолчанию, что просто надо быть честным с партнерами. Федулев же — другого поля ягода, он — мошенник и вымогатель. Задумав аферу, он сначала заключил договор на продажу акций ЗАО «Уралэлектромаш», а только потом написал заявление о регистрации их в соответствующий государственный орган (ФКЦБ — Федеральная комиссия по

ценным бумагам, была такая). Когда акции там зарегистрировали — спустя довольно большое количество времени, потому что не было порядка такой регистрации и все тонуло в согласованиях и неувязках, — вот тут-то Федулев и сообщил покупателям: договор на продажу «Уралэлектромаша» был заключен раньше регистрации акций, составляющих его собственность...

И на чистом глазу: «Значит, все — мое! Я продал, когда пакет акций не был еще зарегистрирован... Поэтому возвращайте все назад». А деньги? «Деньги — тоже мои... Ошиблись — вы. И должны платить за свою ошибку». И суд — штампует, штампует и штампует то, что выгодно именно Федулеву.

Вот такая история — одна из многих афер Федулева, рядовая, в общем-то, его мошенническая операция, основанная на плохом российском законодательстве. Ведь что такое система законодательства? Это когда одни и те же понятия в одних и тех же законах одинаково значат. А у нас этого нет! Происходит следующее: разные бизнес-команды готовят разные законы. У каждой команды — свои цели. Каждая лоббирует тот закон, который ей в этот конкретный период жизни выгоден! Значит ли это, что Федулев настолько умен — умнее остальных, что знает все эти детали и на них играет? Нет, конечно. Федулев просто оказался настолько богат — вследствие вышеописанной жизни, что имеет возможность нанять самых сильных юристов, которые знают эти лазейки и всегда могут подсказать, кого и как обойти. И еще — повторяю — он сумел создать олигархическую (а попросту — мафиозную) пирамиду, при которой чтобы он ни сделал, все уже повязаны в единую цепочку. Федулев — Россель — Козицын, который преемник Росселя... Все они не могут друг без друга. Россель — без Козицына, потому что Козицын — то же самое для Росселя, чем был Путин для Ельцина: способ сохранить финансовую стабильность собственной семьи и после ухода из губернаторского кресла...

Однако сейчас интереснее: как же поступил суд? На чьей стороне он выступил — наш независимый и справедливый? Ответ вроде бы ясен: в любом случае суд не может быть на стороне мошенника...

А вот как вышел из ситуации судья Балашов, прекрасно понимавший, какие «белые пятна» есть в законодательстве, — Балашов принял решение в пользу Федулева: забрать у добросовестных приобретателей то, что они добросовестно купили, и отдать Федулеву. Любопытная деталь: и в данном случае все судопроизводство произошло по той же самой схеме, что и в деле «Уралхиммаша»: иск был предъявлен накануне вечером, а уже на следующее утро рассмотрен по существу. Многотомное запутаннейшее дело, где без специальных экспертов — знатоков тонкостей отечественного фондового рынка — шагу не ступить, Балашов, без всяких служебных последствий для себя, рассмотрел с ходу, с лету... И не потому, конечно, что Балашов — умнее всех умных...

А дальше — завертелось. История с высылкой судьи в Магадан — самая безобидная... Иск по спорным акциям ЗАО «Уралэлектромаш» стал прологом к кровавым событиям на «Уралхиммаше», первую судебную точку в которых, как мы помним, поставил все тот же Балашов.

Другой покладистый судья, «следующий Балашов», — носит фамилию Рязанцев и работает в Качканарском городском суде. Он делает то же, что и Балашов, в обеспечение интересов Федулева, но только в Качканаре, во всем, что касается Качканарского горно-обогатительного комбината.

28 января 2000 года, напомним, Урал всколыхнуло известие о наглом вооруженном захвате Качканарского ГОКа силами олигарха Федулева. Для города Качканара комбинат — градообразующее предприятие. Из 50-тысячного населения, включая младенцев и пенсионеров, на нем работают 10 тысяч. Это значит: от того, что будет на комбинате, как он будет работать, зависит судьба всего города.

Чем ответила судебная власть на трагедию захвата? 1 февраля 2000 года судья Качканарского городского суда Рязанцев рассмотрел иск о том, что случилось на ГОКе 28 января. И... не нашел никаких нарушений закона при проведении заседания совета директоров под дулами автоматов...

При этом судебное заседание прошло по той же схеме, что и у Балашова: без всякой досудебной подготовки, быстро, без привлечения к спору тех, чьи права оказались попораны. И, конечно, на следующий же день после подачи иска.

15 февраля — спустя 14 суток после решения Качканарского суда, а это невероятная для отечественной кассационной иерархии скорость (обычный срок рассмотрения кассаций в России — полгода) — судебная коллегия по гражданским делам Свердловского областного суда (епархия Ивана Овчарука) проштамповала решение господина Рязанцева. И опять же — без всякого рассмотрения. Областной суд «не нашел нарушений закона» в развитии качканарских событий.

Но на этом измывательства над Фемидой тоже не закончились. 15 февраля, в день, когда стало ясным, что «решил» областной суд, Качканарский городской суд, опять в лице судьи Рязанцева, еще раз, дабы не случилось осечки с захватом собственности, штампует свое собственное предыдущее решение. Каким образом? Он просто запрещает, кому бы то ни было еще, проводить общее собрание акционеров Качканарского ГОКа.

Это решение — только для закрепления успеха захватчиков. Надо сказать, что городской суд общей юрисдикции на сей раз вообще не имел на него ни малейшего права согласно законодательству. Более того, Качканарский суд вынес меру, вообще не предусмотренную ГПК — Гражданско-процессуальным кодексом. В кодексе подобного нет — запрета на совершение действий третьим лицам, не участвующим в споре.

Но кого из законников Свердловской области это волнует?.. Никого. Был ли дисквалифицирован господин Рязанцев за незаконные действия? Отлучен от профессии? Нет. Сильные у власти — и это главное. Суды штампуют решения в пользу сильных, даже не вникая в проверку подлинности того, что Федулев — собственник. В то, к примеру, что 19 процентов акций Качканарского ГОКа, которыми бравировал Федулев, как своими собственными, — на самом деле надувательство, их, по сути, нет. На эти акции давно был наложен арест — в

рамках расследования, которое вел в Москве Следственный комитет МВД против Федулева. Помните, его ненадолго сажали в Москве в тюрьму за мошенничество с одной столичной фирмой?.. Так вот, мошенничество ведь состояло в том, что Федулев дважды, разным фирмам и лицам, продал этот самый пакет ГОКа в 19 процентов, в обеспечение которого судья Рязанцев и председатель Овчарук так спешили потерять остатки своего судейского лица!

Дальше, после февраля 2000 года, конечно, много чего случилось — Верховный суд пытался опротестовывать февральскую беспредельщину Свердловского областного суда. И не один раз. Но ничего в реальной жизни все равно не поменялось. Федулев остался на ГОКе. Те, кого он выживал, ушли и скрываются за границей. А судебная практика Качканарского городского и Свердловского областного судов «обогатилась» еще массой косвенных дел о фактическом признании Качканарского ГОКа банкротом — это Федулев стал проворачивать обычную свою аферу с банкротством полученных им предприятий, заставляя подконтрольные себе суды штамповать нужные ему решения.

Таким образом, судебная власть Свердловской области, находясь на службе уральского криминалитета, способствовала совершению ряда умышленных сделок, совокупность которых повлекла неплатежеспособность предприятия. Между прочим, уголовно наказуемое деяние. Но кто в этом будет разбираться?.. Путин, придя к власти, напротив, солидаризировался именно с такими, как Федулев и Россель, объявив, что передела собственности не допустит, и это означало: кто захватил, тот и прав, ни у кого ничего не отберут. 14 июля 2000 года, вскоре после первого избрания, Путин прилетел в Екатеринбург. Он участвовал в торжественной церемонии закладки первого камня в строительство стана «5000» на Нижнетагильском металлургическом комбинате, крупнейшем в мире. А на НТМК — те же действующие лица и исполнители, что и на Качканаре. Федулев там — тоже в красном углу. А строительство стана «5000» — крупнейший инвестиционный проект Эдуарда Росселя. Спектакль «Закладка камня президентом» стал превосходным пиаром для продолжения федулевской криминальной экспансии. Что и случилось. Именно «под Путина» сюда поплыли

новые деньги... Федулев и Россель в ответ за все «благодения» теперь — активные путинские сторонники и обеспечивают функционирование уральского отделения путинской партии «Единая Россия», они уже заявили, что поддержат Путина в его избрании на следующий срок весной 2004 года...

Остается добавить, что внешне у нас в стране все отлично и предельно демократично. Провозглашен принцип полной независимости судебной власти и уголовно наказуемого запрета на любое вмешательство в отправление правосудия. Действует федеральный закон «О статусе судей» — передовой и обеспечивающий будто бы независимость судьи. Однако реальная жизнь такова, что все конституционные демократические принципы подвергнуты самому циничному надругательству. Они могут быть низложены, и никто не понесет никакого наказания. Получается, что сильнее законов — независимость от них. Судебное обслуживание населения зависит от того, к какому ты классу принадлежишь. Высший — VIP-уровень — занят мафией и олигархией.

А как же те, кто не VIP? На нет и суда нет.

...Раз есть капитализм, который мы строим, — значит, есть собственность. Если есть собственность, всегда найдется тот, кто будет ее хотеть. И другой — кто не пожелает отдать. Весь вопрос — только в методах. В правилах, по которым играют в государстве. Пока живем по законам Пашки Федулева, бывшего мелкого екатеринбургского вымогателя и мошенника, ныне — уральского олигарха, — наше государство коррумпировано.

Под занавес — только одна картинка. 2003 год. Март. Екатеринбург. Провинциальная жизнь — медленная, тут все будто замороженное. Но уже несколько дней подряд, с 25 по 28 марта, на центральной площади проходит постоянный митинг. Это — правозащитники Свердловской области: Международный центр по правам человека, Общественный комитет защиты прав заключенных, Объединение общественных организаций «Союз — Территория Народной Власти». Они собирают подписи с требованием немедленной отставки

Ивана Овчарука. Участники акции скандируют, что Овчарук, связанный давними узами «сотрудничества» с криминальными авторитетами Урала, — одновременно и главный организатор судебного произвола на Урале, и противник проведения судебной реформы. Овчарук, говорят они всем, кто хочет слышать, продолжает выдавливать любые формы демократии и стоит насмерть против введения суда присяжных, заявляя, что суды присяжных «не соответствуют интересам жителей Свердловской области». И все это — ради одного: чтобы ничем не была ограничена созданная им коррумпированная система судопроизводства на благо криминального мира Урала.

Тот же март. Но уже не Екатеринбург, а Москва. Иван Овчарук опять утвержден президентом в должности председателя Свердловского областного суда... Кто будет спорить, что мафия не бессмертна?..

Провинциальные истории обо всем

Часть 1.

Иркутский дедушка

...Зима третьего года правления Путина (2002-2003) была у нас очень холодная. Критическая зима. Конечно, мы северная страна — Сибирь, медведи, меха и все такое прочее, поэтому вроде бы должны быть готовы к холодам...

Но у нас всегда все как снег на голову — неожиданно, и холода в том числе, и поэтому эта страшная история все-таки случилась.

В Иркутске, глубинном сибирском городе, жил один очень старый человек — за восемьдесят, простой пенсионер, из тех, к кому даже «скорая помощь» отказывается приезжать — потому что слишком старые, просто и незамысловато отвечая на вызов по телефону: «А что вы хотите? Конечно, плохо себя чувствует... Возраст». Так вот, этот один очень и очень старый иркутянин, к тому же, живший в

одиночестве, ветеран Второй мировой войны, так сказать, воин-освободитель, орденосец и инвалид на попечении государства, один из тех, кому президент Путин присылает поздравительные письма ко Дню Победы 9 Мая, желая ему счастья и здоровья, и старики наши, ветераны, совершенно не избалованные вниманием государства, плачут над этими стандартными письмами с президентским факсимиле — так вот, в январе месяце 2003 года этот иркутский дедушка был обнаружен примерзшим к полу собственной квартиры. Он умер от переохлаждения, упал и примерз к тому месту, где упал. Ветеран по фамилии Иванов. Самой распространенной русской фамилии — Ивановых у нас сотни тысяч.

Ветеран Иванов примерз к полу потому, что его квартира не отапливалась. Вообще. Хотя и должна отапливаться. Как и все квартиры многоэтажного дома, где он жил. Как и все дома в его городе Иркутске зимой третьего года правления Путина.

Почему именно так? Объяснения просты: сначала трубы отопления прохудились по всей России — потому что служили с советских времен, а советские времена минули уж, слава Богу, больше десяти лет назад. Потом трубы долго текли и текли, и отвечающие за это коммунальные службы ничего не предпринимают (у нас коммунальные службы — централизованные, государственные, монополисты этого рынка услуг, и других просто нет. Каждый месяц мы должны им платить ни за что: то есть за техническое обслуживание, которого нет, немалые, в соответствии с реальными доходами, деньги. Но они почти не обращают на нас, плательщиков, внимания, и продолжают игнорировать свою работу, традиционно требуя повышения тарифов, и правительство уступает, и нас обязывают платить им больше, но коммунальщики до того привыкли к ничегонеделанью, что не работают все равно).

Так вот, наконец, давно текущие и хронически не ремонтируемые «монопольные» трубы полопались, и тут, прямо зимой, в жестокие морозы, выяснилось, что заменить эти трубы нечем... Денег у коммунальщиков на смену

нет, те, что мы им платим, неизвестно на что потрачены. Все коммунальные сети, служившие еще со времен Советского Союза, в конце концов сгнили (чего, впрочем, и следовало ожидать), а поменять оказалось просто не на что (чего, естественно, никто не ожидал — мы ведь страна, производящая тысячи километров разнообразных труб)... «В стране нет денег на это», — возвещали члены путинского правительства, разводили руками и делали вид, что они тут ни при чем... «Как это — «нет денег»?» — хило парировали политики, обычно делающие публичный вид, что они защищают права человека... И все. На том и разошлись. Никакого грандиозного скандала — с отставкой правительства, с уходом соответствующего министра с должности, на худой конец, — не случилось.

Ну и что, что люди круглые сутки ходят по своим квартирам, спят и едят в шубах и валенках?.. Бывает, надо потерпеть — летом отремонтируют...

Президент публично пожурил премьера. Представители оппозиционных партий произнесли несколько сильных речей, о которых тут же забыли. И они сами, и все остальные...

И все потекло по-прежнему. Умершего старика иркутские коммунальщики отковырнули ломом от ледяного пола и тихо схоронили в ледяной сибирской земле. Траура в стране не объявили. Даже в Иркутской области.

Президент сделал вид, что это не его страна и не его электорат — на похороны и вовсе отделался молчанием. И страна «съела» это молчание. И Путин, чтобы усилить свои позиции, еще и перенес акценты: выступил с жесткой речью, что во всем виноваты — в преследующей нас бедности террористы и война, и это приоритет государства — уничтожить «международный терроризм» в Чечне...

В остальном жизнь в стране опять понеслась «положительная» — так у нас теперь все по-советски происходит, когда ничто не должно сильно печалить гражданина, толпа не должна задумываться о несовершенстве разворачивающейся перед ее глазами реальной действительности...

Вскоре наступила весна. Выглянуло солнышко. И некоторое неудобство от случившегося как-то само собой забылось, стерлось... Весной Путин стал готовиться к своим перевыборам 2004 года. И тут не должно быть места грусти от поражений — только радость побед. Поэтому, с весны начиная, в стране объявили много праздников — небывало много праздников. Включая время Великого Поста.

Чем ближе было лето, тем меньше стало разговоров о полном коллапсе теплоснабжения, случившемся этой зимой в России, — граждан призывали в массовом порядке радоваться подготовке к 300-летию Санкт-Петербурга и гордиться роскошью отремонтированных царских дворцов, где не стыдно будет ослепить великолепием мировую элиту... И так все и случилось.

Путин пригласил всех мировых лидеров в Санкт-Петербург, и город изнасиловали перекраской фасадов. Об иркутском старике, как, впрочем, и о питерских стариках, никто и не вспоминал. Включая Путина. Будто и не он президент в стране, где старики примерзают к полу оттого, что их квартиры не отапливаются.

«Вот если бы он умер в Москве...» — поговаривали столичные аналитики, подразумевая, что тогда уж точно был бы огромный скандал, власть предприняла бы меры, поменяли бы трубы к следующей зиме... А тут...

Шредер, Буш, Ширак, Блэр и много других ВИП-персон прикатили в нашу Северную столицу и фактически короновали Путина как ровню себе — их принимали так шикарно, как только было позволительно расстрелянному последнему императору... Шредер, Буш, Ширак, Блэр и другие ВИП-персоны сделали вид, что Путин — им полнейшая ровня, и об иркутском старике Иванове, как и о миллионах бедствующих российских пенсионеров, еле-еле сводящих концы с концами, конечно же, опять никто не вспомнил...

Тем не менее, зимой 2002—2003 года, под стук ломов в квартире пенсионера, наступил час пик времен правления Путина, которого почти не

заметили. Почему? Путин поставил свою власть исключительно на олигархические глиняные подпорки — народу в этой схеме места не оказалось. Он дружит с одними олигархами — и воюет с другими, и именно это называется у нас высшим государственным управлением, когда главное — миллиардеры, между которыми поделены нефтяные и газовые запасы...

Но не народ. Провинция и столица России живут, как планета Земля и светило Солнце. Солнце — это все, тепло, жизнь, свет (Москва). Земля — это сопутствующий Солнцу товар. Разные орбиты, разные пути, разные обитатели.

Часть 2.

Камчатка — полуостров отчаянного выживания

Камчатка — это самый край нашей русской земли. Из Москвы сюда лететь больше десяти часов, самолеты на линии до Петропавловска-Камчатского — малокомфортабельные, и поэтому очень хорошо в полете думается и о необъятности нашей непростой Родины, и о том, что в Москве проживает лишь крошечная группка наших людей, и эта группка играет в какие-то большие политические игры, свергает и водружает идолов и, главное, уверена, что именно она управляет огромной страной...

Камчатка — хорошее место для того, чтобы понять, насколько далека российская провинция от столицы. И расстояние тут ни при чем. Провинция не просто живет по-другому — она дышит иначе. Но настоящая Россия — именно там.

Капитан Дикий

...На Камчатке моряков, как рыбаков, и еще больше. Несмотря на массовые сокращения в армии, пока тут сохраняется прежний расклад: за кого голосует камчатский флот, тот и выиграл.

Как и положено в приморских городах, повсюду черно-синяя гамма — бушлаты, матроски, бескозырки... Только вот одного не заметно — это былого флотского шика. Если бушлаты, то ношенные, если матроски — стиранные-перестиранные, бескозырки — линялые.

Алексей Дикий — командир атомного подводного противолодочного крейсера «Вилючинск». И Дикий — наша флотская элита. И его «Вилючинск» — тоже. Крейсер состоит на вооружении Камчатской флотилии Тихоокеанского флота.

Дикий получил блестящее образование в Ленинграде — нынешнем Санкт-Петербурге. Потом Дикий, как очень талантливый офицер, также блестяще прошагав по служебной лестнице, в 34 года от роду уже стал уникальным специалистом-подводником, цена которому, по мировой военной иерархии, тысячи долларов за каждый следующий месяц службы. Теперь капитан первого ранга Дикий влачит жалкое существование. По-другому это не назовешь. Будто он то ли хронически бездомный. То ли неудачник.

Его дом — это жуткое офицерское общежитие с облезлыми лестничными пролетами, полупустое и страшноватое, как Гарлем прошлых времен, каким его показывали в американском кино про гангстеров. Все, кто мог, уехал отсюда на Большую землю, бросив военную карьеру ко всем чертям. Окна многих квартир зияют пустотой — людей там больше нет. Холодно, голодно, неудобно. Люди бежали прежде всего от нищеты. Капитан Дикий рассказывает, как с другими высшими флотскими офицерами ходит в хорошую погоду на рыбалку — чтобы семья могла сытно и вкусно поесть.

На кухонном столе в его квартире — то, чем Родина платит за верную безупречную службу: месячный паек капитана. Только что Дикий принес его домой в казенной простыне с подкладки.

Паек состоит из двух пачек лущеного гороха, двух килограммов гречки и риса в бумажных пакетах, двух банок консервированного горошка, дешевле которого не бывает, также двух консервных банок тихоокеанской селетки, бутылки растительного масла...

— И все?

— Да. Все. — Дикий не плачется, просто констатирует без всяких комментариев. Он — крепкий и очень настоящий человек. Точнее, он — очень русский. Лишения — его стихия, он служит Родине, а не вождю какого-то конкретного временного периода. Если бы он допускал иные мысли, его давно бы тут не было. А так капитан допускает, что все может случиться — в том числе и голод, а такой паек ему, командиру атомной подлодки, означает именно это — голод.

Эти банки — на семью капитана, состоящую из трех человек. У Дикого — жена Лариса, по специальности радиохимик. Она закончила престижный столичный МИФИ — Московский инженерно-физический институт, выпускников которого компьютерные фирмы Силиконовой Долины в Калифорнии, как рассказывают, переманивают прямо со студенческой скамьи.

Но Лариса, живя с мужем в закрытом военном городке Тихоокеанского флота, не работает. Потому что никто — ни штаб Военно-морских сил, ни далекое Министерство обороны — этими «детальями» жизни своих офицеров совершенно не интересуется. Подбор армейских трудовых резервов таков, что штабы в упор не видят золота под ногами. У Ларисы даже нет возможности пойти учительницей в школу для детей подводников — все места заняты, на них очередь, безработица для невоенных тут 90 процентов.

Третий член семьи капитана Дикого — дочка Алиса, ученица второго класса. Ей тоже трудно позавидовать. В военном городке нет ничего, что могло бы помочь развиваться способностям как этой девочки, так и других детей. Ни

спортивных залов, ни танцевальных площадок, ни компьютеров... Все, на что претендуют гарнизонные дети, разделяющие участь своих отцов-офицеров, — это унылый грязный двор и дом с видеомagneитофоном и набором мультфильмов.

Действительно, Камчатка — край нашего света. Предел государственного бездушия. Самые совершенные технологии уничтожения человека, с одной стороны, и пещерный уровень жизни для тех, кто ими управляет, с другой. Вся жизнь построена только на личном энтузиазме и любви к Родине. Ни денег, ни славы, ни будущего.

Место, где живет Дикий, называется Рыбачье — это в часе езды на машине от Петропавловска-Камчатского, столицы Камчатского полуострова. Рыбачье — самый знаменитый, быть может, даже во всем мире, закрытый военный городок на 20 тысяч человек. А также — символ и флагман российского ядерного флота. Городок напичкан самыми современными видами оружия, здесь располагается ядерный щит России с Востока, и живут те, кто его поддерживает в целостности и сохранности.

Подводная лодка капитана Дикого — одна из главных составляющих, которые обеспечивают боеготовность этого ядерного щита. Отсюда и сам Дикий — главная его составляющая... Субмарина «Вилючинск» — совершенный технический организм, каких нет на вооружении ни у кого другого в мире. Лодка способна уничтожать в бою и целые надводные соединения, и лучшие подводные лодки мировых держав, в том числе американские. Под началом у Дикого — уникальное ракетно-ядерное оружие и внушительный торпедный боезапас. Пока с такой лодкой все в порядке — Россию никто не способен серьезно обидеть, по крайней мере, со стороны Тихого океана.

А вот самого Дикого может обидеть всякий. И первый, кто это делает, — государство, которому он служит. Но капитан «Вилючинска» думает в подобном направлении редко. Как и многие другие офицеры, он весьма искусно выживает при тотальном безденежье. Заработные платы — низкие, и те бывают нерегулярно,

часто случаются задержки выплат до полугода; и в тот момент, когда мы говорим, денег тут не видели уже пять месяцев подряд.

Так вот, Дикий выживает следующим образом: когда нет денег, он предпочитает отказываться от обедов на корабле (а офицеров там обязательно кормят) и носит домой то, что ему положено одному, в виде так называемого сухого пайка. И делит на троих. Других возможностей прокормить семьи нет. В результате Дикий — человек-тень. Он худ сверх меры и бледен, лицо его имеет нездоровый серый тон — и ясно, почему: капитан главной составляющей ядерного щита России не может пожаловаться на сытость.

Естественно, сказывается и долгое постоянное пребывание в зоне радиации. Если в прошлые годы это особым образом оплачивалось, что превращало подводников в весьма завидных мужей, то теперь все не так — невесты в сторону морских офицеров не смотрят.

«И все-таки нищета — не самое страшное, — говорит Дикий, человек-аскет. Романтик-бессребреник. Офицер до мозга костей. Почти святой в наши годы тотального пересчета всех ценностей на циничный язык доллара. — Нищету можно пережить, если имеешь перед собой ясную цель и понятные боевые задачи. Наша настоящая беда совсем в другом — в бедственном положении ядерного флота страны, в бесперспективности. Похоже, в Москве не до конца понимают, что с нашим оружием шутки плохи. Через 10 лет здесь, в Рыбачьем, если сохранится нынешнее финансирование, или не будет ничего, или на наши пирсы придет НАТО».

От безысходности происходящего перед его глазами, Дикий собрался учиться дальше — поступать в Академию Генерального штаба, чтобы написать диссертацию о состоянии национальной безопасности России в конце двадцатого — начале двадцать первого века. Его цель — в финале исследования суметь научно обосновать ответ на вопрос, его тревожащий: кому нужно было развалить эту самую национальную безопасность?

Пока все его выводы — не в пользу столицы. Однако агрессии или озлобленности по поводу происходящего у капитана нет. Ход мысли примерно таков: да, ужасно, что Москва ведет себя таким образом, но делать нам нечего, надо выстоять, потому что мы умнее и сильнее тех, кто наверху.

Жизненная позиция Дикого делает его быт не принадлежащим ему самому. Командиру нельзя ничего из того, что доступно всякому другому. Готовность явки на лодку — 5 минут после поступления приказа, это значит, никаких и никуда отлучек, он всегда должен быть на связи. Ни за ягодами, ни за грибами, ни на рыбалку, ни просто пошататься бесцельно, куда глаза глядят, с друзьями... Жизнь на посту, который ты принял, а сдать некому. Надо быть с офицерами, чтобы они не падали духом в столь трудное время. Надо успеть в казармы, чтобы вовремя узнать, что творится с матросами. В общем, надо абсолютно все, и даже больше.

В результате получается следующее: если ты просто армейский офицер и тоже живешь, как нищий, как и капитан Дикий, но у тебя есть возможность — что и происходит сегодня сплошь и рядом, — где-то подрабатывать после службы и тем кормить свою семью, покупать одежду и даже форму (не удивляйтесь: большинство офицеров, действительно должны покупать обмундирование самостоятельно), — то у капитана Дикого для этого нет ни времени, ни возможностей. В оставшиеся от службы короткие часы он обязан — именно обязан — отдохнуть, выспаться, привести свои нервы в полный порядок, а ведь они не могут не расшататься при такой-то жизни, чтобы идти на свою ядерную лодку не во взвинченном состоянии. Это категорически запрещено — слишком непоправимыми могут быть последствия бытовой неврастении.

— Я должен быть на службе спокойным и уравновешенным, — объясняет Дикий. — Будто с курорта. Будто быт налажен. И даже вопроса такого нет передо мною: чем накормить жену и дочку завтра...

— Что значит «должен»? По-моему, вы неверно ставите вопрос. Вы служите государству, и, значит, это прежде всего государство ДОЛЖНО вам

создать подходящие условия, при которых вы придете на службу спокойным и уравновешенным. Разве не так?

Дикий снисходительно улыбается, и я не могу понять, к кому же он больше снисходителен, этот странный человек особой закалки: ко мне, задающей подобные вопросы, или к государству, плюющему на тех, кто ему служит?.. В конце концов, выходит, что ко мне...

— Нет у государства сейчас такой возможности, — наконец говорит капитан. — Ну, нет — и все тут. Что толку требовать, чего нет? Я — человек, мыслящий реально. И от природы не злобный. Все фантазеры и злые отсюда давно сбежали. Уволились с флота.

— И все-таки я не понимаю, почему не уволились лично вы? Вы — ядерщик, имеете инженерную специальность. Уверена, нашли бы себе пристойную работу...

— Нельзя уволиться. Потому что нельзя бросить лодку. Я — командир, а не матрос. Меня нечем заменить. Если уйду — буду чувствовать себя предателем.

— Но перед кем? Государство и так вас предало...

— Пройдет время, и государство образумится. А пока надо терпеть. И ждать. И сохранить ядерный флот. Вот именно я его и сохраняю. Даже если Министерство обороны ведет предательскую политику. Я служу стране, я защищаю людей, а не государственный аппарат.

Вот вам и портрет российского офицера-подводника нашего времени — сидит себе человек на краю нашей земли и, верный воинской присяге, ежедневно закрывает собою амбразуру. В условиях, когда закрыть эту амбразуру больше нечем.

Чтобы суметь выполнить свои обязанности в условиях глубокого финансового нездоровья, охватившего войска, от командира требуется полная отдача. Капитан Дикий уходит из дома ровно в 7.20 и возвращается в 22.40. И так каждый день: по 10 и более часов он на борту. Другого выхода просто нет — флот на глазах разваливается, и с техникой, стоящей без ремонта, в любой момент может что-то случиться, в том числе и большая беда. Единственное, что здесь неизменно с прошлых времен, это поднятие флага. Ритуал проходит ежедневно в 8.00. Что бы ни произошло — хоть тайфун, хоть пурга, хоть авария, хоть смена правительства.

Кстати, Дикий именно ХОДИТ до причалов, где стоит его «Вилючинск». Пешком — это занимает ровно 40 минут. Ходит он туда не потому, что заботится о своем здоровье. Во-первых, у него, конечно, нет личного автомобиля, потому что нет денег на него. А во-вторых, служебного транспорта тоже нет, точнее, он на приколе. Вторая флотилия, к которой приписана подлодка «Вилючинск», — как и вся Камчатка, в тисках энергетического кризиса, и поэтому ни машин, ни автобусов до причалов не подают. Просто нет достаточного количества бензина у военных. Да что там бензин в стране, направо-налево торгующей нефтью! Без хлеба бы не остаться. Гарнизон, где служит Дикий, вечно должен местному хлебозаводу... А тот вечно отпускает хлеб на лодки в долг...

Представляете картину? Люди, обслуживающие ядерный щит страны, претендующей на звание великой державы, — эти люди питаются подаянием...

Мне, например, стыдно. А президенту? Когда он заседает на «восьмерках»?

Ну да ладно... Все офицеры в Рыбачьем ходят на работу пешком по утрам. И вот по дороге на пирсы и в штаб офицерский корпус обычно гудит, как рассерженный улей. Обсуждают наболевшее: сколько можно терпеть? В какую пропасть мы летим?..

Горячим политическим дискуссиям способствует открывающийся офицерам вид. Если двигаться, к примеру, по направлению к пирсу № 5, где

пришвартован «Вилючинск», то можно созерцать остров Хлебалкин. Там находится мертвый судоремонтный завод. Еще два-три года назад на Хлебалкинском заводе одновременно проходили профилактический ремонт по 15-16 субмарин. Теперь там спокойная водная гладь и ни одного «больного» судна.

Офицерам объявляют: и здесь действует жесточайший режим экономии. И подводники созерцают умирающие доки по два раза в день: когда идут на работу и когда возвращаются обратно.

— Жуткая картина, — говорит Дикий. — Мы-то понимаем, что это значит... За все придется платить. Нашу технику ОБЯЗАНЫ ремонтировать. Чудес не надо ждать — тут не бывает долгожителей, ни разу не обращающихся к врачам. Это надо понимать. Аварии неизбежны.

Одних офицеров Рыбачьего весь этот флотский распад вдрызг расхолаживает. Других развращает — всякого навидались в гарнизоне в последнее время. И самоубийства были, и ничем не мотивированные поступки случались.

— Но мне кажется, нынешняя обстановка офицеров все-таки скорее ожесточает, — рассказывает Дикий. — Поэтому мне так важно, чтобы все были на поднятии флага ровно в восемь утра. Экипаж должен увидеть глаза своего командира. И прочитать в них — все в порядке, все спокойно, служба продолжается. Несмотря ни на что. Вопреки всему.

«Офицерский выпендрей! Высокие слова для романтических барышень! И только!..» — наверняка отмахнутся многие, прочтя эти строки. И будут отчасти правы — действительно, это и есть высокие слова. Но положение таково, что еще не уволившиеся с разваливающегося Тихоокеанского флота офицеры продолжают сегодня выполнять свои сложнейшие обязанности только потому, что относятся к высоким словам, как к своему якорю. Они имеют идеалы и принципы — и поэтому служат. Ничего другого у них не осталось. Им очень трудно — многие на пределе.

Хотя бы потому, что знали другую жизнь и на нее рассчитывали: шли в подводники из-за престижа, яркой военной карьеры, больших зарплат.

...Жизнь, конечно, не кино и не книжка, и поэтому высокое в Рыбачьем отлично соседствует со смешным и очень даже бытовым.

- Послушайте, но так же жить нельзя, как ваш муж! Хоть иногда, но человек должен принадлежать самому себе! — это говорю я.

И Лариса Дикая, красавица-хохотушка родом из украинского Житомира, — женщина, пожертвовавшая своей судьбой, живущая впроголодь, и все это, ради исполнения долга ее мужем — весело и задиристо смеется мне в ответ:

— А мне лично очень нравится такой образ жизни. Зато я всегда знаю, где мой муж! Никуда от меня он не скроется! И никаких мук ревности!

Дикий в этот момент рядом с нами. Он смущенно улыбается, почти как школьник-подросток, которому объяснилась в любви первая школьная красавица. Капитан, оказывается, застенчив и краснеет. А мне хочется плакать... Я вижу и понимаю, что груз огромной ответственности, лежащей на командире ядерной подводной лодки, совершенно не совместим не только с бытом и образом жизни Дикого, но и с его возрастом и внешним видом.

Капитан первого ранга выглядит — особенно дома, без формы — ну совсем как мальчишка-отличник: худой и грустный. По московским меркам, где молодые люди созревают по-прежнему поздно, — это так и есть. Дикому — ведь только 34 года, напомним.

— А военной выслуги при этом у вас — уже 32 года! Да вы на пенсию можете спокойно идти.

— В общем, могу... — опять смущается капитан.

— Вы что же, в два годика пришли на флот? Объясните... Как дворянский сын, которого зачисляли в полк с рождения и к совершеннолетию у того уже был приличный стаж и погоны? — настаиваю я.

Алексей опять в ответ улыбается — видно, то, что он сейчас скажет, ему очень приятно. Действительно, отец капитана — морской офицер. Теперь, конечно, в отставке. А сам Алексей вырос в Севастополе, на черноморской военной базе.

— Что же касается 32-летней выслуги при 34 моих годах... — начинает.

Но его тут же прерывает бойкая жена:

— Это означает только одно — он всю службу провел на самом сложном участке, на подводном флоте, в непосредственной близости от реакторов и ядерного оружия. Год тут — за три.

— Вам не кажется, что только за это одно вас государство уже давно должно было озолотить? — не унимаюсь я. — Вам не обидно делить свой обед на троих? Будто вы — студент?

— Нет. Не обидно, — отвечает спокойно и уверенно. — Стучать кортиками о мостовую (*символ забастовочного движения в России.* — Прим. авт.) нам, подводникам, бессмысленно. В нашем закрытом городе все живут так же, как я. Мы выживаем, потому что помогаем выживать друг другу. Только и делаем, что постоянно занимаем-перезанимаем друг у друга денег и еды.

— Пришлют кому-то родственники посылку со съестным, тут же эта семья пир горой устраивает, — говорит Лариса. — Так и ходим по гостям, по кругу. Подкармливаемся. Так и живем.

— А вам родители тоже с Украины что-то присылают?

— Конечно. И тогда всех наших таких же голодных друзей кормим мы.

И — смеется...

И вправду: гвозди бы делать из этих людей, как писал один наш поэт...

Интересная вещь: проходят годы, от падения коммунистической партии нас отделяет уже очень много времени, а некоторые прошлые реалии остаются девственно нетронутыми. И первейшая из них — патологическое неуважение к людям. Причем в первую очередь к тем, кто трудится самоотверженно и истово, невзирая ни на что. К тем, кто по-настоящему влюблен в дело, которому служит. Власть так и не научилась говорить «спасибо» преданным стране людям. Работаешь? Что ж, работай дальше, пока не сдохнешь или не останется сил терпеть. И на этом фоне власть только и делает, что нагнетает день ото дня, переламывая лучших из лучших.

С настойчивостью маньяка делая ставку на худших?

Нет никаких сомнений, что коммунизм был полностью проигрышной лотереей для нашей страны. Но то, что сейчас, — тем паче.

...Разговор о высоком с капитаном Диким мы продолжаем на центральном пункте управления подлодкой «Вилючинск». Город, естественно, полностью закрыт для посторонних и любопытных. К засекреченным пирсам нет хода даже офицерским женам. Но для меня военная разведка неожиданно сделала исключение — и дала разрешение побывать на лодке у Дикого.

Хищный боевой нрав «Вилючинска» становится очевиден еще с берега. На корме, белым по черному, — впечатляющая графика: оскалившаяся акуля морда, и флотский художник явно переусердствовал в устрашении, пририсовал морскому страшилищу зубов столько, сколько вряд ли встречается в природе. Акулье изображение на корме «Вилючинска» не случайно — от рождения лодка

называлась просто «Касаткой» и была переименована совсем недавно. Почему, никто из офицеров не понимает, но говорит:

— Пусть будет так.

Ознакомительная прогулка по «Вилючинску» убеждает в главном — в том, ради чего, собственно, меня, наверное, сюда и пустили. Я брожу рядом с жерлом очень страшного вулкана, который, не дай бог, раскочегарить не так, как положено. Реактор плюс ракеты — гремучая смесь! Сверхнапичканность лодки ядерным оружием в условиях системного экономического кризиса и находящейся в смятении армии — ну что может быть еще страшнее?..

По ходу экскурсии Дикий продолжает настаивать на своем — а в идеологии он явный педант: служба не терпит никаких компромиссов, что бы вокруг ни происходило. Он категорически отвергает так называемую «идею преступного приказа», которая начиная с 1991 года упорно гуляет по частям и соединениям. И говорит: если только дашь слабину, не выполнишь всего одну инструкцию или приказ, который на свой страх и риск считаешь глупым или не ко времени, как тут же все начнет обваливаться — сработает принцип домино. Поскольку армия — это та же пирамида, где допускать «домино» никак невозможно.

Любопытное наблюдение: и Дикий, и остальные участвующие в нашем разговоре — а это все боевые офицеры, мундиры которых украшают наградные колодки за героические многомесячные подводные походы, — эти люди четко разделяют два понятия. Есть Родина, которой они служат. И есть Москва, с которой они в конфронтации. И говорят — это два разных государства: Россия и ее столица.

Офицеры откровенны: все, что творится в управлении Вооруженными силами, им непонятно взглядом с Камчатки. Почему Минобороны упорно не оплачивает ремонт атомного подводного флота, прекрасно зная, что своими силами произвести его на месте не только невозможно, но и категорически запрещено?

Почему безжалостно списывают 10-14-летние лодки, которым еще ходить и ходить? Зачем, в конце концов, планомерно превращать в сущее решето свой собственный ядерный щит, который создавался усилиями всего народа? Причем теперь, когда реальная угроза с моря существует: прежде всего, она состоит в постоянном присутствии рядом с российской территорией большого числа китайских атомных подводных лодок?!

В путешествии по «Вилючинску» меня сопровождает не только Дикий, но и самый главный тут человек — вице-адмирал Камчатки Валерий Дорогин (*недавно он расстался с военной карьерой и стал депутатом Государственной Думы.* — Прим. авт.). Дорогин — командующий группировкой сил и войск на северо-востоке страны.

Свои вопросы, ничуть не стесняясь старшего по званию вице-адмирала, офицеры задают прямо в его присутствии. Не чувствуется никакой иерархической давленности или особого барьера чиновничества, присущего военной среде.

Во многом это так потому, что Дорогин — плоть от плоти Рыбачьего. Скрывать друг от друга офицерам и командующему нечего — Дорогин отслужил здесь же, в закрытом военном городке, почти 20 лет. Долгое время был, как и Дикий, командиром на атомной подводной лодке. А теперь в Рыбачьем служит его старший сын Денис Дорогин. И так же, как все, по утрам идет пешком на пирс. И так же, как все, наблюдает развал. И так же, как все, сидит без средств к существованию. И ждет, когда кто-нибудь подкормит...

Группировка сил и войск на северо-востоке, куда, помимо Камчатки, входят Чукотка и Магаданская область, возродилась как структурное образование в связи с тотальными сокращениями в Вооруженных силах. Подобные воинские образования существовали до революции 1917 года и потом, при большевиках, в 30-е годы.

В группировке какой-то род войск, конечно, должен доминировать. На Камчатке — по месту нахождения ядерного щита, это, понятно, моряки-подводники. А потому командовать над остальными поставили вице-адмирала. Так под его началом оказались сухопутные силы и береговые войска, а также авиация и противовоздушная оборона. Сначала там были заметны недовольные, и наблюдалось брожение умов, но потом все вроде бы успокоилось. Во многом это заслуга лично Дорогина — он местная камчатская легенда.

Вице-адмирал на флоте провел 33 года. А полная военная выслуга составляет у него 48 лет — потому что только на подводных лодках он отслужил 21 год.

Впрочем, легенда о Дорогине базируется не на его боевом прошлом. Ее основа — настоящее. Живет он в Петропавловске-Камчатском, до недавних пор его заработная плата — заработная плата человека, который отвечает за военную обстановку на огромной территории и является вторым человеком после губернаторов сразу трех крупнейших областей России, — 3600 рублей. Чуть больше ста долларов...

Реально, как у нас говорят — на руки, вместе с пенсией, которую Дорогин давно заработал, у вице-адмирала набегает до 5 тысяч рублей за месяц. Для сравнения — водитель городского автобуса в Петропавловске-Камчатском получает в месяц 6 тысяч...

Живет Дорогин в служебной квартире на улице Морской. И там точно так же, как у остальных офицеров, нет горячей воды. Холодно, ветрено, неуютно.

— Ну, так купите простейший водонагреватель!

— Не на что. Получим деньги — купим.

Дороже всего остального у Дорогина — репутация. Основа жизни — аскеза. Квартира, конечно, не пустая, но никак не адмиральская. Самые ценные вещи сосредоточены в кабинете вице-адмирала. Это — морские вещички со списанных кораблей, некогда служивших на Дальнем Востоке. Главное увлечение жизни — военно-морская история.

— А как же загородный дом? Дача? Нет же в России адмиралов без адмиральских дач! Не поверю, что у вас ее нет...

— Есть, конечно, — отвечает Дорогин. — Но ох уж эта дача! Завтра поедем посмотреть. А то не поверите.

Завтра наступает, и я вижу клочок земли, где посажены картошка и огурцы, на окраине Петропавловска-Камчатского — этими овощами будет питаться адмиральская семья зимой. На кирпичиках посреди огорода стоит железный вагончик — списанная рабочая бытовка. В общем-то, позор — исходя из столичных представлений об уровне жизни военачальников.

Но Камчатка — не Москва. Тут все проще и потому добрее. Рыбаки подарили мне мешок с только что выловленной красной рыбой — кижучем. Я отдала мешок Галине, жене вице-адмирала, — мне готовить рыбу негде. При этом испытывала неудобство — думала, наверное, у жены военного начальника Камчатки такой красной рыбы видимо-невидимо, потоком домой несут!

Но случилось странное: Галина была так благодарна, что расплакалась. В ее бедной жизни красная рыба — большое богатство. И ужин Галина приготовила, и гостей сумела принять, и заготовки — соленья из рыбы сделала. К тому же удача улыбнулась! В нескольких рыбинах и вовсе оказалось «золото» — красная икра.

Галина Дорогина рассказывает, что хоть и прожили они, жены старших офицеров, тут, на Камчатке, всю жизнь, а ничего экзотически-камчатского, по сути, не видели.

— Вся жизнь прошла в сборах, походах, кратких встречах и долгих проходах, — говорит.

Галина, тем не менее, ни о чем сегодня не жалеет, в том числе и о своих фактически загубленных годах.

— Знаете, а если серьезно, то ничего, в общем-то, не изменилось для офицерских жен. Если 20 лет назад я целый день должна была стоять в очереди за десятком яиц, и мне писали номер этой очереди на ладошке, и нам тоже было голодно и холодно. То же и теперь — с одной лишь разницей, что совсем нет денег, яйца в магазине есть, но у офицеров нет денег, чтобы их купить.

Мышление ее мужа, вице-адмирала Дорогина, — идеологический конгломерат всего со всем. Сплав коммунизма с капитализмом. Наверное, по-другому и быть не может, когда человеку больше пятидесяти лет, почти всю жизнь он провел в условиях Советского Союза, был комсомольцем и коммунистом, а теперь живет в рыночных реалиях. И с этой стороны Дорогин, безусловно, — носитель прошлых взглядов, старой идеологии, ушедшей вроде бы в небытие вместе с СССР. Но, с другой стороны, вице-адмирал вполне понимает демократические устремления и почему они стали необходимы.

Но в каком из этих двух измерений и идеологических полюсов действительно располагается его душа и чувствует себя уютно? Это понять трудно. Но попробую.

Дорогин на Камчатке отвечает за все — от подводных лодок до состояния Музея боевой славы. Вот лишь один эпизод из жизни. В составе группировки — 22-я Чапаевская мотострелковая дивизия. Чапаевская — потому что эта та самая, которую в 1918 году сформировал в Поволжье сам Василий Иванович Чапаев, герой Гражданской войны. Где воевала его подруга, большевичка Анка, героиня сотен анекдотов.

После Второй мировой войны Чапаевскую дивизию перебазировали на Дальний Восток, и теперь она известна на Камчатке тем, что в 1-й ее роте имеется кровать Ильича. Действительно, солдатская кровать имени Владимира Ильича Ленина, вождя мирового пролетариата. С 1922 года Владимир Ильич — почетный красноармеец Чапаевской дивизии, и, значит, ему положено койко-место. Так с 1922 года повелось, что, куда бы дивизия ни передислоцировалась, кровать Ильича путешествовала вместе со всеми военными обозами.

И сегодня эта кровать красуется на видном месте в казарме. Аккуратно застелена, по стенам — уголок Ленина с рисунками на тему «Как Володя был хорошим учеником». На все это хозяйство заведен исторический формуляр, который хранится в секретной части Чапаевской дивизии.

Командир 1-й роты капитан Игорь Шаповал, 26 лет от роду, считает, что присутствие ленинского духа подтягивает солдат, не дает им распуститься.

— Вы серьезно?

— Да. Вот они видят аккуратно застеленную кровать, и сами стремятся к тому же.

Мне, например, смешно, но я оглядываюсь и понимаю, что в высоком идеологическом предназначении «кроватьки Ильича» точно так же, как капитан Шаповал, убежден и вице-адмирал Дорогин.

Сначала у солдат-новобранцев недоумение, а потом — уважение, — говорит Дорогин. — Когда в Москве победила демократия, кровать Ильича пытались свергнуть на Камчатке. Но нам все-таки удалось ее отстоять. Не то что у вас — памятник Дзержинскому на Лубянке.

Дорогин уверен, что ничего не надо искусственно менять — история ровно такая, как она есть, и не надо было иметь слишком много ума, чтобы снести

памятник Дзержинскому. И еще он уверен, что раз мемориальный ленинский уголок установили в Чапаевской дивизии специальным решением Совета народных комиссаров, то требуется, по крайней мере, постановление российского правительства, подписанное премьер-министром, дабы кровать отправили в утиль.

Мы говорим о том, на каком примере на Камчатке воспитывать солдат сейчас. Точка зрения нынешнего командира Чапаевской дивизии подполковника Валерия Олейникова:

На примере тех, кто воевал в Чечне и Афганистане.

Предыдущий командир 1-й «ленинской» роты как раз «чеченец» — тогда старший лейтенант Юрий Бучнев получил Героя России за бои в Грозном.

Мы продолжаем говорить о примерах дальше. Воспитание Чечней вряд ли может быть положительным... Дорогин в дискуссию не вступает — помалкивает. И, слава Богу, Дорогин — высший офицер, он служит стране, и его политические взгляды, по большому счету, никому не интересны. Поэтому Дорогин и не старается их высказывать. А вот о будущем размышляет охотно — идеология идеологией, а сокращение в войсках идет. Офицеры чувствуют себя как на пороховой бочке.

— Мы готовы, что государство в любой момент может расправиться с теми, кто верно ему служил, — считает начальник штаба дивизии Александр Шевченко. И остальные офицеры согласны с ним, и Дорогин тоже. Ни у кого из претендентов на увольнение нет приличных чину и званию гражданских специальностей и, конечно, нет жилья. Уйдут из армии — лишатся угла, потому что сейчас все живут в служебных квартирах. Игорь Шаповал — инженер по эксплуатации колесной и гусеничной военной техники. Шевченко — мастер по холодной обработке металлов. Так что после офицерства — путь им чинить тракторы. И в ларьки металлоремонта — ключи гражданам точить. Шевченко

дорожку частного предпринимательства уже протоптал — два года из трех, что учился в Москве в Артиллерийской академии, подрабатывал сторожем в цветочном подвале сутки через трое в связке с другими слушателями-офицерами.

В Москве, считают на Камчатке, в Министерстве обороны, не понимают, что офицер в принципе должен заниматься только одним своим военным делом и не размениваться на «левую» работу.

— В наших условиях втянуть человека в незаконные действия проще простого, — говорит вице-адмирал. — Мне тоже предлагали 2 тысячи долларов в конверте. Это был человек, которого прислал мой друг. Он облек взятку в приличную форму: «Тебе же нужны деньги на лечение жены». И действительно, в тот момент это было именно так. От меня требовалось, чтобы я завизировал договор на не выгодных для армии условиях о продаже списанной латуни. Не по 700 долларов за тонну, а по 450. Собственно, моя подпись была последней в ряду других военных руководителей. Я бы мог человека с конвертом просто выгнать, но я позвал прокурора. Думал, может, другим будет пример. И они не будут брать взятки.

Конечно, Дорогин — в каком-то смысле ходячая добродетель. Он, как и многие другие офицеры, служит не за деньги, а за интерес. Такие тут, на краю земли, только и остались — очень сильные духом. Всех остальных страна растеряла на той дороге, которой идет. Увы.

Насколько хватит терпения таким людям, как Дикий и Дорогин, тоже не знает никто. В том числе и они сами — флот сегодня держится на старшем и среднем поколении морских офицеров. Младших почти нет — не приезжают сюда. А если и приезжают, не могут смириться с тем, что им выпало отдавать все силы службе, а взамен ничего не получать. Тогда с кем останется флот еще через какое-то время?

— Патриотизм? — цинично улыбается молодой капитан второго ранга из Рыбачьего, офицер с подводной лодки «Омск». — Патриотизм — это то, что тоже стоит денег. И пора прекращать эту ерунду — игру в бессребренничество. На ноги становиться надо, а не болтаться по жизни, как Дикий. Он — командир, а все в дешевых кроссовках, и пьет такой же дешевый коньяк. То, что сейчас творится на флоте, — беспредел. И на это надо отвечать беспределом.

— А что это значит — отвечать беспределом?

Под «ответным беспределом» молодой офицер понимает способ выживания, когда все средства хороши. Он говорит, что все его ровесники потихоньку торгуют из-под полы чем могут. И еще в зависимости от того, у кого какие личные связи.

— Мне, например, — говорит он гордо, — рыбу и икру уже приносят домой. А еще два года назад я ее на ворованный спирт менял, и меня за это не уважали...

— Материальное обеспечение становится для молодых офицеров главным в нашей службе, — грустит вице-адмирал Дорогин. По его мнению, мысли об «ответном беспределе» для любого, состоящего на военной службе, так же смертельны, как обсуждение приказа командира.

Часть 3.

Бабушки и «новые русские»

Две бабушки — Мария Васильевна Савина, бывшая передовая доярка, и Зинаида Васильевна Феношина, такая же передовая в прошлом телятница, стояли посреди леса, гневно трясли задранными вверх палками в адрес вовсю рыкающего бульдозера и кричали на всю округу что есть мочи:

— Вон отсюда, вон! Да сколько же это будет продолжаться!

Из-за старинных деревьев объявились хмурые охранники, встали кругом — мол, уходите по-хорошему, ведь можем и стрельбу начать, — и Николай Лаврентьевич Абрамов, ветеринар на пенсии, а теперь сельский староста, заваривший всю эту кашу, развел руками:

— Это чтобы нас же с нашей земли... Ничего не остается — будем стоять насмерть.

Арена боевых действий — окраина поселка Первомайское Наро-Фоминского района Московской области. Эпицентр событий — охраняемая государством территория бывшей усадьбы помещиков Бергов, возведенной в 1904 году, а сейчас — памятника природы и культуры.

Немного успокоившись, старики грустно качают головами:

— Вот в «зеленые» на старости лет записались. А куда деваться? Только мы сами можем отвоевать свой парк у этой нечисти. Больше никому.

«Нечистью» они называют «новых русских», нанявших безжалостных рабочих-варваров для возведения 34 домов прямо там, где почти сто лет стоял старинный берговский лесопарк. Мария Васильевна и Зинаида Васильевна — члены специальной экологической группы, созданной сельским сходом Первомайского для организации активной защиты от губителей окружающей среды.

Мало обращая внимания на «зеленых» активистов, среди ценнейших вековых деревьев продолжают с ревом рулить грузовики и рычать тракторы. Час — и вот уже и просека прорублена. Тут будет центральный «проспект» будущего коттеджного поселка. Повсюду валяются трубы, арматура, бетонные плиты. Строительные работы — в самом разгаре, и, действительно, ведутся они самым жестоким для природы образом. Уже пошло под нож 130 кубометров элитных пород леса. Куда ни глянь, кедры и ели с зарубками — это значит, они

приготовлены «на убой». Техника нагло курочит окружающую среду, выворачивает с глубины пласты глины, безжалостно упрятавая вглубь десятилетиями складывающуюся экосистему подлеска.

— Вы слышали о веймутовой сосне? — спрашивает Татьяна Дуденус, глава экологической группы, научный сотрудник одного из подмосковных медицинских институтов. — На территории нашего реликтового лесопарка росло пять ее экземпляров, и они были единственными на все Подмосковье — помещики Берги увлекались разведением редких сортов деревьев. Сейчас спилены уже три таких веймутовых сосны — просто потому, что именно там, где они росли, застройщики захотели проложить улицу нового поселка!.. В опасности и другие ценные виды — сибирская пихта и лиственница, белый тополь, западная туя (единственный экземпляр в Московской области)... Только за три дня мы лишились почти 60 деревьев. Ладно бы уничтожали не лучшие экземпляры или болеющие! Но принцип у них иной — наметили построить дорогу там, где удобно, — все вырубил. Решили возводить коттедж там, где хочется, — сделали поляну. Невзирая на ценность уничтожаемых деревьев. При этом все, что здесь растет, — это леса так называемой первой группы. Трогать их запрещено законом. Чтобы добиться права на вырубку, необходимо доказать «исключительность обстоятельств» и подкрепить их заключением государственной экологической экспертизы. А дальше по каждому такому гектару должно существовать специальное решение федерального правительства.

Когда решалась судьба лесопарка Берга, ничего этого сделано не было. И сельские «зеленые» подали иски в Наро-Фоминский суд — чтобы найти управу на наглых нуворишей и чтобы еще до начала разбирательства судья Елена Голубева, получившая вести это дело, хотя бы приостановила строительные работы. Иначе, зачем потом — после вырубки — положительное решение?

Однако сейчас в России — время олигархов. Все ветви власти понимают только язык их шуршащих денежных знаков. Судья даже и не подумала остановить

строительные работы в Первомайском, а потом, когда они начались, намеренно не назначала заседания...

Все ценное и вырубил...

...Из толпы охранников выделяется Валерий Кулаковский. Он — заместитель руководителя предприятия «Промжилстрой». Это предприятие еще называет себя кооперативом индивидуальных застройщиков. Кулаковский советует не связываться — говорит, что тут задействованы интересы весьма влиятельных людей из Москвы — они тут будут жить. Что быстро подтверждается — как оказалось, «кооператив» сумел получить берговские гектары (по закону — «национальное достояние») в собственность! И это совершенно не соответствует действующему законодательству.

Впрочем, на пламенные речи экологов Кулаковский лишь разводит руками, пытаясь объяснить и свою позицию:

— Мы очень устали от постоянных митингов жителей поселка. Но что мне теперь прикажете делать, если я уже столько денег сюда вбухал, землю купил, строюсь... Кто мне все вернет?

Кулаковский говорит: они тоже отступать не собираются.

И не отступили. Берговский лесопарк существовать перестал. Победил тот, у кого больше прав. Кулак — основа нынешней российской власти. Ее опора — олигархи. Остальные — пыль под ногами. Или — под гусеницами тракторов... Вырубка лучших лесов в пользу олигархов и их компаний идет по всей стране. Под то, что хотят олигархи, принимаются правительственные постановления, нарушаются законы, произносят речи лучшие адвокаты страны.

Незадолго до того, когда «зеленые» бабушки держали отчаянную оборону вокруг своего старинного лесопарка, в Верховном суде России в Москве

принципиально решался все тот же вопрос — правда, во всероссийском масштабе. Там рассматривалось так называемое «лесное дело».

— Помните об интересах собственников — земля ими уже освоена, дома построены! А вы хотите все вернуть обратно... — говорил в Верховном суде, почти точно повторяя главную идею Кулаковского, адвокат.

Позиция экологов-юристов Ольги Алексеевой и Веры Мищенко, которые защищали интересы всего общества против капризов «новых русских», была иная:

— Право на жизнь и собственное национальное достояние — у ВСЕХ граждан страны. И чье-то личное право на собственность с этим несоизмеримо! Если мы — граждане России, то обязаны сегодня заботиться о том, чтобы следующим поколениям досталось, по крайней мере, не меньше, чем нынешним. Да и можно ли вообще всерьез размышлять о правах на собственность, полученную незаконным путем?..

Суть «лесного» дела такова: российские экологи, ведомые инициатором судебного процесса — столичным Институтом эколого-правовых проблем «Экоюрис», потребовали отмены 22 распоряжений кабинета министров, в соответствии с которыми происходил так называемый «перевод лесов первой группы в нелесные земли», а попросту вырубка более 34 тысяч гектаров элитных лесов нашей страны.

Лесной фонд России делится на три группы. К первой отнесены особо значимые леса, как для людей, так и для всей природы — сверхценные породы, места обитания редких птиц и зверей, заповедники и парки, городские и пригородные «зеленые зоны». Поэтому, согласно Лесному кодексу РФ, первая группа признана национальным достоянием страны (берговский парк — из этого ряда).

Формальный инициатор аферы с «переводом» и последующей вырубкой — как ни странно, Федеральная служба лесного хозяйства РФ (Рослесхоз). Именно он имеет право подавать премьеру на подпись документы об изменении правового статуса лесов. Так вот, в тех 22 оспариваемых экологами распоряжениях отсутствовала положенная в подобных случаях государственная экологическая экспертиза, в результате чего национальное достояние стало заложником сиюминутных интересов — на месте порубок выстроены автозаправочные станции, гаражи, промбазы, мелкооптовые рынки, полигоны бытовых отходов и, конечно, коттеджные поселки.

Экологи считают, что последний вариант — даже лучший из всех возможных. Однако только в том случае, если люди стремятся быть бережными к великолепному лесу, окружающему их дома, а не рубят их под корень ради удобства прокладки канализации...

Пока длилось «лесное» дело и судьи никуда не спешили, еще почти 950 гектаров элитных лесов были «приговорены» к ликвидации — в соответствии с новыми распоряжениями председателя правительства. Самые большие потери понесли Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, где деревья уничтожали для удобства нефтегазовых компаний. Среди пострадавших — и Московская область. То, что происходило в Наро-Фоминском районе — прямой итог намеренной судебной волокиты.

Пока «контора писала» и никто не брал на себя смелость поставить законную точку, борьба за леса приобрела жестокие формы. В Первомайском, например, пролилась кровь. Когда экологическая группа по просьбе прокуратуры отправилась снимать на видеокамеру результаты варварской деятельности строителей, к месту событий были стянуты усиленные наряды милиции. Началась драка, камера была разбита, экологов побили... А ведь они — старики...

— Мы, конечно, не хотим воевать. Но нам некуда деваться, — объясняет случившееся сельский староста Первомайского Николай Абрамов. — Усадьба —

последнее место в поселке, куда мы могли ходить гулять. Здесь обычно — и старики, и мамы с колясками. На территории находятся школа на 300 учеников и детский садик. Ведь все остальное вокруг уже застроено коттеджами новых русских.

Старики-экологи понимают, что воюют, прежде всего, с большими деньгами — такими, каких сами никогда не видели. Зато слышали — от собственного главы администрации Первомайского сельского округа Александра Захарова. На сельском сходе он прямо так и заявил людям, что слишком большие деньги задействованы, чтобы была возможность отступить. Вот что написал глава Экологического союза Московской области Игорь Куликов областному прокурору Михаилу Авдюкову: «Глава администрации публично заявил членам экологической группы, избранной сходом, что их адреса и фамилии он передал мафии, которая с ними расправится, если они не прекратят свою общественную деятельность».

Александр Захаров — без сомнения, одна из центральных фигур в этой некрасивой истории. Будь он тверд — ни один дачник не вступил бы на территорию берговской усадьбы. Ведь под документами, в конечном счете позволившими вырубку лесопарка в Первомайском вопреки и закону, и решению сельского схода, стоит именно его подпись.

Схема тут известная: сначала наверх, в Москву, идут бумаги с просьбой «перевести лесные земли в нелесные в лесах первой группы», потом, через некоторое время, они оформляются в распоряжение, ожидающее подписи премьера. Ну а позже конкретную вырубку во исполнение распоряжения главы кабинета министров уже позволяют местное лесничество и глава сельской администрации. То бишь — Захаров.

Законы у нас в России, в общем-то, хорошие — но вот жить по ним желающих немного. И поэтому берговский лесопарк свое вековое существование

прекратил. Скромная сельская экологическая группа не добилась ничего, и единственное, что теперь может: это водить хороводы вокруг пеньков.

«Норд-Ост». Новейшая история уничтожения

8 февраля 2003 года. Москва, 1-я Дубровская улица – известная теперь всему миру просто как Дубровка. В театральном здании, изображения которого только за три месяца до этого обошли все газеты, журналы и телеканалы мира, – бурный праздничный аншлаг. Фраки, вечерние платья, в сборе весь политический бомонд, охи, вздохи, поцелуи, объятия, члены правительства, депутаты, лидеры парламентских фракций и партий, роскошный фуршет...

Отмечают окончательную победу над «международным терроризмом» в нашей отдельно взятой столице – пропутинские политики уверяют, что победой является реанимация мюзикла «Норд-Ост» на террористических руинах. А 8 февраля - первое его представление после того, как 23 октября 2002 года, во время очередного вечернего спектакля, никем не охраняемое здание вместе с артистами и зрителями захватили и удерживали 57 часов несколько десятков террористов, прибывших из Чечни, чтобы таким образом принудить президента Путина к остановке второй чеченской войны и выводу войск из республики.

Не принудили. Никто ничего не вывел. Война как продолжалась, так и продолжается – без перерывов на сомнения в правильности ее методов. Изменилось только одно: ранним утром 26 октября произошла газовая атака против всех находившихся в здании людей (около восьмисот человек); и террористов, и заложников, применили засекреченный военный газ, тип которого, а значит, и свойства – теперь это уже точно известно - выбирал лично президент, и за газовой атакой последовал штурм силами специальных антитеррористических подразделений, в ходе которого все без исключения захватчики были ликвидированы вместе с еще почти двумя сотнями заложников, многие умерли без всякой медицинской помощи (тип газа засекретили даже от врачей, которые

должны были спасать), но уже 26-го к вечеру президент не моргнув глазом объявил, что это победа России над «силами международного терроризма»...

...8 февраля на празднике о многочисленных жертвах этого «спасения»-уничтожения почти не вспоминали – в обществе уже очень заметно опрошение нравов, насаждаемое нынешним президентом. Просто гремела типичная модная московская тусовка, когда многие, казалось, вскоре забыли, по какому поводу поднимают бокалы. Пели, плясали, ели, было много пьяных и говорили большие глупости, тем более циничные, что дело происходило прямо на братской могиле, даром что реконструированной ударными темпами. Все члены семей погибших в «Норд-Осте» заложников прийти на праздник категорически отказались, посчитав это кощунством. Президент тоже быть не смог, но прислал поздравительный адрес.

С чем поздравил? С тем, что никто нас не сломит. Адрес был выдержан в типичной советской риторике и сталинских подходах: людей, конечно, жалко, но интересы общества выше... Продюсеры горячо поблагодарили президента за понимание их коммерческих проблем и признались, что «зрители не пожалеют», если придут - мюзикл получил «новое творческое дыхание»...

Дальше – об обратной стороне этой медали. О тех, жизнями которых президент упрочил свое членство в международной антитеррористической коалиции, еще раз самоутвердившись. О том, как живут те, чью жизнь «Норд-Ост» не вдохновил, а, напротив, раскрошил и разломил. На «до» и «после». А также о тех, чью жизнь, единственную и неповторимую, он сломал навсегда. О жертвах, о которых наша нынешняя государственная машина старается забыть как можно скорее, и нас к этому всеми силами склоняет. Об этнических чистках после теракта. **О новой государственной идеологии, смертельно опасной для человека.** Путин говорил о ней неоднократно. И в его исполнении она звучит так: за ценой мы не постоим, не ждите. Даже если цена будет очень большой.

История первая.

Пятый

Московский мальчик Ярослав Фадеев - № 1 в официальном списке погибших при штурме. Как известно, государственная версия теракта такова: те четверо из заложников, которые скончались от огнестрельных ранений, были застрелены террористами, и только террористами, а штурмовавший театр спецназ ФСБ, родной службы Путина, не ошибается, и поэтому никого из заложников не убил.

Однако от фактов никуда не деться: в голове у Ярослава пуля, но при этом он не входит в официальный список «четверых, застреленных террористами», Ярослав – пятый с пулей. В графе «причина смерти» в официальной справке о случившемся, выданной его маме Ирине для похорон, – прочерк. Просто пустое место.

...18 ноября 2002 года Ярославу, десятикласснику московской школы, исполнилось бы шестнадцать лет. Ожидался большой семейный праздник и подарки – как у всех. Однако, стоя над гробом теперь уже навсегда пятнадцатилетнего мальчика и прощаясь, его дедушка, – московский врач, сказал: «Ну что, так и не побрились мы с тобой ни разу?..».

...Они пошли на мюзикл вчетвером: две родные сестры, Ирина Владимировна Фадеева и Виктория Владимировна Кругликова, со своими детьми, Ярославом и Анастасией. Ира – мама Ярослава, Вика - 19-летней Насти. Ира, Вика и Настя выжили – а Ярослав, единственный Ирин сын, единственный Викин племянник и единственный Настин двоюродный брат, погиб. При обстоятельствах, юридически так и не выясненных.

После штурма и газовой атаки Ира, Вика и Настя попали в больницу – их вынесли без сознания, а вот Ярослав потерялся. Вообще. Он не значился ни в одном из списков. Какая-либо точная официальная информация отсутствовала полностью, «горячая линия», телефон которой власти объявили по телевизору и

радио, не функционировала, родственники заложников метались по Москве. Вместе со всеми были и друзья этой семьи, они прочесывали Москву, разбив ее морги и больницы на сектора проверки...

Наконец в «холодильнике» на Хользуновом переулке они нашли труп № 5714, внешне похожий на Ярослава. Но подтвердить, что это именно он, не смогли - в кармане его пиджака хоть и лежал паспорт на имя Фадеевой Ирины Владимировны, мамы, однако на страничке «дети» значилось совсем не то, что могло доказать, что это тот, кого они ищут: «муж. Фадеев Ярослав Олегович, 18.11.1988». А год рождения настоящего Ярослава - 1986-й...

- Когда мы находились ТАМ, - объяснит позже Ира, - я, действительно, положила сыну свой паспорт в карман брюк. На всякий случай. Потому что у него с собой не было никаких документов. Я рассуждала так: ростом он очень высокий, выглядит лет на восемнадцать, и я так боялась, что если бы чеченцы вдруг стали выпускать детей и подростков, то Ярослав в их число не попал из-за роста... И тогда, прямо в зале, тихонечко, опустившись под кресла, я сама вписала в свой же паспорт данные Ярослава, изменив год его рождения так, будто он подросток...

...Сергей, друг Ирины, приехал 27 октября к ней в больницу и сказал, что труп № 5714 найден - и о паспорте в брюках, и о схожести с Ярославом. Ира все поняла и сбежала из больницы – прямо через забор, в чем была, несмотря на мороз.

Дело в том, что выжившие заложники, перевезенные после штурма в больницы, и там оказались заложниками. По приказу спецслужб им было запрещено самостоятельно и по желанию уходить домой, они не имели права звонить и общаться с родными. Сергей проник в больницу, дав взятки всем, кто попадался на пути: медсестрам, охранникам, санитаркам, милиционерам, наша тотальная коррупция открывает даже наглухо задраенные двери.

И Ира сбежала... Из больницы - прямо в морг. Там ей показали фотографию на компьютере – она опознала Ярослава. Попросила привезти тело, тщательно

ощупала его - и нашла два пулевых отверстия на голове. Входное и выходное. Оба были заделаны воском. Но какая мать, даже на ощупь, не отличит воск от тела собственного сына?.. Сергей, сопровождавший Иру, был очень удивлен тем, что выглядела она совершенно спокойной, не рыдала, не билась в истерике – рассуждала здраво и без эмоций.

- Действительно, я была очень рада, что наконец нашла его, – рассказывает Ирина. - Я же, лежа в больнице, все к тому моменту уже передумала и все варианты перебрала. И своего поведения тоже - на случай гибели сына. В морге, поняв, что это действительно Ярослав, и, значит, моя жизнь закончилась, я просто делала то, как решила заранее. Спокойно попросила всех выйти из зала, куда привезли его тело из холодильника. Сказала, что хочу побыть с сыном наедине. Я так придумала специально. Ведь перед смертью я сыну кое-что пообещала... Когда мы ТАМ сидели, он мне сказал в конце последних суток, ночью, за несколько часов до газа: «Мам, я, наверное, не выдержу, уже сил нет... Мам, если что случится, как все ЭТО будет?». А я ему ответила: «Не бойся ничего. Мы и здесь вместе всегда были, и там будем вместе...». А он мне: «Мам, а как я тебя там узнаю?». И я ему: «Так я же тебя за руку держу все время, вот и попадем туда вместе, держась за руки. Не потеряемся. Ты только не разжимай руку, держи меня крепко...». И что же в итоге получилось? Что я его обманула! А ведь мы никогда в жизни не разлучались. Никогда. Я поэтому и была так спокойна: и здесь, живые, были вдвоем, и там, мертвые, окажемся вдвоем... И вот когда я осталась с ним одна в морге, я ему сказала: «Ну вот, не волнуйся, я тебя нашла, и я к тебе сейчас успею». Никогда такого не было, чтобы мы в жизни разлучались, и я ему врала. Всегда и везде вместе. Вот почему я была так спокойна тогда... Я вышла через боковую дверь, чтобы не встретиться с друзьями, которые меня ждали, и попросила служителей выпустить через черный ход. Оказавшись на улице, поймала попутную машину, доехала до ближайшего моста через Москва-реку и прыгнула с него в воду. Но... Даже не утонула. Там были льдины - а я попала мимо льдин. Плавать не умею – а вода держит. Понимаю, что не тону, и думаю: «Ну, хоть бы ногу свело судорогой», - но и этого не произошло. И люди, как назло, подоспели и

вытащили... Спросили: «Откуда ты? Что ты тут плаваешь?». А я им говорю: «Я из морга. Но не сдавайте меня никуда». Дала телефон, по которому позвонить, и за мной приехал Сергей... Я, конечно, держусь изо всех сил, но я мертвая. Я не знаю, как он там без меня.

...Очнувшись 26-го, после штурма, уже в больнице, Ира поняла, что лежит под одеялом абсолютно голая. Все остальные заложницы рядом - в своей одежде, а она – нет, только иконка зажата в руке. Когда смогла говорить, то стала просить у медсестер вернуть ей хоть что-то из ее одежды, но те объяснили: все, в чем ее привезли из «Норд-Оста», по приказу сотрудников спецслужб уничтожено, так как было залито кровью.

Но почему?.. И чья это кровь? И откуда она, если официально там был только газ? А отключилась Ира, сжимая сына в объятиях?.. И значит, тот, чья кровь, был расстрелян так, что кровь не могла не хлынуть на нее... Значит, это кровь Ярослава!

- Эта последняя ночь сначала была беспокойная, - вспоминает Ира. – Террористы нервничали. Но потом «Моцарт» (так мы его звали) - Мовсар Бараев, их главный, объявил, что до 11 утра сидите спокойно, появилась надежда. Чеченцы стали разбрасывать соки. Они их нам кидали. Не разрешали вставать с места, а если кому что-то требовалось, следовало поднять руку. И тогда тебе кидали сок или воду. Когда начался штурм, и мы увидели, как террористы забегали по сцене, я сказала сестре: «Прикрой Настю курткой», - а сама крепко обняла Ярослава. Я, в общем-то, не поняла, что пошел газ, - я просто увидела, как террористы занервничали. Ярослав был выше меня, и поэтому получилось, что это он как бы меня накрыл собою, когда я его обняла... Потом отключилась... А уже в морге увидела: входное отверстие – именно с внешней от меня стороны. Выходит, я им закрылась. Пуля прошла через него и не попала в меня. Он спас меня... Хотя это я только и делала все 57 часов в заложниках, как мечтала его спасти.

Но чья была пуля?.. Террористов? Или «своя»?.. Проводилась ли баллистическая экспертиза? Каковы ее результаты?.. И брали ли кровь с одежды на биохимический анализ с целью установить, чья она?

Никому в семье так и не известны ответы на эти вопросы. Все материалы по делу строго засекречены. Даже от матери. В морге, в книге учета, хоть и было вписано, что причина смерти – «огнестрельное ранение», но запись была сделана карандашом. Позже и эту книгу засекретили, и теперь никто не знает, стерли карандашную запись или оставили... «Стерли, конечно», - уверена семья.

- Сначала я думала на одну из чеченок. Пока мы ТАМ сидели, - рассказывает Ира, - она была все время рядом с нами. Она видела, что я, чуть опасность, шум, крики - хватаю сына и крепко держу его. Я сама виновата, что привлекла ее внимание, и она зацепила нас взглядом. Все время за нами следила, как мне казалось. А однажды встала рядом и сказала мне, пристально смотря на Ярослава: «А вот мой остался там». То есть в Чечне. После этого ничего плохого с нами не произошло, но мне все время казалось, что отовсюду она следит за нами. Так что, может, она и выстрелила в Ярослава?.. Я и сейчас спать не могу: вижу ее глаза перед собой – узкую полоску лица.

...Позже друзья объяснят Ире: нет, это не так, входное отверстие на теле Ярослава, если судить по его размеру, - не от пистолета. А у чеченок ведь были только пистолеты.

И значит, вопрос тот же: все-таки, чья пуля? Кто ее выпустил?..

- Выходит, «наши», – говорит Ира. - Конечно, у нас были очень неудобные места... С точки зрения положения заложников – прямо у дверей. Нам не повезло... Кто входил, сразу же тут наш 11-й ряд. Когда в зал ворвались террористы, они первыми делом увидели именно нас. Но и когда «наши» появились, мы опять были первыми на дороге.

Впрочем, Ира может анализировать, что и как было, сколько ей угодно. Ее точка зрения и догадки власти не волнуют. Государственная установка: четверо «огнестрелов», и ни одним больше. Ярослав – пятый, значит, вне официальной линии. Поэтому в свидетельстве о смерти Ярослава – трусливая пустота на том месте, где должна быть указана «причина смерти». Собственно, Ярослав даже официально и не признан потерпевшим по уголовному делу № 229133 – это номер так называемого «дела «Норд-Оста», которое расследует следственная бригада Московской городской прокуратуры. Будто он и не был заложником...

- Меня убивает, что Ярослав жил, а теперь власти делают вид, что такого человека вовсе не было... – считает Ира.

Более того: как только Ира поделилась с некоторыми журналистами своими догадками, сомнениями и вопросами, ее тут же вызвали в прокуратуру, где ведут дело «Норд-Оста». Следователь был зол и начал с места в карьер: «Вы что это скандал устраиваете? Вы что, не знаете, что он НЕ МОЖЕТ быть с пулей?».

А дальше – хорошенько припугнул несчастную мать, и без того находящуюся в тяжелейшем моральном состоянии. «Или вы пишете сейчас заявление, что ничего журналистам не говорили и это они сами все придумали, и тогда мы привлекаем их к уголовной ответственности за клевету на спецслужбы – или мы разроем могилу вашего сына без вашего разрешения и проведем эксгумацию!»

Ира на подлый шантаж не поддавалась – заявления не написала. Попрошталась после четырехчасовой (!) «обработки» в прокуратуре и поехала напрямик на кладбище. Сторожить. Был поздний ноябрь – в Москве это самая настоящая зима. Ира пролежала на могиле, охраняя ее, несколько часов – думая, что вот-вот пожалуют мародеры из прокуратуры и потревожат покой Ярослава... И опять ее спасли от смерти друзья, стали искать по городу, когда ночью она не вернулась домой, – проверили, среди прочего, может, на могиле она...

...Ира верит: самое главное теперь, чтобы Ярослав услышал их и понял, как семья его ценит, и хотя жизнь у него не получилась и его настигла такая страшная смерть, он должен знать, что семья понимает, до какой степени мужественно он вел себя в последние часы, каким взрослым оказался, несмотря на неполные шестнадцать лет. Ведь мальчик слыл скромным и домашним, закончил музыкальную школу, пока другие ходили с пивом по улицам и тренировались в сквернословии... И очень страдал от этого - хотел быть «крутым», в понимании подростка, конечно, то есть решительным, смелым, стойким...

У него была одна важная тетрадка – дневник, из тех, что есть в его возрасте почти у каждого из нас, и там он отвечал на некоторые главные для себя вопросы. Ира прочитала тетрадку уже после «Норд-Оста». Например, такое: какие черты характера в себе тебе нравятся, а какие – нет? Ярослав написал: «Ненавижу, что я такой трус, стеснительный и нерешительный». Так вот, перед смертью все изменилось. «А чтобы ты хотел в себе воспитать?» - следующий вопрос. Ответ Ярослава: «Я хотел бы быть крутым». У него были в школе друзья, но это те ребята, которые в школе не считаются крутыми и девочкам не нравятся. Дома он себя еще мог проявить, был с юмором, смелый, решительный. А как на улицу – начинались проблемы.

- Но, видите, как себя проявил... Самым лучшим образом, – Говорит Ира.

Все обычно внутри человека. Человек часто просто не знает, как проявить себя, и нужно найти то место, где приложить свои силы, продемонстрировать их. А внутри про себя человек все знает... И Ярослав, конечно, знал... Ира теперь это понимает, но ей очень мешает недосказанность – что при жизни она, хоть и мать, но недосказала сыну, как восхищена им...

- Меня, например, считают сильным человеком, - рассказывает Вика, тетя Ярослава, тоже заложница. – Но ТАМ я очень растерялась. Мы, три женщины, оказались рядом с ним, самым младшим из нас, но именно он нас поддерживал, как совершенно взрослый мужчина, - а не мы его, ребенка. У дочки моей нервы совсем

сдали, она была сломлена и кричала: «Мама, я жить хочу, мама, я не хочу умирать...». А он был спокоен и мужествен, Настю успокаивал, нас поддерживал, пытался брать все на себя – как положено мужчине... Был, например, такой случай: одна из чеченок увидела, что мы детей между собой посадили, пытаемся сохранить... На случай штурма: если штурм начнется, думали с Ирой - их собой накроем. Чеченка тогда встала между нами, свою руку с гранатой положив прямо на Настино бедро. Я говорю: «Может, вы отойдете?», а она на Настю смотрит и произносит следующее: «Не бойся, раз я рядом стою, вам не больно будет, вы сразу умрете, а вот кто дальше сидит, тому будет больно...». Потом чеченка ушла, а Настя мне говорит: «Мам, пусть она останется с нами, попроси, она же сказала, что нам будет не больно». Настя была сломлена. Я-то понимала, что если чеченка стоит рядом, шанса вообще никакого, а без нее - хоть какой-то. Но если бы нужно было бы все повторить – еще столько же в страхе просидеть, чтобы всем остаться живыми, - просидели бы. В этой обстановке Ярослав сохранял спокойствие и разум. Это меня очень удивляло – он у нас считался маленьким в семье, ребенком... Еще был случай: нас террористы пугали, что если никто не придет на переговоры, то начнут расстреливать, и в первую очередь работников милиции и военнослужащих. Естественно, многие тогда повыбрасывали на пол военные билеты, но террористы их поднимали и со сцены выкрикивали фамилии. И вот звучит: «Виктория Владимировна, 1960-го года рождения...». Это я. У меня только фамилия другая – они выкрикали не мою. Ситуация была очень плохая, никто не отозвался, террористы стали искать по рядам, нашли меня. Ира говорит: «Мы пойдем вместе», - террористы требовали, чтобы сотрудники правоохранительных органов уходили с ними, и все думали, что на расстрел. Я Ире ответила, что кто-то из нас должен выжить - родители останутся совсем одни, ведь вся семья тут... Потом террористы нашли ту Викторину Владимировну, которую искали, но пока все было неясно, Ярослав пересел ко мне, взял за руку и говорит: «Тетя Вика, вы не бойтесь, если что, с вами пойду я, и простите меня за все, простите...». А я ему: «Да ты что... Все будет хорошо». Он закрыл меня и продолжал: «Тетя Вика, и не думайте, я до конца останусь с вами». Вел себя, как взрослый мужчина. Даже не знаю, откуда в нем такой дух взялся. Мы его маленьким считали...

Большую часть времени Ярослав-заложник молчал, и внешне был спокоен.

- А сердце у него колотилось очень сильно! – вспоминает Ира. - Мимо проходил врач – среди заложников были врачи, и им разрешали помогать нам, я его попросила что-нибудь от сильного сердцебиения. Ему дали таблетку, и вскоре все нормализовалось. Когда же штурм был уже близко, я ему таблетку глицина положила под язык – нашла в сумочке. Я еще потом много думала, что этой таблеткой он подавился и задохнулся.

- Ира, ты дала ему глицин часа за три до штурма... – мягко парирует Вика.

А Сергей вздыхает:

- Да у них ТАМ не было чувства времени...

Вика подхватывает:

- Страшно было, очень страшно. Они нам давали слушать по радио, что о нас говорят... Так мы поняли, что президент молчит, а Жириновский заявил, что нечего на этот теракт время в Думе тратить – обсуждать не надо, потому что все надувательство и в здании – не взрывчатка, а сахарный песок... А террористы нам: «Вот что о вас говорят... Ну, мы вам сейчас покажем, какой тут у нас сахарный песок...». Страшно было.

Когда первые сутки прожили, казалось, что мы можем и неделю здесь просидеть, только чтоб живыми остаться – и власти что-то придумали без штурма. Трудно нам было - сложно сохранять спокойствие... Но Ярослав выдержал - вел себя, как настоящий мужчина.

...Ирина жизнь сейчас полностью изменилась. Она не работает, уволилась по собственному желанию - не может каждый день ходить туда, где была раньше, при Ярославе. Потому что и на работе все – Ярослав. Там очень хороший коллектив,

все знали обо всех многое, и они, например, вместе справляли каждый сданный Ярославом экзамен, каждую полученную пятерку...

- Там все знали, что моя настоящая жизнь – это Ярослав. Моя жизнь была настолько им заполнена, что меня если и воспринимали, то только через него. – Ира, конечно, плачет. - Да и сама я себя так воспринимала. Только через него.

Сейчас она не может ходить и по Москве - все улочки тут исхожены вместе с сыном, и куда ни повернешь, везде воспоминания о нем.

- Еду по Арбату, и лучше бы провалиться... Там стояла с Ярославом, здесь ходили в кино, сидели после в кафе... Я теперь боюсь из дома выходить... Боюсь куда-то попасть, где мы были - а мы были с ним везде. Вернее, нет места в Москве, где я бы была не с ним. Мы часто ездили просто так: я подхватываю его на машине после работы, и мы просто включим музыку и едем по городу. Часто заходили в один магазинчик, что-то вкусненькое купить... Когда был день его шестнадцатилетия – без него уже, я заехала в этот магазинчик, - чтобы он знал, что я ему продолжаю покупать то, что он любит... Вот – билеты. На ночной поезд в Питер. В ночь на пятницу, с 25 на 26 октября, как раз когда он погиб, мы должны были ехать в Питер на теннисный турнир. Вдвоем. Я давно хотела с ним на поезде куда-то съездить, потому что у меня все время было чувство, что мы мало разговариваем. А в поезде, где мы только вдвоем, наговорились бы... Не получилось.

- А почему вы говорите, что не могли наговориться?

- Не знаю. Странное чувство: хоть и много говорили, все равно казалось именно так. Мне хотелось говорить и говорить с ним. Каждые каникулы куда-то ездили, и только вместе. В последнее время мне иногда казалось, что его тяготит моя любовь, он мне этого, конечно, не говорил, а с бабушкой, моей мамой, как-то поделился. Ему уже становилось многовато меня. А я теперь еду по Москве и вижу рекламный плакат у дороги: «Мама, я так тебя люблю». И мне эта реклама прямо в

глаза бьет... Я очень стараюсь жить, потому что у меня родители есть, и они очень тяжело переживают – они Ярослава растили. Но я не могу выжить... Я держусь из всех сил, но пока мертвая.

Ей все вокруг пытаются помочь, поддержать – она не обделена вниманием близких, но все равно очень тяжело. И даже священник, к которому она пошла облегчить душу, услышав все, не выдержал – отказался продолжать разговор: «Простите, но слишком тяжело».

- Я пошла спросить совета у священника, как же мне быть? Ведь это я Ярослава вытащила на «Норд-Ост» - моя была инициатива, он сам не очень хотел, – говорит Ира, на фотографиях до теракта – красивая, уверенная в себе, пышущая счастьем и, похоже, склонная к полноте очень молодая женщина, теперь – осунувшаяся, худенькая, с отчаянием в потухших глазах, далеко не юная, растерянная, всегда в черном пальто, черном берете, черных туфлях и колготках, вечно продрогшая, и потому никогда не снимающая в комнате пальто.

- Мы с Ярославом очень много ходили в театр. В этот вечер у нас были билеты на совсем другой спектакль в другом театре, – продолжает Ира. – Мы уже оделись, Вика с Настей зашли за нами, и тут, стоя в прихожей, мы поняли, что билеты просрочены – мы не проверили заранее, а они были на вчерашний день. Ярослав обрадовался – он хотел остаться дома, а я настояла: «Давайте пойдем на «Норд-Ост», рядышком!» - мы живем по соседству с Дубровкой. Вот так, потащила - а потом не закрыла собой... Он меня закрыл... А я ведь в школу даже ходила - защищать его друзей от хулиганов, когда кого-то обижали, – а его самого в последний миг не спасла. Страшно, когда для своего сына не можешь сделать главного. ТАМ я очень отчетливо поняла, что даже если встану и скажу: «Убейте меня вместо него», и меня даже убьют, это бы не означало, что его оставят в живых. Знаете, какой это ужас? Последнее, что он мне сказал: «Мам, я так хочу тебя запомнить, если что-то случится...». Посмотрел на меня внимательно и попрощался.

- Вы ТАМ постоянно такие разговоры вели?

- Нет. Но почему-то случилось так, что это и был наш последний разговор. Знаете, пока у меня был Ярослав, я вставала по утрам самой счастливой женщиной на свете. И засыпала с тем же чувством. Мне казалось даже: все вокруг завидуют, что у меня такой замечательный сын. У всех людей много проблем в жизни, и у меня, конечно, тоже. Но он закрывал все мои проблемы. Я думаю теперь, что нельзя было быть такой счастливой. Пятнадцать лет его жизни я была самой счастливой. Наверное, так я думаю теперь: эти пятнадцать лет его жизни, по интенсивности наших чувств – были предназначены на всю жизнь, а я их сразу спалила, подряд. Все дни с утра до вечера я была счастливой – потому что у меня есть Ярослав. Я каждый день сама себе завидовала. Иду с работы и сама понимаю, что меня прямо распирает от счастья, что он есть. Я его за руку возьму, хоть за пальчик схвачу, когда через дорогу перебегаем. А он стал взрослеть и мне говорил: «Ну, ты, мам, уж совсем». Он меня, конечно, уже начал немного стесняться – возраст был такой, но на самом деле, он меня никогда ничем не обидел. Конечно, я понимаю, каждая мама так может о своем сыне сказать, но моего ведь теперь нет... И я не знаю, что может быть страшней. И еще я не знаю, как он там без меня. Как я думала раньше? «Как мне повезло! Он родился, и я, наконец, получилась целая». И вот он погиб - и я одна: либо надо было нас обоих забирать - либо никого. Я без него еще не умею... Я такую счастливую жизнь рядом с ним прожила, и такой тяжкий конец ему устроила. И к шестнадцатилетию подарила ему могильную оградку.

Как же она плачет...

- Но это же не вы подарили...

- Война это... Война идет, – все повторяет и повторяет Вика. – Вот и по нам прошла...

И я понимаю, что это, конечно, очень частная жизнь передо мной – личная жизнь двоих - но перед смертью переходящая в общественную. Таковы обстоятельства в России: президент неумолим и ведет войну.

История вторая.

№ 2551 - «неизвестный»

Перед тем как рассказать эту историю – необходимая преамбула. Она – и о том, какая жизнь в стране после «Норд-Оста», и о состоянии российской судебной системы при Путине.

Дело в том, что суд никогда не был у нас особенно уж независимым, как это можно было бы ожидать, исходя из нашей Конституции. Однако именно теперь судебная система бодро мутирует в разряд абсолютно зависимой от исполнительной власти, достигая апогея своей «позвоночности». Таким словом у нас называют явление, когда судьи выносят решения «по звонкам» - в зависимости от того, какое решение продиктовали им по телефону представители исполнительной власти. «Позвоночность» - явление обыденное в России. А неожиданная независимость какого-то судьи-одиночки массовым сознанием причисляется к подвигу.

Жертвы «Норд-Оста», как их у нас теперь называют – то есть семьи, потерявшие при штурме родных, а также сами заложники, ставшие инвалидами в результате газовой атаки 26 октября – стали обращаться с судебными исками к государству о возмещении нанесенного им морального вреда, называя ответчиком московское правительство. Жертвы заявили, что они уверены: чиновники московского правительства, не желая ссориться с Путиным и ФСБ, просто-напросто не организовали оказание своевременной квалифицированной помощи пострадавшим, и их ответственность усугубляется еще и тем, что столичный мэр Юрий Лужков, глава исполнительной власти города, был одним из тех немногих персон, кто непосредственно склонял президента к принятию решения о применении химического оружия против граждан.

Первые иски поступили в Тверской межмуниципальный суд Москвы (районный, самый низший судебный уровень) в ноябре 2002 года. К моменту начала рассмотрения первых трех исков по существу – 17 января 2003 года, федеральной судьей Мариной Горбачевой, их было уже 61, сумма требуемой компенсации составила рублевый эквивалент 60 миллионов долларов, а истцы заявляли, что это цена «государственной лжи», потому что прежде всего они «хотят знать правду, почему погибли их близкие», правду, которую нигде не могут добиться, так как ФСБ засекретила все, связанное с октябрьским терактом. А так как затрагивалась ФСБ – служба, которую Путин, выходец из нее, опекает и патронирует, - подготовка к судебным слушаниям проходила на фоне оголтелой пропаганды, поднятой государственными СМИ против истцов. Власти публично обвиняли их в наглом мародерстве бюджета страны, в том, что они «хотят деньги пенсионеров и детей-сирот», и в том, что пытаются нажиться на смерти своих близких. На адвоката Игоря Трунова, согласившегося защищать «норд-остовцев» (на фоне того, что ВСЕ ЗНАМЕНИТЫЕ московские адвокаты, боясь гнева Кремля, ОТКАЗАЛИСЬ), - на Трунова в прессе вылили ушаты помоев, обвинив его во всех смертных грехах.

Короче, власти отбивались от «норд-остовских» исков нагло, с напором, со всем доступным им мощным пиаром.

Будто бы не они... А их... Убили.

В результате, 23 января судья Горбачева, как и положено нашим «позвоночным» судьям, оперевшись на подчеркнуто формальный предлог (в федеральном законе «О борьбе с терроризмом» якобы разночтения и противоречия в разных его статьях: судя по одной, можно считать, что государство не обязано возмещать ущерб жертвам терактов), - Горбачева отказала первым трем истцам в их требованиях. Да не просто отказала, а сделала это так же нагло, с напором и бессовестно, как и власти, которые ее об этом попросили, превратив заседания по «норд-остовским» искам в череду недопустимых оскорблений истцов и унижений их.

Вот как это было – короткие наброски с заседания 23 января, чтобы читатель понимал, как это бывает.

- Карпов, сядьте! Я сказала: сядьте!

- Я тоже хочу высту...

Судья Горбачева на полуслове, криком, перебивает истца Сергея Карпова - отца задохнувшегося от газа Александра Карпова, известного московского певца, поэта и переводчика:

- Сядьте, Карпов! Иначе удалю! Вы прогуляли стадию исследования документов...

- Я не прогулял! Мне же просто не прислали повестку!

- А я говорю: вы прогуляли! Сядьте! Или я вас удалю!

- Я хочу подать...

- Ничего я у вас не приму!

У судьи - истеричное лицо, пустые глаза и базарные интонации, срывающиеся на короткий каркающий клекот. Одновременно с криком в сторону истца она вычищает грязь из-под своих ногтей. Смотреть на это невыносимо. Но экзекуция Сергея Карпова продолжается:

- Карпов, больше не тяните руку!

- Я прошу, наконец, разъяснить мне мои права!

- Никто вам ничего разъяснять не будет!

Давно не метенный зал судебных заседаний полон народу. Журналисты, которым запрещено пользоваться диктофонами (почему, собственно? Какие госсекреты тут?). Жертвы с растерзанными душами – с ними и заговорить-то страшно, потому что почти сразу плачут. Их родные и друзья, пришедшие поддержать, если вдруг начнутся обмороки и сердечные приступы – но дама в судейской мантии продолжает взвинчивать атмосферу до сотого градуса хамства.

- Храмцова Вэ И, Храмцова И Эф, Храмцов! Есть реплики? Нет? – Судья именно так и зовет истцов, без затей: «Вэ И», «И Эф», «Тэ И»... Будто полуграмотная.

- Есть реплики, – отзывается высокий и худой молодой мужчина.

- Храмцов! Говорите! – Дама произносит это «говорите» тоном «вот вам рубль милостыни, и заткнитесь».

Александр Храмцов, похоронивший отца - артиста оркестра мюзикла, трубача, начинает говорить, и почти сразу в его голосе слезы:

- Мой папа объездил с оркестрами и выступлениями весь мир. Представлял всюду нашу страну и город. Потеря невосполнимая. Неужели вы этого не чувствуете? Это же вы проворонили террористов, вы - Москва. Они спокойно тут разгуливали. Да, за штурм вы, конечно, не отвечали. Но почему в 13-ю больницу привезли 400 человек, а там персонала – всего 50, и они не могли успеть подойти ко всем? Они умирали, не дождавшись помощи... И папа так умер...

У дамы в мантии, восседающей в судейском кресле, - совершенно отсутствующий вид. Нет и следа, что она слушает. И даже слова о причинах смерти музыканта Федора Храмцова ее не трогают. Она лениво перекладывает бумажки с места на место, чтобы хоть чем-то убить время, ей скучно и грустно, еще – изредка смотрит в окно, охорашивается, поправляет воротничок, опять краем глаза скользит по темному стеклу, почесывает ухо, наверное, сережка чешется.

А сын продолжает. Естественно, обернувшись к троице ответчиков за боковым столом – это «представители Москвы», сотрудники юридических управлений столичного правительства. А куда еще смотреть Александру Храмцову? Не на судью же, которая разглядывает свой маникюр?..

- Почему не допустили к зданию хотя бы студентов-медиков, если врачей не хватало? Хотя бы в автобусы, на которых перевозили заложников? Они бы присматривали за «нашими» по пути в больницы... Ведь они там умирали, потому что лежали навзничь!

- Храмцов! – перебивает Горбачева нервно, перехватив взгляд истца. – Куда это вы смотрите? На меня положено смотреть!

- Хорошо... – Александр поворачивает голову обратно в направлении судейского кресла. – Они ехали и задыхались... Ехали и задыхались...

Саша плачет. Да и как это все выдержать?

За его спиной плачет мать, Валентина Храмцова, – вдова трубача. Она, вся в черном, сидит на первом ряду, сразу за трибункой для свидетелей, где стоит Саша, – Горбачева не может не видеть ее. Рядом с Валентиной – Ольга Миловидова, уткнулась лицом в платок, ее плечи вздымаются вверх двумя островерхими горбиками, но она все-таки сдерживает рыдания, только чтобы не издать ни звука – все истцы знают: судью нельзя злить, иначе она вообще может всех выгнать, и надо будет стоять несколько часов за дверью, а это очень тяжело. Ольга – беременная на седьмом месяце, в «Норд-Осте» у нее погибла старшая четырнадцатилетняя дочка Нина, она была зрительницей – Ольга сама купила девочке билет, и та пошла 23 октября на «этот проклятый спектакль», как говорит сегодня Ольга. «Почему вы нас унижаете? - вскрикивает Татьяна Карпова, мать погибшего Александра Карпова и жена Сергея. – За что?». Зоя Чернецова, мать задохнувшегося от газа московского студента Данилы Чернецова двадцати одного года от роду, подрабатывавшего в «Норд-Осте» по вечерам капельдинером, встает

и выходит прочь, и уже из-за двери слышен ее громкий отчаянный плач вперемешку со словами: «Я ждала внуков... *(юная вдова ее сына была беременна и у нее случился выкидыш на девятый день после похорон Данилы. – Прим. авт.)* А дождалась судебного процесса, где меня мордой об стол...».

Судебная культура в стране отсутствует, как платье у голого короля. Вкупе с истинной судебной властью. Ведь вот что получилось тут, с судьей Горбачевой: хорошо, тебя ангажировали те, кто считает, что это они тебя содержат, а вовсе не мы, граждане, и ты, под страхом лишения привилегий и сословных льгот (у наших судей их немало, и они, действительно, делают их быт куда более привлекательным, чем жизнь рядового гражданина с низким достатком), ничего не можешь сделать для несчастных пострадавших, как только отказать им во всех без исключения их требованиях... Хорошо, пусть так... Допустим...

Но зачем же хамить? Измываться? Оскорблять? А потому – добивать и без того добитых?.. Ведь кто такая судья Горбачева? Столь рьяно стоящая на страже московской казны? Вроде бы ответ прост: она - представитель одной из ветвей власти, которую мы и содержим на те налоги, которые платим в казну. То есть живет судья исключительно на наши деньги - это мы оплачиваем ее профессиональные услуги, а не она - наши. Так почему же никакого уважения к плательщику? И не для того же, в самом деле, мы содержим судью Горбачеву, чтобы, вместо благодарности и уважения к нам, она нас же и оскорбляет... Как ей вздумается. И когда ей вздумается...

Вы думаете, об этом писали в государственных СМИ? И говорили в подобном тоне о «норд-остовских» судах на гостелеканалах? Нет, конечно. День за днем СМИ доводили до сведения граждан: официальная поддержка властей – у судьи Горбачевой, она – права, она – на страже государственных интересов, которые превыше личных.

Такова наша новая отечественная идеология. Путинская идеология. И тут никуда не деться от правды жизни: она была впервые опробована на Чечне.

Именно тогда, при восшествии Путина на кремлевский престол, под грохот бомбардировок времен начала второй чеченской войны, - наше общество в первый раз совершило трагическую и абсолютно безнравственную, от традиционного нежелания задумываться, ошибку: оно игнорировало реальное положение дел в Чечне, то, что бомбят не лагерь террористов, а города и села, что гибнут сотни безвинных, - и вот тогда большинство находящихся в Чечне людей чувствовали (и продолжают чувствовать) свою полнейшую и кромешную безысходность. Когда, забрав с концами их детей, отцов, братьев незнамо куда и по необъявленному поводу, военная и гражданская власти говорили (и говорят) там семьям: «Утритесь. Все. Не ищите. Этого требуют высшие интересы войны с терроризмом». Говорят и бесятся, когда осиротевшие матери взрываются: «Ответьте же, почему сыновей убили?».

Общество молчало три года. Почти молчало. В подавляющем большинстве снисходительно взирая на все, что именно таким образом творилось в Чечне, и цинично игнорируя мнения тех, кто предрекал нам бумеранг, поскольку власть, привыкшая себя вести таким образом в одном регионе, не захочет останавливаться и станет испытывать терпение так же и тех, кто совсем не в Чечне...

Все то же самое опять. «Норд-остовцам» (жертвам теракта и семьям погибших) фактически говорят: «Утритесь. Забудьте. Так надо. Высшие интересы выше ваших личных». То есть по отношению к жертвам власть ведет себя точно так же, как три с лишним года подряд ведет себя по отношению к мирному населению в Чечне. Быть может, несколько лучше: на 50 и 100 тысяч рублей лучше, ведь на сей раз она выдавила из себя хотя бы компенсации на похороны. Ну а в Чечне и этого-то нет.

А общество? Наш народ? В целом сострадания нет - сострадания как общественного движения и публичного, заметного порыва, который власть не смогла бы пропустить мимо ушей. Все как раз напротив: развращенное общество опять хочет себе комфорта и покоя ценою чужих жизней. И бегом несется прочь от трагедии «Норд-Оста», желая скорее поверить государственной мозгопромывочной

машине (так проще), чем сути и даже соседу, попавшему в такой ужасный переплет.

...Спустя час после выступления Саши Храмцова судья Горбачева скороговоркой прочитала решение в пользу московского правительства. Все покинули зал, в нем остались только «победители»: Юрий Булгаков, юрист департамента финансов города Москвы, Андрей Расторгуев и Марат Гафуров, советники правового управления столичного правительства.

- Что, празднуете? – сорвалось с языка.

- Нет, – вдруг грустно заговорили все трое сразу. - Мы же люди. Мы все понимаем... Это позор, что наше государство так себя ведет по отношению к ним.

- Так почему же?.. Вы?.. Не уйдете со своей позорной работы?

Промолчали. Московский вечер принял нас в свои темные руки. Одних проводив в теплые дома, наполненные смехом родных и любовью близких. Других – в гулкие квартиры, навсегда опустевшие 23 октября. Последним, сгорбившись, уходил седоголовый немолодой человек с выразительными глазами – все заседание он ни во что не вмешивался, просидел тихо, сдержанно, в углу...

- Как вас зовут? – догнала его.

- Тукай Валиевич Хазиев.

- Вы – сам заложник?

- Нет. У меня сын погиб...

- Мы можем встретиться?

Тукай Валиевич неохотно дал телефон...

- Не знаю, как жена?.. Поймите, даже лишний раз говорить на эту тему ей непросто... Ну, хорошо, позвоните через недельку, я ее подготовлю...

И это не просто слова - московская семья Хазиевых действительно прошла через настоящий отечественный ад. Она не просто похоронила 27-летнего Тимура, артиста оркестра «Норд-Оста» - сына, внука, отца, мужа, брата. Она хлебнула при этом сполна самого страшного и главного – той самой господствующей идеологии, которая и стала в итоге настоящей убийцей Тимура. Не думайте, что тут есть хоть какое-то преувеличение.

...- Ну, неужели Путину трудно было пойти хоть на какой-то компромисс с чеченцами? С террористами? – все повторяет и повторяет Тукай Валиевич, отец теперь без сына. – Кому было нужно это его «упорство»?.. Нам, например, не нужно... А мы ведь тоже граждане.

Тукай Валиевич – один, кто в этом доме на Волгоградском проспекте в Москве не плачет, говоря подобные слова. Роза Абдуловна, жена его, Таня, юная вдова Тимура, 87-летняя бабушка не могут сдерживать себя, думая о том, что теперь навсегда с ними. Вокруг взрослых, как маленькая ракета, носится светловолосая Сонечка, трехлетняя дочка Тимура, - ее третий день рождения Тимур уже не праздновал, потому что он был после «Норд-Оста».

Накрывают на стол, Сонечка влезает на стул с ногами – по-другому ей не достать, - берет самую большую чашку и... «Это папе. Она папина! Не занимать!» - чеканит слова твердо и бескомпромиссно. Бабушка Роза ей однажды объяснила, что папа теперь на небе, как и ее, бабушкин, папа, и что он не сможет больше приходить, но ребенок мал и никак не поймет, почему, собственно, «не может», если она, его любимая Сонечка, так его ждет...

- Я верил в силу государства, – говорит Тукай Валиевич. – Почти до самого конца этих трех суток захвата верил. Думал, спецслужбы что-то придумают, договорятся, пообещают, тумана наведут – и все разрешится... Не ожидал, честно говоря, что сделают так, как посоветовал Жириновский за сутки до штурма – напомним, он сказал, нужно просто потравить всех газом, часа два, мол, поспят, встанут и побегут... Не проснулись. И не побежали.

...Вся жизнь москвича Тимура Хазиева оказалась связана как с музыкой, так и с Домом культуры Шарикоподшипникового завода на 1-й Дубровской улице – сюда он ходил с детства, в музыкальную студию «Ли́ра», здесь и смерть нашел, поступив в оркестр мюзикла, арендовавшего именно этот ДК для представлений.

У родителей – Тукая и Розы — раньше была поблизости комната в коммунальной квартире, и два их сына – Эльдар (старший) и Тимур (младший) учились в ДК игре на аккордеоне. Педагоги советовали Тимурю продолжать занятия – талантливый был мальчик, и когда после десятого класса пришло время выбирать, то он, за год (!) пройдя почти самостоятельно, лишь с помощью своего педагога по аккордеону, курс музыкальной школы по ударным инструментам, поступил сначала в училище духового искусства, четыре курса которого также осилил за три года, а потом и в Академию музыки имени Гнесиных – знаменитую Гнесинку, о чем так мечтал.

Педагог звал его «рафинад» - имея в виду, что рафинированный, утонченный, интеллигентный, палочки барабанные держал по-особенному, аристократично...

Однако, параллельно с Гнесинкой, Тимур много работал – в духовом и симфоническом оркестрах Министерства обороны. Успел съездить с военным оркестром на гастроли в Норвегию, должен был играть и в Испании, но поездка была намечена на жизнь, которая планировалась после 23 октября.

- Вот, приготовила его форму... И фрак концертный, – твердо, чтобы не распускаться, говорит Роза Абдуловна, открывая шкаф. – Все никак не заберут... Из Министерства обороны.

Сонечка, пролетая мимо нас, тут же хватает фуражку с блестящей кокардой, водружает себе на голову и скачет по комнате: «Папина! Папина!». Таня, не в силах выдержать сцену, уходит прочь.

...Когда и Гнесинка была позади, Тимур предложили поиграть еще и в оркестре «Норд-Оста». Это была его третья по счету работа, но он согласился. Потому что уже был женат, рос маленький ребенок, Таня пошла воспитательницей в детский садик (с соответствующей зарплатой, хоть и после Академии ритмического искусства, будучи актрисой и режиссером) – все ради Сонечки.

Можно, конечно, не верить ни во что - ни в мистику, ни в предчувствия. Но...

- За месяц до теракта Тимур перестал спать, – рассказывает Таня. – Я проснусь под утро, а он сидит. Спрашиваю: «Ложись, ну что ты маешься?». А он: «Тревожно мне что-то...».

В семье считали, что Тимур просто очень устал. Его день начинался рано-рано: он вез Сонечку с Таней в детский садик на машине. Оттуда сразу заезжал к родителям: позаниматься, его инструменты стояли тут – последнее время разрабатывал левую руку и радовался, что у него «все пошло», и еще пара лет, говорил Тане, и он станет классным ударником. Позанимавшись, опять вскакивал в машину и ехал на репетицию военного оркестра, а уж оттуда, в перерыве привезя дочку с женой домой из детского садика, отправлялся на «норд-остовский» спектакль. Возвращался домой ближе к полуночи, и с раннего утра все начиналось заново. Говорят: он производил впечатление человека, который очень спешит жить. Почему? Ведь только 27?.. На этот вопрос теперь никто не ответит. Как и на другой: почему 23 октября Тимур оказался в «Норд-Осте»? Ведь - опять мистика...

- Это была среда, – рассказывает Таня. – Мы так установили дома, что среда – наш семейный свободный вечер. По средам в «Норд-Осте» обычно играл другой ударник, но именно в этот день он вдруг упросил Тимура подменить, потому что его девушка категорически потребовала в этот вечер быть с ней – спасла своего парня... А мой подменил – безотказный был человек - и погиб.

...- Поймите, не хочется же, чтобы вещи родного человека где-то валялись. Ведь так? – спрашивает Роза Абдуловна. – Вот мы и поехали ТУДА... *(в здание на Дубровке. – Прим. авт.)* Конечно, ни мобильного телефона – Тимур только-только стал вставать на ноги и купил его, ни новых его вещей.

...ТАМ, рядом с вещами, у Розы Абдуловны, конечно, случилась истерика – родителям отдали лишь его старую куртку с отпечатком армейской бутсы на спине и футболку. Больше ничего.

Мы очень стали простые – опростились за последние годы. А также опустились. Сильно заметно это – и все заметнее, по мере того как война на Кавказе продолжается, превращая многие табу в обычный быт. Убить? Нормально... Ограбить? Ну и что такого?.. Трофеи? Закон. За преступления не осуждают не только в суде, но и в обществе. Все дозволено, что обычно было запрещено... Ведь, казалось, вся страна в эти страшные октябрьские дни захвата заложников в едином порыве - думала, как помочь, молилась, надеялась и ждала...

И - ничего не могла сделать: спецслужбы никого никуда не пропускали, уверяя, что все у них под контролем... И как теперь смириться, что часть этих «особо допущенных» в то же самое время просто выбирала себе трофеи? Поновее? И по размерчику?.. Ведь так это выглядит со стороны – только так. И семьям погибших уже никогда не избавиться от памяти этих своих октябрьских чувств. Даже если им всем возьмут да и выдадут по миллиону долларов компенсации за понесенный моральный вред. Память останется навсегда.

...Впрочем, судя по футболке, Тимур в ней где-то на улице валялся. Роза Абдуловна так и не смогла отстирать эту нашу знаменитую московскую уличную грязь – полубензин, полумасло...

У Тимура, когда он в последний раз ушел на работу, в карманах было десять разных удостоверений личности с фотографиями – то, что он артист оркестра «Норд-Ост», что артист оркестра Министерства обороны, паспорт, водительские права... И в придачу – записная книжка с телефонами всех друзей и родственников...

Но в итоге 28 октября семья получила его тело с резиновой биркой, привязанной к руке, на которой значилось:

«№ 2551

Хамиев

Неизвест.».

- Как это могло произойти? – Спрашивает Роза Абдуловна. – Почему «Хамиев»? И почему если уж «Хамиев», то «неизвест.»? И почему мы его ТАК искали? Открой телефонную книжку, набери любой номер, спроси: «Кто такой Тимур Хазиев? Знаете такого?» И тут же бы дали наш телефон...

Мать Тимура имеет в виду день после штурма - длинный день 26 октября, который семье Хазиевых тоже теперь не забыть никогда.

- С утра до четырех вечера его фамилии не было нигде, ни в одном списке заложников, которые оглашали власти, - рассказывает Тукай Валиевич. – Когда мы уже объездили все морги и больницы, вдруг появляется... Небольшой список, человек на двадцать, и в нем Тимур, и там значится, что он жив, находится в 7-й больнице. Я позвонил жене, сказал: «Все в порядке». Мы от радости плакали, друзья нас поздравляли... Мы с Татьяной скорее поехали в больницу.

Но у ворот ее стоял охранник и никого не пускал – говорил, что запрет прокуратуры. Таня плакала. И охранник, сжалившись, шепнул Тукаю Валиевичу, что это плохо, что «ваш» здесь – значит, безнадега... Таня услышала и стала просить, чтобы пропустили внутрь, - охранник пожалел во второй раз и открыл ворота.

Внутри больничных коридоров было пусто, а потом им навстречу вышел милиционер с автоматом на пузе.

- Знаете, ну прямо человек без души, – говорит Таня. - Ни слова: «Крепитесь, держитесь». Прямо мне в лоб: «Он умер. Идите отсюда». Я, конечно, кричала минут двадцать. И тут сбежались врачи: «Кто вас сюда пустил?».

Когда Таня пришла в себя, стала просить разрешения попрощаться с Тимуром. До вскрытия. Ей отказали. Она все просила и просила. Милиционер парировал: «К Путину идите за разрешением». Появились те самые сотрудники прокуратуры, троица: «Ну, куда спешите? Еще успеете крышку гроба закрыть!». И еще: «Фамилия? Хазиев? Чеченец?».

Вот в этом и оказалась главная проблема Тимура Хазиева. Его татарскую фамилию правоохранители «на глазок» приняли за чеченскую, и все дальше пошло автоматически, в соответствии с господствующей идеологией.

Семья уверена теперь: причина смерти Тимура в том, что, приняв его за чеченца, ему намеренно не оказывали помощь. Когда мужчины Хазиевы забирали тело Тимура из морга, на груди было крупно написано: «9.30», время смерти, наступившей в 7-й больнице. И больше ничего на теле - ни одного следа от капельницы, либо укола, либо вентиляции легких... «Сверху» была установка чеченцев уничтожать, и Тимур, как «чеченцу», реанимация не полагалась. Четыре с лишним часа после штурма он просто лежал и умирал - установки о спасении не поступало... Тимура убила государственная идеология...

- Мы ничего не стоим в нашей стране. Мы – человеческий мусор. Вот и вся история о моем Тимурке, – последние Танины слова.

...Когда 26 октября Таня и Тукай Валиевич стояли под больничными воротами, в квартиру, где жили молодые Хазиевы, попытались пройти человек двадцать: и в форме, и в гражданке. Соседка выскочила и еле отбила: ей объяснили, что «по сигналу» из больницы, якобы тут проживал чеченец...

Что теперь делать семье Хазиевых? Утереться и умолкнуть?

- Когда мы, истцы, говорили обо всем этом в Тверском суде, – вспоминает Тукай Валиевич, – Горбачева делала вид, что не понимает, о чем мы. Она уверена: помогали всем без исключения.

Естественно, у Хазиевых на руках – справки о смерти, в которых отсутствует «причина смерти». Там пустое место. Ни намек, что вообще был теракт – то есть, в дополнение к госидеологии-убийце, против Тимура и его семьи работает госсистема юридического вымарывания вещественных доказательств.

- Но вы, наверное, спросили сотрудников прокуратуры, почему в графе «причина смерти» - прочерк?

- Конечно, 28 октября. И они объяснили, что это просто формальность, чтобы нам можно было быстро подготовиться к похоронам, а потом, мол, когда будут известны результаты вскрытия, «обязательно впишут»...

- Вписали?

- Нет. Конечно.

Это типичный ответ: у нас не ждут правды от власти, власть – источник в лучшем случае неприятностей, и это несмотря на все официально высокие

рейтинги власти. Недавно в администрации президента создан специальный департамент по формированию «правильного» имиджа страны и президента за рубежом. Концепция улучшения данного имиджа – чтобы негатив о стране и Путине не слишком проникал за границу, и Россия хорошо смотрелась глазами иностранцев. Вот было бы здорово, чтобы, наконец, там же, при администрации, появился специальный департамент, сотрудники которого были в ответе за неуклонное улучшение имиджа страны и президента в глазах собственных граждан...

- Неужели Путин не мог уступить? Сказать: «Войну заканчиваю»? И наши были бы сейчас живы?.. – Все повторяет и повторяет Тукай Валиевич. - Я хочу знать, кто виноват в нашей трагедии. И больше ничего я не хочу.

...Из последних их семейных новостей: недавно Таня завела Кирюшу и Фросю. Черепаху и кота. Чтобы было, к кому возвращаться. Сонечка, хоть и не понимает, что случилось с папой, – маленькая еще, а домой, где папы нет, идти после садика не хочет... Еще: недавно позвонили из реанимированного «Норд-Оста», предложили билеты на мюзикл, который с 8 февраля вновь поет и пляшет. Отказались, конечно, но там сказали, что в любой момент... Сомнительная затея: изображать счастье на месте братской могилы. Какие же мы простые... Такие простые, что тошнит.

История третья.

Сираджи, яхта и все-все-все

Чеченцам теперь может позавидовать разве что сумасшедший – тем чеченцам, которые живут в нашей стране. И раньше-то было несладко, но в последнее время, после теракта, машина государственной мести крутится на последней, пятой, этнической скорости. Погромы и чистки под эгидой милиции стали рутиной. В один миг рушатся жизни, люди теряют жилье, работу и опору под ногами... А причина только одна: ты, он, она - чеченцы. Их жизнь в Москве и многих других городах не просто невыносима - с наркотиками, подброшенными в карманы, с

патронами, вложенными в руки, и одновременным же отправлением на несколько лет в тюрьму - эта жизнь превратилась в кошмар изгоя наяву, в беспросветный тупик, по которому сколько ни топай туда-сюда, все равно никуда не придешь. И эти будни касаются всех - от семилетнего мальчика до восьмидесятилетнего старца.

... - Когда ОНИ заговорили по-чеченски, прервав второй акт, я поняла, что все очень серьезно. И будет совсем плохо. Я это сразу как-то очень четко поняла... - Яха Несерхаева, 43-летняя москвичка, по профессии и месту работы экономист, чеченка, родившаяся в Грозном, но давно перебравшаяся в столицу, 23 октября пошла посмотреть мюзикл «Норд-Ост». Давняя подруга Галя из северного города Ухты купила билеты на 13-й ряд партера и вытащила ее из дома. Яха – не любительница мюзиклов, но Галя очень просила составить ей компанию.

- А вы ИМ сказали, что вы – чеченка?

- Нет. Я боялась. Я не знала, как лучше: сказать или не сказать. Могли бы и застрелить за то, что чеченка на мюзикле.

Яха газа не увидела – хотя многие из заложников заметили белые клубы неизвестно чего. Яха просто услышала со своего места, как другие закричали: «Газ пустили!» И через несколько секунд отключилась.

Она пришла в себя только в больнице – тоже в 13-й, куда привезли тогда многих, например Ирину Фадееву, героиню первой истории, среди прочих. Яху очень сильно рвало, она мало что понимала, но вскоре перед ней появился следователь.

- Он спросил мое имя, фамилию, где живу и родилась, как попала на «Норд-Ост»... Потом пришли две женщины и забрали мою одежду на экспертизу, сняли отпечатки пальцев. Следователь пришел к вечеру и сказал: «У меня плохие новости». Первое, о чем я подумала, было, что подруга, с которой я ходила на

мюзикл, умерла. Но он: «Вы задерживаетесь за пособничество террористам». Это был шок. Но я встала и сама пошла за следователем – в больничных тапочках и халате. Сначала на двое суток меня привезли в 20-ю больницу (*специальная больница закрытого, тюремного типа.* – Прим. авт.), где никто ни о чем не спрашивал, и лечения тоже не было. Собственно, меня вообще не лечили... В конце вторых суток в 20-й больнице опять пришел следователь – меня сфотографировали и записали образец голоса. Через несколько минут после этого визита принесли какое-то пальто и мужские ботинки, надели наручники, сказали: «Вам надо лечиться в другой больнице». Посадили в милицейскую машину, привезли минут на десять в прокуратуру, а потом – в тюрьму, в «Марьино» (*название московского женского изолятора временного содержания* – Прим. авт.). Вот так - в ботинках на босу ногу на три размера больше, в грязном мужском пальто, немытую и нечесаную неделю, меня привели в камеру. Надзирательница только и сказала: «Ну, чума болотная...».

- Вас в изоляторе допрашивали часто?

- Меня вообще не допрашивали. Я просто сидела и просила охранницу о встрече со следователем...

Яха говорит тихо, медленно, без всяких эмоций. Она вообще кажется маловменяемой. Если бы точно не знать, что Яха живая, можно подумать, что она мертва. Глаза расширены – смотрят в одну точку. Лицо неподвижно. На фотографии в паспорте – будто совсем иная женщина, другое выражение лица, там гордычка и красotka.

Впрочем, время от времени Яха все-таки пытается улыбнуться, но за две недели, проведенные в тюрьме, ее мышцы забыли, как складываться в улыбку. Она ведь там думала, что все, уже конец, и ее ничто не спасет, положение – хуже некуда по нашим временам. К тому же милиционеры, перевозившие ее из 20-й больницы в «Марьино» – и единственные, кто с ней разговаривал о ее будущем,

пока ехали, - они-то ей и сообщили, что «она ответит за всех», поскольку террористов уничтожили, «она одна осталась»...

Но под занавес был хеппи-энд. Ведь так и положено в мюзиклах.

Друзья Яхи Несерхаевой, забившие тревогу, срочно нашли адвоката, тот сумел чудом пробить стену, казавшуюся абсолютно непробиваемой. И на десятки сутки Яху отпустили из тюрьмы. По нашим нынешним расистским временам следователи прокуратуры одного из округов столицы, работающие в составе следственно-оперативной группы по расследованию уголовного дела № 229133 (захват «Норд-Оста»), не найдя НИЧЕГО против Яхи, просто ОКАЗАЛИСЬ ЛЮДЬМИ – и не стали ничего придумывать, как многие другие их коллеги сегодня, когда им в руки попадают чеченцы, не принялись подтягивать обвинение к человеку, подбрасывать, издеваться, глумиться... То бишь, мстить чеченке только потому, что она - чеченка. И это теперь такая редкость среди нас...

Более того, объявив Яхе, что она свободна, еще и извинились перед ней, посадили в машину и отвезли домой. Спасибо старшему следователю, юристу первого класса В. Прихожих. А также сотрудникам ОВД «Богородское», которые выдали Малике, старшей сестре Яхи, срочно сорвавшейся из Грозного в Москву, чтобы помочь Яхе встать теперь на ноги, специальную бумагу, что она, Малика, может находиться в Москве, поскольку член ее семьи нуждается в постоянном уходе. Выдали, зная, что без этой бумаги чеченка в сегодняшней Москве не может выйти за порог – она будет сразу арестована...

...Аэлите Шидаевой - 31 год. Она – тоже чеченка, с начала нынешней войны живет с родителями и дочкой Хадижат в Москве. Аэлиту арестовали прямо на работе, в кафе у станции метро «Марьино». Она рассказывает свою историю спокойно и сдержанно, без слез и истерик, приветливо улыбаясь. И может даже показаться, что ничего особенного она не пережила. Правда, если не знать, что в тот момент, когда ее наконец вывели из отделения милиции «Марьинский парк» через семь часов бесконечных допросов, она тут же упала без сознания...

- Странно как-то было... Сначала один милиционер, как всегда, пообедал у нас в кафе – они у нас все обедают, отделение в ста метрах от нашей входной двери. И я никогда не скрывала от них, что чеченка, убежавшая из Грозного от войны. И этот милиционер поел и вышел... И тут же ворвались остальные – человек пятнадцать во главе с нашим участковым Васильевым, он меня тоже отлично знает. Всех поставили к стенке, обыскали, а меня забрали.

- А что «они» спрашивали?

- Какие у меня отношения с террористами? А я им объясняла: «Вы же все сами видели! Я была перед вашими глазами по 12 часов ежедневно, с 11 до 11!».

- А они?

- «С кем из террористов ты ходила в ресторан?»

- А я в Москве ни разу в ресторане и не была, у меня другой образ жизни. Мне говорили, что если я не признаюсь в связях с террористами, то мне подкинут наркотики или оружие. Допрашивали по очереди. Мимо ходили какие-то мужики в форме и смотрели. Следователь тогда сказал, что если я не признаюсь в связях с террористами, то он отдаст меня этим ребятам «на съедение», а они только и ждут этого, потому что «у них все говорят».

Прямо в милиции Аэлите объявили, что с работы ее уже уволили. Следователь сказал, что они потребовали этого от хозяина кафе, иначе заведение закроют... А освободили ее только потому, что учительница русского языка Макка Шидаева, мама Аэлиты – ну, просто прирожденная правозащитница, она «поставила на уши всю Москву» (из лексики милиционеров отделения «Марьинский парк»). Макка позвонила на радиостанцию «Эхо Москвы», подключила знаменитого адвоката Абдулу Хамзаева и многих других, и, несмотря на то, что в отделении милиции продолжали талдычить, что Аэлиты «у них нет», все равно - под давлением вынуждены были ее освободить.

Аэлита сейчас не в шоке – нет, конечно. Она все понимает, только говорит, что надо уезжать из Москвы.

- Обратно в Чечню?

- Нет. За границу.

Макка – против этого. Нет, она не против, чтобы дочь увезла внучку – Хадижат надо учиться, вопреки всем бараевцам и супер-бдительной к чеченским девочкам московской милиции. Макка - против своего собственного отъезда, она не может себе представить, как станет жить не в России... Но точно так же не может понять, чего хочет эта Россия от Аэлиты, ее самой и Хадижат – трех поколений современных чеченских женщин? Взрослого – большая часть жизни которого прошла в СССР. Молодого – так и не пожившего всласть, только и знавшего, что бегать с места на место, от одной войны до другой. И совсем юного – всматривающегося пока, внимательно вслушивающегося во все то, что творится вокруг. И молчащего. Пока еще молчащего.

Классная руководительница Хадижат только что в явном смятении позвонила Аэлите и сказала: нужно принести справку, что Аэлита – мать-одиночка (а где взять такую справку?). А если справки не будет (все остальные документы в полном порядке), то она, учительница, «и не знает, что делать»... Хадижат выкидывают из школы, девочке-чеченке, которую привезла семья в Москву, чтобы выучить (со школами в Чечне туго), после 26 октября 2002 года нет места в пятом классе столичной школы № 931.

- А я даже не могу понять, - говорит Аэлита, - мое «материнское одиночество» – это «за» Хадижат или «против»? Кому тут доверять?..

...Абубакар Бакриев уже несколько лет занимал скромную техническую должность в организации, именуемой «Первый республиканский банк» - но теперь Абубакар совершенно свободен от всяких обязательств. И это случилось очень

просто и буднично. Абубакара позвал заместитель председателя организации по безопасности и сказал: «Пойми правильно, из-за вас у нас будут проблемы. Пиши заявление по собственному желанию».

Сначала Абубакар не слишком поверил. Но начальник добавил, что «они» просят написать заявление задним числом – например, 16 октября, чтобы получилось прилично и никто бы не смог укорить, что уволили Бакриева по этническому посленордостовскому цензу в связи с тем, что он чеченец...

Вот как: палачи убивают (а увольнение сегодня для чеченца – смерть, другой работы не найти) – и еще хотят и понимания... Особый акцент нашей с вами современности: подойти к жертве и этак, прямо ей: «Жертва, я тебя убью не потому, что я – плохой, меня просто заставили, но ты, жертва, должна так все представить, что я и не палач вовсе...».

В один с Абубакаром день из банка уволили дагестанца – тоже добровольно-принудительно и задним числом. Он был на скромной должности, но на всякий случай его «зачистили» - чтобы никаких лишних вопросов банку уже и по поводу вообще выходцев с Кавказа не оказалось.

- Первый республиканский банк зачищен, – говорит Абубакар. – Правоохранительные органы могут спать спокойно. Мне 54 года. Куда идти, не знаю. Уже трижды приходила домой милиция, смотрели, как я живу с тремя детьми. Вы делаете нас врагами. И должны понимать, что нам ничего не остается, чтобы требовать независимости... Потому что где-то же должна быть земля, на которой мы смогли бы жить спокойно. Дайте нам, пожалуйста, любое место на земле. И мы там начнем жить...

...Исита Чиргизова и Наташа Уматгариева - чеченки, живущие в центре временного размещения вынужденных переселенцев в поселке Серебряники в Тверской области. Мы познакомились в 14-м отделении милиции Москвы. Исита оттирала чернила после дактилоскопии. Наташа плакала не переставая. Их только

что отпустили – это свершилось чудо по нынешним временам, милиционеры сжалились.

Утром 13 ноября с женщинами случилась типичная современная чеченская история. Они приехали в Москву ранним поездом – за гуманитарной помощью в одну из правозащитных организаций. У этой станции, в двух шагах от входа в организацию, их и арестовали, потому что Наташа хромала – у нее открытая диабетическая язва на ноге, и значит, это подозрение на ранение, на то, что была боевичкой. А Исита – беременна на седьмом месяце, то есть живот уже очень заметен из-под куртки в том самом месте, где... были пояса у террористов-камикадзе. Только не смейтесь, но именно так объяснил причину задержания дежурный по 14-му отделению майор Любезнов, оказавшийся человеком вовсе не любезным и даже готовым, ради всеобщей антитеррористической безопасности страны, собственноручно ощупывать беременный живот чеченки, чтобы лично удостовериться в его «подлинности». Боже.

История с Иситой и Натасей закончилась хорошо – милиционеры лишь наговорили женщинам кучу гадостей про то, как «вы нас убиваете, а мы вас», да еще и не успел опозориться майор Любезнов, и к тому же удалось сделать две принципиальные в таких случаях вещи: во-первых, успеть перехватить женщин в отделении, пока их еще не увезли в СИЗО, и, во-вторых, убедить начальника 14-го ОВД Владимира Машкина (и он захотел быть убежденным), что люди иногда ходят за гуманитарной помощью и ходят они за ней именно потому, что бедны, лишены возможности работать и нет дома...

...Зара работала продавщицей овощей у станции метро «Речной вокзал». Хозяин рыночка подошел и сказал Заре: «С завтрашнего дня на работу выходи. Потому что чеченка». А Зара одна содержит семью – троих детей и мужа-туберкулезника. Ну, при чем тут, согласитесь, милиция?..

...Аслан Курбанов всю войну прожил в палаточном лагере в Ингушетии. Летом поехал поступать в институт в Саратов, потом перебрался в Москву, жил у

своей тети Зуры Мовсаровой, аспирантки Московского авиационно-технологического института, устроился работать и получил официальную регистрацию на право проживания в столице.

28 октября к ним домой пришли сотрудники уголовного розыска 172-го отделения милиции (район «Братеево»). Накануне Зура, по просьбе участкового, сама прошла процедуру дактилоскопии, и поэтому, когда милиционеры сказали, что Аслан всего лишь должен проехать с ними, чтобы снять отпечатки пальцев, никто в семье даже не насторожился. Аслан оделся и сел в милицейскую машину.

Через три часа Зура забеспокоилась: племянника все не было, и она пошла в отделение. Там ей сообщили, что Аслан арестован за то, что у него в кармане обнаружены наркотики. То есть, что выходит? Встал, оделся, положил в карман наркотики и поехал в милицию сдаваться?.. Аслан успел крикнуть Зуре из «обезьянника», что его завели в комнату, достали из-под стола анашу, сказали: «Это будет твое. Потому что мы чеченцам жизни не дадим. И всех вас так засадим».

А Артур вообще-то даже не курит... 30 октября в тюрьме «Матросская Тишина» он отметил свое 22-летие...

...25 октября утром в квартиру московских чеченцев Гелагоевых ворвались милиционеры. Алихану, хозяину квартиры, надели наручники и увезли. Марем, его жена, бросилась за помощью в милицию – отделение «Ростокино». Но там сказали: «Наши сотрудники никуда не выезжали». Марем позвонила на радиостанцию «Свобода». Сообщение о похищении Алихана Гелагоева прошло в эфир, и к вечеру его отпустили: что-то там сработало...

Аслан рассказал, что в машине, куда его посадили, ему на голову надели мешок и долго били, пока ехали на Петровку – так называется улица Москвы, где располагается центральное городское милицейское управление. И орал: «Вы нас

ненавидите, и мы вас ненавидим! Вы нас уничтожаете! И мы вас будем уничтожать!».

Но на Петровке Алихана уже не били, а много часов уговаривали подписать признание в том, что он был идейным организатором теракта в «Норд-Осте». (Так, собственно, и происходило все в сталинские годы). Причем признание было заранее составлено – как и тогда, и требовалось только подмахнуть его.

Алихан отказался. Но в обмен на свободу его все-таки заставили расписаться в том, что он «добровольно явился в ГУВД (*главное управление внутренних дел.* – Прим. авт.) Москвы» и «претензий к сотрудникам не имеет»...

Расизм? Да. Ад? Конечно. Но еще и циничная имитация борьбы с терроризмом. Поэтому не верю ни в одну цифру, которую сегодня произносят милиционеры, рапортуя о ходе операции «Вихрь-Антитеррор»: мол, столько они поймали «пособников террористов». Эти цифры - липовые. Липовые милиционеры. Пишут липовые бумажки. На основании липовой работы.

А террористы-то в это время где? Что делают? А кто знает... У нашей милиции на них времени нет. Путин виноват в возврате в страну методов советского очковтирательства вместо работы.

...- Дознаватели в милиции меня успокаивали так, - рассказывает 36-летний Зелимхан Насаев, - «Ничего, три-четыре годика посидишь, и все. А может, и условно дадут. Подпиши, легче будет...».

Зелимхан живет в Москве уже несколько лет – его семья уехала от второй чеченской войны вслед за старшей сестрой Зелимхана Инной, давным-давно перебравшейся в столицу.

- Били в милиции?

- Конечно. В три ночи подняли и говорят: «Под пресс его». Через что-то твердое били по почкам и печени. Требовали, чтобы подписал признание. А я отказывался... Отвечал: «Прессуйте. Можете расстрелять, я на себя ничего не возьму». Все время говорили мне: «А зачем ты, чечен, сюда приехал? Твоя родина – Чечня. Вот и сиди там, со своей войной разбирайся». А я им: «Моя родина – Россия, и я – в своей столице». И они очень на это злились. Чтобы вывести меня из себя, один из милиционеров говорил: «Вот только что послал твою мать на три буквы».

Если бы знал тот оперуполномоченный в отделении «Нижегородская», кого он посылал на три буквы и шантажировал, и кого лупил и уламывал взять на себя преступление ради повышения его посленорд-остовской отчетности «борьбы с чеченским криминалом в столице»... А может, хорошо, что не знал...

Роза Магомедовна Насаева, между прочим, внучка, а Зелимхан, соответственно, правнук легендарной русской красавицы Марии-Марьям из семьи самих Романовых, родственницы императора Николая Второго, как-то влюбившейся без памяти в офицера царской армии чеченца Ваху, сбежавшей с ним на Кавказ, вопреки воле семьи принявшей там мусульманство и имя Марьям, родившей ему пятерых детей, прошедшей с ним депортацию в Казахстан, схоронившей его там, вернувшейся в Чечню и умершей там в 60-е годы на правах почти что чеченской святой... В общем, красивая и известная на Кавказе история о российско-чеченской любви и дружбе, но не о ней сейчас речь... Потому что от оголтелой сегодняшней московской милиции, решающей свои проблемы под маркой общей трагедии, Зелимхана не может спасти ничто, пусть в нем течет хоть десять, из разных стран, императорских кровей. С Зелимханом – хоть он и на кусочек Романов, поступили так же, как поступают с остальными чеченцами.

Есть такие места в Москве, куда совсем не тянет. Дыры, одним словом: на задворках заводов, внутри промышленных зон и под высоковольтными линиями. Вот там и ищи чеченцев, пытающихся выжить в столице. Шоссе Фрезер – одно из таких мест - неудобная полоска асфальта, уходящая от Рязанского проспекта куда-

то в промышленно-барачную, совсем не столичную даль, вдоль старых кирпичных пятиэтажек, с трудом похожих на жилье.

Собственно, они таковыми и не являются – согласно документам, тут цеха завода «Фрезер», которого, по сути, тоже давно не существует, он развалился вместе с перестройкой, его рабочие разбрелись, а заводское начальство живет тем, что собирает деньги с тех, кому сдает в аренду бывшие цеха и другие помещения. Вот в одном из таких бывших заводских помещений – грязном и разворованном, в 1997 году появились первые чеченские беженцы. Это были те, кто уходил от межвоенного начинающегося бандитского разгула в Чечне, главным образом члены семей оппозиции Масхадову и Басаеву. Руководство завода «Фрезер» разрешило им собственноручно восстановить «цеха», превратить их в жилье и платить дань за пользование напрямую руководству.

И до сих пор чеченцы там живут, и Насаевы – одни из них. Одна из 26 семей. Местная милиция знает всех отлично, никто тут ни от кого не бежит и не прячется, потому что ни у кого нет такого желания, да и бежать дальше им некуда...

Когда случился «Норд-Ост», милиция из отделения «Нижегородская» первым делом пришла сюда, разъяснив людям, что им сверху «спущен план» в виде 15 посаженных чеченцев «с каждой территории». Всех мужчин из 26 семей посадили в подогнанные автобусы и повезли на дактилоскопию.

Беда Зелимхана Насаева-Романова оказалась в том, что дома как раз-то его в этот момент и не оказалось, он повез очередную партию надомной работы (семья собирает дома ручки) и должен был взять детали для следующей порции...

Вскоре за потомком императорской семьи в бывший заводской барак приехали отдельно. Сказали: «На дактилоскопию». И Роза Магомедовна отпустила его спокойно. Волноваться семья стала несколько часов спустя, когда сын все никак не возвращался, и, наконец, мать и отец Насаевы, забеспокоившись, сами

отправились в милицию, где им сообщили типичное: «У вашего сына в кармане – запал с гранатой. Мы его задержали».

- Я закричала: «Вы не имеете права! Вы же сами его увезли! Он же с вами вышел из дома! И ничего в карманах у него не было! Вокруг было полно свидетелей!» - рассказывает Роза Магомедовна. – Но милиционеры мне ответили: «Чеченцы для нас не свидетели». Мне стало так обидно... А кто же тогда мы? Не граждане?

В ту ночь мать ушла ни с чем. А когда вернулась утром, ей добавили: «Еще ваш сын торгует анашой. Помочь ему нельзя».

– Меня привезли и завели в кабинет, – говорит Зелимхан. – И слышу: «Ты героином торгуешь». Старший из них пакетик держит в руке и произносит: «Это уже твое». Мои руки - в наручниках, мне пакетик кидают в карман, я начинаю возмущаться. Тогда они: «Ну, тогда еще запал от лимонки...». И вижу, уже этот запал старший тряпочкой протирает, чтобы не было «чужих» отпечатков, мне в руки его сует и протоколирует. Я опять в крик: мол, не имеете права! А они мне говорят: «У нас разрядка. Имеем. А если по-хорошему не согласишься помочь нам и взять дело на себя, то и твои родственники вслед за тобой пойдут, сейчас поедem к тебе с обыском и там найдем другую часть той же гранаты. Подписывай акт признания».

Зелимхан упорствовал и так ничего и не подписал. Били, обещали забить так, что ни одному адвокату «не покажем». Отпустили, потому что за Зелимхана заступились журналисты и депутат Думы Асламбек Аслаханов. Сидит теперь Зелимхан дома, в бараке, в глубокой депрессии – боится любого стука в дверь. Депрессия, собственно, главное качество всех чеченцев, которые живут рядом с нами. Нет ни одного оптимиста – ни среди молодых, ни среди старых. Не встречала. Все - апатичны и ждут от жизни самого плохого. Мечтают о загранице только потому, что там есть шанс затеряться в разноликой космополитичной толпе

и хранить главную свою тайну – национальность. Так глубоко, чтобы никто ее не тронул... До чего же мы все докатились...

- В стране – очередная милицейская античеченская вакханалия, – это точка зрения Светланы Ганнушкиной, главы общественного комитета помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие». Именно в этот комитет теперь идут за помощью люди - чеченцы, родственники тех, кого забрали, кого дактилоскопировали, кому подложили наркотики или патроны, кого выгнали с работы, кому пригрозили депортацией (господи, куда депортировать граждан России из столицы России?). Они идут к Ганнушкиной, потому что идти им больше некуда.

- Старт этой новой волне оголтелого государственного расизма, официально именуемого операцией «Вихрь-Антитеррор», - продолжает Светлана Алексеевна, - был дан сразу после штурма театрального комплекса на Дубровке. Чеченцев выкидывают отовсюду – главное, с работы и из квартир. Это сведение счетов с целым народом за действия конкретных лиц. Главный метод дискредитации по этническому признаку – фальсификация уголовных дел методом подброса наркотиков или патронов. Милиционеры выглядят «галантными», спрашивая жертв: «Тебе что? Наркотик? Или патрон?». Спасаются только те, у кого есть такие мамы, как Макка Шидаева. А у кого их нет?..

А мы что? Мы – народ?

...В чеченской семье – трое девочек. Одна поступила в музыкальную школу, две – нет, и родители попросили учительницу поступившей давать частные уроки на фортепиано двум непоступившим. На этой неделе учительница отказала в уроках. Директор музыкальной школы – в коллективе все, конечно, про все знали, запретила ей это делать, сказав, что так приказали из управления культуры, и если учительница будет продолжать ходить к чеченцам, то ею самой заинтересуются «в органах»...

Вот это уже мы... Мы - народ... Российский люд в большинстве своем соглашается с государственной ксенофобией и анти-расистскими акциями протеста на такой «антитеррор» не отвечает. Причина? Официальная пропаганда работает очень эффективно, и большинство разделяет убеждения Путина о коллективной ответственности народа за преступления, совершенные отдельными его представителями. Потому что это просто – разделять подобные примитивные убеждения.

В России, таким образом, совершенно неясно, несмотря на идущую несколько лет войну, теракты, катастрофы и потоки беженцев: а что же власть действительно хочет от чеченцев? Чтобы они все-таки жили в составе России? Или - нет?

Напоследок – совсем уж простая история: про обычных, живущих в России людей, подверженных государственной истерии...

...- Тебе часто в школе замечания делают?

- Часто... – вздыхает Сиражди.

- И за дело?

- За дело... – опять вздыхает.

- А за какое?

- Я бегу-бегу по коридору, кто-то об меня стучается, и я всегда сдачи даю, чтобы меня не обижали, а потом меня спрашивают: «Это ты ударил?», и я всегда честно отвечаю: «Я», а другие не отвечают, и получаю замечания...

- Может, и тебе тоже не отвечать? Проще будет?

- Нельзя, – уж совсем тяжело вздыхает. – Я не девчонка. Если сделал, говорю: «Сделал».

«А вы знаете, что он старается таким образом подставить подножку кому-то из наших детей, чтобы ребенок обязательно ударился виском... И умер...».

О боже... Это уже не он о самом себе, а взрослые о нем. Не о спецназовце, натасканном на уничтожение террористов. А о семилетнем чеченском мальчике Сиражди Дигаеве - наблюдения вслух одной очень взрослой женщины, члена родительского комитета 2 «б» класса 155-й московской школы, где мальчик учится.

«А вы знаете, мой ребенок жалуется, что у Сиражди вечно ничего нет, а у меня есть, и я должен давать...» - это другой член того же комитета, мама.

Жалуется? А что тут жаловаться? И ДОЛЖЕН ДАВАТЬ, когда у другого, рядом, чего-то нет...

«Он всем мешает. Вы поймите! Мой сын объяснил мне, почему он не записал домашнее задание в классе. Потому что Сиражди так мычал, что он ничего не слышал... Сиражди неуправляем. Как все чеченцы. Поймите!» – говорит еще одна родительница.

В наших разговорах мы идем все дальше и дальше. Сидя в пустом школьном классе. Второклассники разошлись по домам – родительский комитет решает, как вычистить из школы маленького чеченца и «чтобы наши дети не учились плохому у возможного будущего террориста».

Наверное, вы думаете, что это ирония? А это, между прочим, цитата...

«Вы поймите нас правильно! Хоть он и чеченец, но мы на нации не делим... Нет! Мы просто хотим оградить наших детей».

Но от чего?.. Однажды, в ноябре, родительский комитет 2-го «б» созвал классное собрание с целью предупредить папу и маму мальчика Сиражди, что в случае если они не примут к нему мер до Нового года, и он, «хоть и чеченец» (опять цитата), не станет себя вести до поставленного срока так, как это поведение понимает родительский комитет, то они обратятся в директору 155-й школы с требованием выгнать ребенка из школы.

«Ну, ответьте мне, ну почему они все в Москву лезут?» - наконец прет главное. Это одна из членов родительского комитета, уже спустя неделю-две, пытается объяснить, почему они ТАК решили.

А почему, собственно, и не в Москву?.. Кто сказал, что этот город чем-то отличается от других? И что здесь живут такие особенные люди, приближение других граждан России к которым плохо сказывается на их самочувствии?

«Почему это вы говорите, что ИМ трудно! – почти кричит еще одна родительница. – А кто спросил, как трудно нам! И почему нашим детям легче, чем ЕМУ?».

Почему? Сиражди – мальчик, который родился в 1995 году в Чечне. Его мама Зулай, беременная, бегала под обстрелами и бомбежками, о которых она никого не просила... Бегала, потому что другого выхода не существовало в начале первой чеченской войны. И сегодня Зулай очень непросто видеть, что хоть и переехали они в столицу уже в 96-м и ее младший сынок почти всю его жизнь москвич, а все равно при салютах и грозе он очень пугается, прячется и плачет и не может объяснить, почему...

«Ах, так ОНИ еще и не чувствуют себя дома? – Всплывает раздраженный голос еще одного члена родительского комитета. – Так ОНИ еще и со своим уставом в наш монастырь! Нет уж!».

Дело в том, что Альви, папа Сиражди, придя на то собрание, выслушав все, что ему хотели сказать, тоже взял слово и посмел поделиться своей болью, пытаясь объяснить, что не так все просто в их московской жизни, что, его, отца, на глазах у детей милиционер тут матом посылает и заходит в их комнату в сапогах, и он, отец, ничего не может с этим поделать, и дети все видят...

Еще Альви тогда говорил, что главное, ради чего их семья здесь, а не в Чечне, несмотря на то, что тут им так неудобно, – это чтобы выучить своих детей не в условиях войны. И что Зулай – педагог-математик, торгует здесь на рынке, не умея торговать, а по ночам они вместе крутят куриные рулеты, а утром несут на продажу... Вся их с Зулай жизнь - только ради детей, чтобы они получили хорошее столичное образование...

«Нет, смотри! Вот ведь лезут прямо в центр Москвы! И чтобы квартира была за 500 долларов!» - так откомментировал папин душевный крик родительский комитет.

«Мы не хотели, чтобы моя дочь (сын) учились с ТАКИМ в одном классе». - Услышали приговор папа и мама на том собрании. И обиделись, конечно. А вы бы не обиделись?

«А что — мы не имеем права хотеть?..» - восклицали члены родительского комитета.

Конечно, имеете. Только кто сказал, что вы – не скинхеды? Самые натуральные? Даром что не бритоголово-замаскированные?

Стоит напомнить одну старую историю, прошлого века. Она начиналась похоже. Вот только закончилась по-другому. Когда в одну европейскую страну вошли фашисты, всем евреям было велено нашить желтые звезды для простоты определяемости. И тогда желтые звезды нашили все горожане, чтобы спасти... И

евреев. И себя – от того, чтобы не превратиться в фашистов. И их король был вместе с ними...

У нас же в Москве теперь все наоборот. Когда власть вдарила по чеченцам, живущим рядом с нами, мы не нашили своих желтых звезд из солидарности с ними. И более того, занялись прямо противоположным: мы играем в «нацию победителей», мы выжигаем на их спинах «знаки отличия». Мы делаем так, чтобы чувство изгоя не покидало Сиражди никогда.

...Мальчик показывает мне свою тетрадку по русскому – я его об этом прошу. Там - весь джентльменский набор. То «2», то «3». Да и пишет Сиражди неаккуратно, о чем ему почти на каждом тетрадном развороте напоминает Елена Дмитриевна, его первая учительница, выводя слова наставлений своим натренированным каллиграфическим почерком (35 лет педагогического стажа, и все в начальной школе)...

Она, Елена Дмитриевна, не поддержала родительский комитет в его стремлении избавиться от чеченского мальчика. Но и не «нашила желтых звезд» - не запретила категорически. Хотя и могла это сделать, прекратив гонения семьи Дигаевых силами нашей пресловутой «общественности».

...Сиражди крутится волчком - вообще-то ему совсем не хочется показывать тетрадку по русскому, он все стремится ее всяким хитрым способом подменить на тетрадку по математике, потому что там у него дела куда лучше. Сиражди – обычный мальчик, неподседливый и моторный, и, главное, ему очень хочется выглядеть самым лучшим. А кто, собственно, сказал, что все должно быть по-другому?.. Скромненьким? Тише воды? Ниже травы? Как того хочет родительский комитет, раз Сиражди – «чеченец»?..

Впрочем, и тетрадь по математике ему быстро надоедает. Он обещает нарисовать «меч и человека», для чего на скорости – он все делает на скорости – удаляется. А вскоре уже несет альбом с нарисованными контурами какого-то

силача с крепкой мускулатурой из «Властелина колец». И меч «со светом»... Свет у Сиражди – это что-то этакое, слегка намалеванное желтым карандашом. А кто сказал, что есть каноны для изображения света?

«Вы знаете, мы ведь хотели ему только добра, - так сказали родители 2-го «б», поняв, что историей, которую они организовали против маленького чеченского мальчика под марку норд-остовских общественных настроений, заинтересовались журналисты. - Только добра...».

Но поверит ли в это «добро» Сиражди? Ведь он действительно дерется на переменах. И краски на уроке рисования в стену швыряет. И подножки одноклассникам ставит. И тем чаще это делает, чем больше ему доказывают, что во 2-м «б» он чужой...

Вот это и есть наши обычные будни после «Норд-Оста». Прошли месяцы, и постепенно выяснилось, что из ряда вон выходящая трагедия... Выгодна. Да-да, просто-напросто выгодна. И очень многим. И по самым разным причинам.

Начиная с президента с его природно-посконным цинизмом, который принялся откровенно состригать с этого ужаса со смертельным исходом лакомые международные дивиденды в собственную пользу, а также не брезговать и внутрirosсийским пиаром на чужой крови.

И заканчивая школьными размолвками в небольшой школе и рядовыми милицейскими работниками, с удовольствием подтягивающими свою «антитеррористическую» отчетность к Новому году ради получения премиальных. Оголтелый античеченский шовинизм и погромы первых дней после «Норд-Оста» переплавились в прагматичный стойкий расизм.

...«Так нам брать в руки оружие?» - спрашивают одни мужчины, и слышно, как в бессилии скрипят их зубы. «Все-о-о, не мо-гу-у-у!» - Стонут другие и падают

головой в колени. Слабость, конечно. Которая им совсем не пристала – ведь на них смотрят их дети. Но что же делать?

Акакий Акакиевич Путин-2

Я много думала: ну, почему я так взъелась на Путина? За что так его невзлюбила, что даже книжку написала? Хотя я – ему не оппонент, не политический конкурент, а всего лишь одна из гражданок, живущих в России? Просто – 45-летняя москвичка и, значит, застала Советский Союз во всем его махровом коммунистическом гниении 70-80-х годов прошлого столетия – и очень не хочу попасть туда снова...

Заканчиваю писать книжку 6 мая 2004 года – специально именно 6 мая. Завтра все будет кончено. Никаких чудес в виде оспаривания результатов выборов 14 марта не случилось, оппозиция со всем согласилась и преклонила головы. И поэтому завтра – день инаугурации Путина-2, избранного к власти безумным числом голосов сограждан – больше 70 процентов, и даже если скостить процентов 20 на «пририсовку» (фальсификацию), то все равно будет вполне достаточно для президентства в России.

Осталось только несколько часов, наступит 7 мая 2004 года, и Путин, типичный подполковник советского КГБ, с узким и местечковым мировоззрением подполковника, с невзрачным обликом все того же подполковника, не подростого даже до полковника, с манерами советского офицера тайной полиции, привыкшего профессионально подглядывать за своими же товарищами, мстительного (на инаугурацию не пригласили ни одного политического оппозиционера, ни одну партию, которая шагает даже чуть не в ногу с Путиным), маленького, типичного чеховского Акакия Акакиевича, - этот человек опять взойдет... на трон. На великий российский трон.

Брежнев нам был нехорош. Андропов кровав, хоть и с налетом демократии. Черненко глуп. Горбачев не нравился. Ельцин время от времени заставлял креститься в страхе за последствия его шагов...

И вот – итог. Завтра, 7 мая, их охранник двадцать пятого эшелона, которому место – стоять в оцеплении, когда проезжает ВИП-кортеж, этот Акакий Акакиевич Путин будет шагать по красным дорожкам тронных зал Кремля. Будто он и впрямь там хозяин. Вокруг будет мерцать натертое царское золото, челядь покорно улыбнется, соратники – все как на подбор бывшие мелкие чины КГБ, получившие важные посты только при Путине, приосанятся...

Таким же гоголем, наверное, вышагивал тут Ленин, приехавший в покоренный Кремль в 1918 году, после революции. Официальная коммунистическая история (а другой нет) говорит: вроде бы скромно вышагивал... А в самом деле нагло: вот он я, скромняга, и вы думали, что никто, - а все же добился, Россию сломал, как захотел, принудил присягнуть себе.

И наш нынешний соглядатай из КГБ, даже там звезд с неба не хватавший – так же шагает по Кремлю... Шагает – и мстит.

Однако открутим пленку несколько назад.

14 марта 2004 года Путин во второй раз стал президентом России с разгромным для других претендентов счетом. И в нашей стране, и во всем мире эту его президентскую вторичность, конечно, прогнозировали, особенно после 7 декабря 2003 года, когда на парламентских выборах была разгромлена вся демократическая и либеральная оппозиция, которая только имела в России. Поэтому результатам 14 марта в мире мало кто удивился. У нас были международные наблюдатели, но все было вяло... Сам день голосования представлял собой современный римейк советского авторитарно-бюрократического стиля «народного волеизъявления», о котором многие у нас еще не успели забыть. Среди них и я. Когда было так:

пришел – бросил в урну бюллетень неважно с какими фамилиями – результат известен заранее...

И? То, что помнили советский стиль, кого-то уберегло от инертности 14 марта 2004 года? Нет. Покорно приходили – бросали бюллетени, махнув рукой: «что мы сделаем», уверенные, что вернулся Советский Союз и «от нас ничего не зависит»...

14 марта я долго стояла на пороге избирательного участка на своей Долгоруковской улице в Москве – переименованной с приходом Ельцина из улицы Каляевской (Каляев – террорист царских времен, считавшийся революционером) в Долгоруковскую (Долгорукий – князь, чье имение тут было до большевиков, при Каляеве). Говорила с людьми, идущими голосовать и быстро возвращающимися после процедуры, – люди были равнодушны. Абсолютно равнодушны к процессу выборов Путина во второй раз. «Они» так хотят? Ну, пусть... Так говорило большинство. Меньшинство посмеивалось: «Наверное, Долгоруковскую опять переименуют в Каляевскую...».

Потому что советский реванш с приходом и укреплением Путина очевиден.

Надо сказать, это произошло не только от нашего разгильдяйства и апатии с усталостью от бесконечных революций. Это произошло под приветственные вопли Запада. Прежде всего, Берлускони – прямо-таки любовника и главного европейского адвоката Путина. Также Блэра, Шредера, Ширака, не обошлось и без заокеанского Буша-сына.

Ничто не стояло на пути нашего кагэбешника в Кремль. Ни Запад. Ни серьезная оппозиция внутри страны. И всю так называемую предвыборную кампанию – от 7 декабря 2003 года до 14 марта 2004 года – Путин откровенно издевался над публикой.

Главное издевательство - он отказался с кем-либо о чем-либо дебатировать. Он не пожелал объясняться ни по одному пункту собственной предыдущей

четырёхлетней политики. Он презирал не только представителей оппозиции, но и само слово «оппозиция». Он вообще никого ни к чему не призывал. Ни за что и никого не агитировал. Просто, как в советские времена, телевидение ежедневно демонстрировало его во всех политических ракурсах – вот он принимает чиновников высшего звена в кремлевском кабинете и дает им квалифицированные советы, как руководить тем министерством или ведомством, откуда пришел чиновник.

В публике, конечно, раздавались смешки: он ведет себя прямо как Сталин. Тот тоже был и «друг всех детей», и «главный свиновод», и «лучший шахтер», и «товарищ всех физкультурников», и «ведущий кинематографист»...

Но смешки оставались только смешками – эмоции уходили в песок. Никаких серьезных протестов по поводу отсутствия дебатов не существовало.

Естественно, без сопротивления Путин наглед. Это ведь неправда, что он ни с чем не считается, ни на что не реагирует и только, знай себе, гнет свою линию, чтобы удержаться у власти...

Очень даже обращает внимание. И считается. И пристально следит за нами, подконтрольным народом. И это так происходит именно потому, что он поступает по-чекистки. Это – типичное поведение сотрудника нашего КГБ. Сначала – вброс информации в общественное употребление через узкий круг лиц. В нашем современном случае – через столичный политический бомонд. Цель вброса - почувствовать, какая возможна реакция. Раз ее нет или она аморфная, медузообразная - значит, все отлично, можно давить свою линию дальше, вкидывать свои идеи или действовать, как считаешь необходимым, ни на кого не оглядываясь.

Короткое отступление: оно уже не о Путине, а о нас, публике российской. Путинцы – люди, продвигающие его, заинтересованные в его втором восшествии на престол, люди, сосредоточившиеся сейчас в администрации президента, которая в

действительности управляет страной, а не правительство (исполняет волю президента) и парламент (штампует законы, какие хочет президент), - они очень внимательно следят за общественной реакцией. Неправда, что им плевать. И то, что это так, означает слишком многое: ответственны за все происходящее - мы. Мы прежде всего – не Путин. Наша «кухонная» (лишь на кухне посудачить) реакция на Путина и его циничные измышательства над Россией – гарантия, что Путин все это проделал со страной в предыдущие четыре года. Социальная апатия, демонстрируемая обществом, – безмерна. И она - индульгенция Путину на следующие четыре года. Мы реагировали на его действия и речи не просто вяло – а со страхом. Мы демонстрировали чекистам, укоренившимся во власти, этот свой страх. И этим только усиливали их желания относиться к нам, как к быдлу. КГБ уважает только сильных – слабых сжирает. Нам ли этого не знать? И тем не менее мы – в целом - продемонстрировали себя слабаками и были съедены (подавлены). Страх для советского чекиста – мед. Нет лучше подарка ему, чем чувствовать, как трясутся поджилки толпы, которую требуется подчинить своей воле.

И мы сделали этот подарок. Газеты и телевидение были полны нашим страхом до краев. Оппозиционеры только и говорили, что об опасности лично для себя, если... То есть о своем страхе.

И были сожраны с потрохами.

Вернемся к концу февраля 2004 года. Во время, непосредственно предшествовавшее 14 марта – даже рука не поднимается написать: «в предвыборное время», - ну, какое оно «предвыборное»?.. В какой-то момент, методом зондажа общественного мнения, Кремль почувствовал, что публика начинает уставать от наглости Путина, не желающего ни дебатировать, ни агитировать. Да и от скуки предвыборной кампании, которая таковой, по сути, не оказалась.

И тогда, для взбадривания населения, градус настроений которого снижался, почти перед самым 14 марта Кремль объявил о «сильных шагах» Путина. Народу было

предложено считать таковыми смену кабинета министров за три недели до дня голосования.

Сначала все опешили – действительно, глупость какая-то, логики нет. Ведь после выборов, согласно Конституции, кабинет уходит в отставку в полном составе, и новоизбранный президент заявляет о кандидатуре нового премьера, а тот в свою очередь представляет ему на утверждение своих министров... И, если размышлять здраво, зачем назначать сейчас, чтобы переназначать потом, после инаугурации? К чему такая свистопляска? Которая обязательно парализует деятельность правительства, и без того большую часть рабочего времени занятого решением собственных коммерческих проблем? Погрязшего в коррупции?..

И тем не менее хоть и глупая акция - менять кабинет за месяц до положенной по закону смены, - взбадривание действительно получилось: политический бомонд зашевелился, флюиды игры «угадайка» - кого Он назначит? – заполонили телеэфир, политологи получили пищу для дискуссий, пресса – о чем писать в рамках «предвыборной кампании», потому что до этого писать было не о чем.

Однако в политическом бодрствовании прошло не больше недели. В ее ходе путинские политтехнологи ежедневно заклинали народ по телевизору, что президент сделал это только потому, что хочет быть «абсолютно честным перед вами», он не хочет «идти на выборы с котом в мешке» (имелась в виду конституционная процедура: после выборов президента – смена кабинета), он желает продемонстрировать свой курс до 14 марта...

Надо сказать, народ верил – большинство нашего народа. Наверное, примерно пятьдесят на пятьдесят. Та половина, которая доверяла этой лживой и глупой аргументации и приветствовала ее, - отличается важной особенностью: Путина любят и верят ему – только истово, безоглядно, иррационально, без ума (в смысле - без разума), верят, и все тут.

В неделю до назначения нового премьера было то же самое, демонстрировался привычный тип «любви» к Путину - доверявшие серьезности его намерений не обращали серьезного внимания на явные логические неувязки заявленной идеологии смены кабинета.

И действительно, только если верить безоглядно, как в первой любви, то не возникает элементарного вопроса сразу: что же мешало Путину «продемонстрировать свой курс» и без отставки правительства? Вот уж у кого для этого полным-полно шансов. Например, поучаствовав в тех же публичных дебатах? Где, в диалоге, отстаивать свою точку зрения, лицом к лицу с оппонентами. Зачем для «демонстрации курса», собственно, менять правительство?

Зачем-зачем?.. Надо сказать, что пара месяцев, предшествовавших дню голосования 14 марта, прошли под флагом, на котором было недвусмысленно начертано: «Будет Путин, и никаких гвоздей». Однако неделя после объявления об отставке кабинета превзошла по цинизму все предыдущие: по телевизору народу прямо-таки и говорили, что от 14 марта ничего не зависит, все решено, будет Путин обязательно, и только Путин, и никого, кроме Путина, он – наше все, он добрый, он думает за всех. Царь. Народ, ты же любишь добрых царей?

Ох, уж наш народ любит таких.

От аргументации «он хочет продемонстрировать свой курс заранее, чтобы народ получил не кота в мешке после выборов», пиарщики всего-то за неделю постепенно докатились до «он хочет продемонстрировать свой курс заранее, потому что будет только он», а раз «будет только он», то какая разница, до 14 марта менять или после...

Дальше был день объявления имени нового премьера, обставленный как выходная ария главного героя в опере: вот-вот, Он скажет наутро... Через два часа... Через час... Осталось десять минут... И тот, кого объявят, заверяли нас по телевизору, возможно, станет Его преемником в 2008 году...

В России очень важно не быть смешным – плохо заканчивается, обсмеют, насочиняют анекдотов, и станешь Брежневым. Когда Путин объявил имя нового премьера, смеялись даже убежденные его сторонники. Всем стало ясно, что Кремль сыграл очень плохую комедию. Выяснилось, что Путин снял со своего поста фактически одного-единственного премьера Михаила Касьянова. «Сильный шаг» оказался элементарным мелочным сведением личных счетов... Не более. Да, естественно, его прикрыли пиаровскими ходами, завуалировали всякой ерундой и риторическим гарниром про великую Россию.

Но... гора родила мышку. Практически все министры остались на своих местах, ушел только Касьянов, на которого Путин имел многомесячный «большой зуб» и вообще много мелких «зубов», так как Касьянов был наследием ельцинской эпохи, и первый президент России просил, возводя на трон второго президента, не трогать Касьянова.

И вот этот премьер Касьянов - единственный из главных персон российской политики, который, будучи человеком Ельцина, выступил категорически против ареста олигарха-либерала Михаила Ходорковского и постепенного разгрома нефтяной компании «ЮКОС», самой прозрачной компании нашей коррумпированной страны, первой признавшей международную систему аудита и работающей по мировым финансовым принципам, то есть «в белую», как у нас говорят, и, кроме всего прочего, дающей более пяти процентов ВВП, содержащей крупный университет, детские дома, ведущей огромную благотворительную деятельность.

Но! Касьянов выступил в защиту человека, которого Путин с некоторых пор причислил к своим личным врагам на том основании, что Ходорковский оказывал большую финансовую поддержку демократической оппозиции страны – партии «ЯБЛОКО» и Союзу правых сил, прежде всего.

В путинской стилистике политической жизни – это глубокая личная обида. Путин много раз публично демонстрировал, что в принципе не понимает, что такое

дискуссия. Тем более политическая – дискуссии нижестоящего, по Путину, с вышестоящим быть не должно. И если нижестоящий это себе позволяет - значит, он враг. Путин ведет себя таким образом не нарочито, не потому, что тиран и деспот от рождения – он просто так воспитан. В категориях, которые в нем вымуштровала КГБ, а эту систему он считает идеальной, о чем не раз публично заявлял. И поэтому, как только кто-либо с ним не соглашается, Путин категорически требует «прекратить истерику». (Отсюда и отказ от предвыборных дебатов – это не его стихия, он не способен к ним, он не умеет вести диалог. Он – исключительно монологист. По военному образцу: пока был «нижестоящим» - обязан быть молчуном. Стал «вышестоящим» - говорю, но в режиме монолога, и тогда все «нижестоящие» обязаны делать вид, что согласны. Этакая идеологическая дедовщина, временами, как это вышло с Ходорковским, переходящая в физическое истребление и устранение).

Вернемся к акции «смена правительства». Касьянов – вон, министров перетасовали и оставили при их прежних интересах – премьером Путин торжественно подсунул стране Фрадкова - Михаила Ефимовича Фрадкова. Был такой человек в нашей чиновничьей иерархии – в последнее время тихо сидел себе представителем РФ в европейских институциях в Брюсселе. Невзрачный, незлобивый и невнятный господин с узкими плечами и широким тазом в ранге федерального министра (впрочем, о том, что у страны вообще есть такой министр Фрадков, страна узнала лишь в день объявления Фрадкова премьер-министром – что, в соответствии с нашей традицией означает, что Фрадков – тихий представитель все тех же органов, которым Путин посвятил большую часть своей сознательной жизни).

Страна смеялась, услышав про Фрадкова. А Путин настаивал – и даже принялся объяснять свой «принципиальный» выбор так: мол, хочу быть с вами честным и пойти на выборы, чтобы вы наперед знали, с кем я буду работать и с кем буду бороться с нашим главным злом – коррупцией и бедностью...

Народ – обе его половины, и кто «за» Путина, и кто «против» – продолжал смеяться: плохая комедия продолжалась на глазах у всех. Если страна не знала

Фрадкова, то мир бизнеса его отлично помнил. В пору пребывания Фрадкова в кресле директора Федеральной службы налоговой полиции (Фрадков – типичный советский номенклатурщик, которого всю его сознательную жизнь, начиная с коммунистических времен, двигали туда-сюда по чиновничьим креслам, вне зависимости от специальности и знаний, он - типичный «наш руководитель», которому неважно где рулить, главное - рулить) - так вот, ФСНП в пору Фрадкова слыла как раз самым коррумпированным ведомством в государственной иерархии. Тут чиновники брали мзду буквально за все, за любую справочку и консультацию, вследствие чего служба и была ликвидирована, а Фрадкова, согласно все той же советской номенклатурной традиции, опять передвинули – читай: «не обидели» – в Брюссель.

И вот Фрадков, названный Путиным премьером, на следующее утро спешно прилетает в Москву из Брюсселя, и у народа опять появляется повод посмеяться – уже будучи оглашенным Путиным в качестве премьер-министра, в первом же интервью в аэропорту Фрадков заявил... что, собственно, не знает, как быть премьер-министром, и нет у него никакой программы, и все ему, как снег на голову, и он ждет распоряжений и инструкций...

Россия – страна недоговоренностей и всеобщей забывчивости. И поэтому, невзирая на отсутствие распоряжений и инструкций от Путина, которые так никто не услышал, подконтрольная Кремлю Дума убедительным большинством Фрадкова утвердила, сославшись на «исполнение воли наших избирателей, которые во всем доверяют президенту Путину». (Дума, сформированная по итогам выборов 7 декабря 2003 года, практически не имеет оппозиции Путину – по этому принципу и формировалась).

«Избиратели», впрочем, тоже сглотнули, что их премьер Фрадков не имеет программы и не знает, что будет делать завтра...

Наступило 14 марта. Все проголосовали. Все прошло, как заранее спланировали в Кремле. Жизнь потекла прежняя. Чиновники вернулись к неумному воровству.

Продолжилось смертоубийство в Чечне, на короткое время выборов притихшее и тем подавшее надежду пятый год ожидающим мира (март 2004 года – конец пятого года второй чеченской войны, начавшейся в середине 1999 года, в преддверии первых выборов Путина). К выборам, в соответствии с азиатской традицией, к ногам правителя сложили оружие два полевых командира – их родственников схватили и держали до тех пор, пока полевые командиры не заявили, что они с Путиным и о независимости не мечтают. Ходорковский, олигарх-заключенный, принялся писать покаянные письма из тюрьмы Путину. «ЮКОС» стремительно нищал. К нам приехал Берлускони – с визитом, и первым делом спросил совета своего друга Владимира, как ему добиться 70 процентов на выборах. Путин не ответил ничего определенного – и действительно, как тут посоветовать даже другу Сильвио, он не поймет, но он из Европы. Они вместе съездили в провинциальный Липецк, открыли линию по производству стиральных машин, посмотрели на шоу военных самолетов. Путин продолжил телевизионные разносы высокопоставленным чиновникам. Мы его обычно так и видим – или принимающего отчет чиновников в его кремлевском кабинете, или дающего разнос в режиме монолога. Съёмки обычно очень продуманы с точки зрения пиара, нет никакой отсебятины, случайностей, все спрогнозировано и выверено. Путин был явлен народу на Пасху – это было почти месяц спустя после вторых его выборов. Плечом к плечу с ним, как на военном параде, в начале Великой Заутрени в храме Христа Спасителя в Москве, возведенном из бетона на месте бывшего бассейна, - неумело и карикатурно крестились: премьер Фрадков, новый кремлевский «серый кардинал» Дмитрий Медведев, крошечного роста и большой головы глава президентской администрации. Медведев клал кресты, прикасаясь рукой ко лбу и внизу к гениталиям, – было смешно. Еще Медведев, как и Путин, жал руку Патриарху, как «товарищу» - не целуя ее, как положено по церковному обряду. Патриарх не замечал, что непорядок. Пиарщики в Кремле, конечно, неграмотные – вот и не научили. Хоть и эффективные там пиарщики. Стоял рядом с Путиным и мэр Москвы Юрий Лужков – это он «строил» храм Христа Спасителя. Лужков был единственный, кто умело осенял себя крестным знаменем. Патриарх называл Путина «Вашим Высокопревосходительством». Даже сторонников это коробило. Пасха теперь, при многочисленных выходцах из КГБ при верховной власти –

самый что ни на есть большой праздник по обязанности. Вроде первомайской демонстрации раньше.

Начало Великой Заутрени было еще смешнее, чем рукопожатие с Патриархом. По обоим государственным телеканалам шла прямая трансляция крестного хода вокруг храма Христа Спасителя, предшествующая Заутрени. Крестный ход шел с участием Патриарха, хоть и больного. Диктор на телеканалах – человек верующий и теологически очень образованный, говорил, что считал нужным: просвещал телеаудиторию, говоря, что до полуночи, по православным традиции, двери храма должны быть закрыты, потому что это символизирует врата пещеры, где находилось тело Христа. После полуночи православный люд, участвующий в крестном ходе, ждет открытия дверей храма, первым, на ступенях, стоит Патриарх и входит в пустой храм, где уже состоялось Воскресение Христово...

Когда Патриарх свершил первую после полуночи молитву у дверей храма, и их отворили, там оказался... Путин. Скромный ты наш... Плечом к плечу с Фрадковым, Медведевым, Лужковым.

Смех и грех. Вечер юмора в пасхальную ночь. Ну, за что его любить? За то, что умеет все опошлить, к чему прикасается?

Примерно в те же самые дни, 8 апреля, шахидками, впервые с начала чеченской войны, были объявлены девятимесячные девочки-близняшки с крошечного чеченского хутора Ригах. Мертвые девочки, которые еще не научились ходить, но уже погибли. Было это обычно: после 14 марта начались постоянные войсковые операции в Чечне. Военные (Региональный оперативный штаб по управлению контртеррористической операцией – так его у нас называют) объявили, что ловят Басаева, «идет крупномасштабная войсковая операция по уничтожению участников бандформирований». Басаева не поймали, но 8 апреля, около двух часов дня, в рамках «войсковой операции» был нанесен ракетно-бомбовый удар по хутору Ригах. Погибли все, кто в этот момент был на хуторе – мама с пятью детьми. Картина, представшая взору отца семейства – Имар-Али Дамаева, и

сильного духом превратит либо в пацифиста навеки, либо в камикадзе. 29-летняя жена Имар-Али – Маидат, уже мертвая, прижимала к себе их четырехлетнюю Джанати, трехлетнюю Жарадат, двухлетнего Умар-Хажи и крошку девятимесячную Зару. Мамино объятие никого из них не спасло – все дети были также убиты осколками. Чуть в стороне лежало тельце Зуры, Зариной сестренки-близняшки. Маидат не хватило рук и, видимо, времени, чтобы придумать, как затолкать под свое тело пятую, а сама Зура двух шагов поползти не успела. Имар-Али собрал осколки, восстановили номер ракеты-убийцы: 350 Ф 5-90. Собственно, это не представляло большого труда – номер хорошо сохранился. Стали хоронить тела – и улем, мусульманский толкователь из соседнего селения, сказал, что объявляет всех убитых шахидами. То есть мучениками за веру. Их так и похоронили уже к вечеру этого дня - как шахидов, не обмыв тел, без погребальных саванов, в одежде, в которой приняли смерть. А Имар-Али Дамаев из Ригаха стал отцом пятерых шахидов.

За что я невзлюбила Путина? За то, что идут годы. Летом – уже пять лет, как началась вторая чеченская война ради того, чтобы Путин в первый раз стал президентом - и все никак не закончится. Младенцев, которых бы объявили шахидами, в ходе войны, конечно, еще не было - зато ВСЕ убийства детей, имевшие место при обстрелах и зачистках с 1999 года, остались не раскрытыми, не исследованными правоохранительными органами, детоубийцы не заняли свои законные места на скамье подсудимых. И Путин никогда этого не требовал – хотя и слывет большим другом всех детей. Военные продолжают вести себя в Чечне по-прежнему, как им позволили в начале войны - будто они на полигоне, и вокруг совершенно пусто и чисто. От людей и от детей.

Массовое детоубийство страну не всколыхнуло. Ни один телеканал не показал пленку с убитыми маленькими чеченцами. Министр обороны не подал немедленно в отставку – потому что он личный друг Путина, и его даже прочат в преемники в 2008 году. Не ушел с позором со своего поста и командующий Военно-воздушными силами. Все осталось, как было. Верховный Главнокомандующий даже не сказал речь – с сочувствием или соболезнованием враз осиротевшему отцу.

Вокруг нас продолжал бурлить мир. Гибли заложники в Ираке. Страны и народы требовали от своих правительств и международных организаций вывести войска, чтобы спасти жизни людей, выполнявших свой долг. У нас – все спокойно. Смерть детей с посмертным причислением их к шахидам не повлекла ни одного требования не то чтобы вывести войска, а даже начать немедленную дискуссию о том, что творится в Чечне, с целью поиска путей к диалогу, к умиротворению, демилитаризации и всему прочему, что обязательно бывает в конце войны.

За что я невзлюбила Путина? Вот за это и невзлюбила. За простоту, которая хуже воровства. За цинизм. За расизм. За бесконечную войну. За ложь. За газ в «Норд-Осте». За трупы невинно убиенных, сопровождающие весь его первый срок. Трупы, которых могло и не быть.

Я вижу так. У других – иной обзор и поэтому иная точка зрения. Несмотря ни на какие детоубийства, не прекращались попытки народа продлить срок путинских полномочий до десяти лет. Обычно у нас это делается так: сверху, из того же Кремля, где плетет свои пиарские сети заместитель главы путинской администрации Владислав Сурков, признанный самым эффективным пиарщиком страны (следует понимать: пиар как стопроцентный обман, ложь вместо сути, слова вместо дела), - создается какое-нибудь очередное молодежное движение пропутинского характера. У нас сильная мода на это дело – на созданные указом из Кремля политические движения, чтобы Запад не заподозрил нас в однопартийности, неплюрализме и авторитаризме. То это «Идущие вместе», то «Поющие вместе», то «За стабильность» или еще какая-нибудь новая пионерия. Отличительная особенность пропутинских квазиполитических движений – их прямо-таки с лету, очень-очень быстро, без чиновничьих проволочек, регистрирует Министерство юстиции, обычно очень придирчивое к попыткам кого-либо что-либо политическое создать. И тогда первым своим публичным делом это новое движение объявляет то, что будет добиваться продления полномочий своего любимца. Такой подарок был и к инаугурации 7 мая - в самом конце апреля запустили процедуру пролонгации полномочий всенародно избранного любимца члены движения «За стабильность» (идея: Путин как гарант стабильности), всего-

то месяц как созданного, почти одновременно с «14 марта». Кроме того, члены карманного движения потребовали пересмотра итогов приватизации (читай: они – против Ходорковского, значит, любви Путину). Мосгоризбирком, естественно, тут же принял заявление юных «застабilizаторов» о начале процедуры пролонгации путем всенародного референдума.

Так мы встретили день инаугурации – 7 мая 2004 года. Путин, случайно получив огромную власть в свои руки, распорядился ею с катастрофическими для России последствиями. И я не люблю его, потому что он не любит людей. Он не переносит нас. Он презирает нас. Он считает, что мы – средство для него, и только. Средство достижения своих личных властных целей. И поэтому с нами можно все - играть, как ему вздумается. Что нас можно уничтожать, как заблагорассудится. Что мы – никто. А он – хоть и случайно влезший наверх, но ныне царь и бог, которому мы должны поклоняться и бояться его.

В России вожди с подобным мировоззрением уже бывали. Это приводило к трагедиям. К большой крови. К гражданским войнам. А я этого не хочу. Вот и невзлюбила типичного советского чекиста, шагающего по красным коврам дорожкам Кремля к российскому трону.

После Беслана

1 сентября 2004 года у нас случился Беслан – беспрецедентный теракт, и теперь навсегда это слово будет символом ужаса наяву, какой ни один Голливуд придумать не способен.

1 сентября, утром, интернациональный отряд бандитов захватил в заложники школу № 1 в крошечном североосетинском городке Беслане и потребовал остановить вторую чеченскую войну. Захват произошел в момент школьной линейки, традиционного праздника начала учебного года, происходящего во всех наших школах в этот день. Обычно на такие линейки люди приходят семьями, с

бабушками и дедушками, тетями и дядями - особенно те семьи, кто провожает своих детей первый раз в первый класс.

Так было и на сей раз. Именно поэтому в заложниках оказались почти полторы тысячи человек – школьники, их мамы, папы, братья и сестры, учителя, их дети...

Все, что происходило в России потом – с 1, 2, 3 сентября и по этот момент, - события не случайные, а абсолютно закономерные. Квинтэссенция и апофеоз путинского режима насаждения личной власти ценою разума и всеобщего подавления инициативы.

Итак, 1 сентября. Спецслужбы, а за ними власти объявили: в школе «немного людей» - 354 человека. Террористы ответили: «Вот вас и будет 354». Родственники заложников, собравшиеся вокруг школы, сказали: нет, врите! Их больше тысячи!

Но родственников никто не слышал. И не слушал. Они пытались достучаться до властей через журналистов, съехавшихся в Беслан, – журналисты продолжали передавать официальную информацию.

Родственники стали журналистов лупить.

Как бы там ни было, день 1 сентября и половину 2-го власть провела в недопустимом шоке и замешательстве – никаких переговоров вообще не велось, Кремль их не санкционировал. Каждого, кто собирался что-то сделать для переговоров, запугивали, и те, кого бандиты потребовали на переговоры, сидели тихо в углу или сбежали из страны. Струсили в тот самый момент, когда не имели права трусить: президенты Ингушетии и Северной Осетии Зязиков и Дзасохов, советник Путина по Чечне Аслаханов, доктор Рошаль. У каждого впоследствии была отговорка, но из песни слов не выкинешь: в здание не вошел никто.

На этом трусливом фоне родственники заложников больше всего боялись, что все будет как в «Норд-Осте» - теракте-захвате театрального комплекса (23-26 октября

2002 года в Москве), и власти начнут штурм, и тогда не избежать огромного числа жертв...

2 сентября в захваченную школу пошел Руслан Аушев, бывший президент Ингушетии, оплеванный Кремлем человек - за то, что постоянно призывал к политическому урегулированию чеченского кризиса и мирным переговорам, вынужденный за это «добровольно» покинуть свой президентский пост, чтобы уступить его избраннику Кремля, генералу КГБ-ФСБ Мурату Зязикову.

Аушев в Беслане застал страшную картину, как сам потом рассказывал. Оказавшись в штабе «операции по освобождению заложников» спустя полтора дня после захвата, он понял, что там так и не могут решить, кто же должен идти на переговоры – ждут «добро» Кремля и боятся гнева Путина. Гнев равносителен концу политической карьеры. А конец политической карьеры куда страшнее страданий сотен заложников. Лучше потерять заложников – это всегда можно списать на террористов. Потеря путинской благосклонности – это самоубийство и забвение.

Зафиксируем суть: все, кто в те дни представлял в Беслане российскую власть, старались угадать, что хочет Путин, но не противодействовать тому, что творится в школе. А если уж Путин что-то произносил, то послушаться не смели: президент Северной Осетии Александр Дзасохов, например, рассказал Аушеву, что Путин лично ему позвонил и запретил идти в школу под страхом немедленного открытия уголовного дела против него, Дзасохова...

И Дзасохов не пошел. То же случилось и с доктором Рошалем – хоть и детский доктор, он тоже никого решил не спасать, кроме себя самого: кто-то анонимный из спецслужб уверил Рошала, что террористы только потому требуют его на переговоры, чтобы убить.

И Рошаль не пошел...

ВСЕ в штабе сохраняли свою карьеру и не спасали детей. Еще не наступило 3 сентября – день развязки, а стало очевидным: «вертикаль власти», слепленная Путиным на паническом страхе полной зависимости от одного лица (Путина), - эта «вертикаль» совершенно недееспособна: она не способна никого спасти в тот самый момент, когда это требуется.

В результате Аушев взял в руки распечатанное из интернета заявление Масхадова, что он, Масхадов, лидер чеченского сопротивления, именем которого бандиты козыряли, требуя немедленного прекращения второй чеченской войны – категорически против захвата детей в заложники. Взял - и пошел говорить с террористами. И стал единственным, кто вообще вел какие-то переговоры в ходе бесланской трагедии.

За что и был впоследствии оболган Кремлем и обвинен во всех смертных грехах: и в главном из них, в содействии террористам.

- Они отказались говорить со мной по-вайнахски, – рассказывал Аушев позже. – Хотя были чеченцы, ингуши. Только по-русски. Они просили хоть какого-нибудь министра на переговоры – например, Фурсенко, министра образования. Но никто не хотел идти, потому что не было согласия Кремля.

Аушев пробыл в школе около часа. И вынес на руках трех младенцев. Еще с ним отдали 26 маленьких детей. 3 сентября, днем, прошел штурм. Бои в городке продолжались до поздней ночи. Было много убитых террористов, но многие прорвались сквозь все кольца оцепления и ушли. Начался подсчет погибших заложников - и продолжается до сих пор. На окраине Беслана распахали поле, и оно стало огромным кладбищем на сотни свежих могил. До сих пор нигде не найдено более ста заложников – они числятся пропавшими без вести. Одни считают, что их увели в заложники остатки банды. Другие, что их спалили «шмелями» дотла - вакуумными огнеметами, состоящими на вооружении частей специального назначения.

Сразу после Беслана в России начался сезон новой волны закручивания политических гаек, невиданный доселе. Путин объявил трагедию актом международного терроризма, отвергнув чеченский след, и связал все с «Аль-Каидой». Подвиг Аушева был оплеван, в СМИ, по команде из Кремля, стали рисовать его портрет, как главного пособника террористов, а не спасителя и единственного героя на фоне трусов. Ну а доктор Рошаль был опять презентован как герой – народу нужны герои.

Однако это, так сказать, моральная сторона процесса. Физическая, материальная состояла в том, что трагедия Беслана не натолкнула Кремль на хоть малейшую работу над собственными ошибками. Напротив, началось политическое мародерство.

Главным лозунгом Путина после Беслана стало: на войне как на войне, надо укрепить вертикаль власти. Сделав «вертикаль» полностью зависимой от одного-единственного человека (Путина), так как он лучше знает, кто есть кто, и тем мы обезопасим себя от терактов, началась подготовка к губернаторской реформе – Путин настоял на отмене прямых выборов глав российских регионов, что, по мнению Путина, ведет лишь к безответственности губернаторов.

И ни слова, ни намека, что в ходе бесланского захвата именно фактически назначенцы Путина – президенты Зязиков и Дзасохов продемонстрировали себя трусами и лжецами, и толку от них было как от козла молока...

На фоне подготовки губернаторской реформы шла мощнейшая идеологическая промывка мозгов. Ее суть была в том, что представители власти вели себя идеально во время бесланской трагедии - ничего другого, более эффективного, сделать было невозможно. Для отвода глаз создали парламентскую комиссию – комиссию Совета Федерации (верхняя палата российского парламента) для общественного контроля над расследованием. Председателя комиссии господина Торшина принял в Кремле Путин и дал свои президентские напутствия. В результате комиссия так и не вышла за рамки дозволенного.

Бесланцы стали явственно ощущать, что их забывают. Телевидение сосредоточилось только на хорошем: как заложникам помогали, сколько конфет и игрушек им надарили, но не на том, где же пропавшие без вести...

Миновали сороковины. Поминки прошли официально. Никаких истерик родных по телевизору стране не демонстрировали.

Так наступило 26 октября. День двухлетия «Норд-Оста» - два года до этого, 23 октября 2002 года, в Москве, на 1-й Дубровской улице, отряд террористов захватил в заложники зрителей и артистов мюзикла «Норд-Ост», прямо во время спектакля. 26 октября, спустя 57 часов после захвата, спецслужбы начали штурм, применив неизвестное летучее химическое вещество, в результате чего 130 заложников скончались.

После «Норд-Оста» власть только то и делала, что обеляла себя, награждала себя, холила себя. Вторая чеченская война не только не окончилась, а затянулась в тугой узел. Она выродилась в уничтожение или устранение с поля всех, кто мог бы приблизить мир и помешать перерастанию чеченского кризиса в репродукцию северокавказского терроризма - как закономерный ответ на государственный терроризм, примененный к людям Чечни и Ингушетии в ходе «антитеррористической операции». Эта тавтология - российский «антитеррористический террор» - и стало сутью нашей жизни от «Норд-Оста» до Беслана. Террор и антитеррор – как камушки одного калейдоскопа, между жерновами которого... Мы. Число терактов выросло в геометрической прогрессии. Так что прямой путь от «Норд-Оста» до Беслана очевиден.

...В 11 утра 26 октября 2004 года на Дубровке (так коротко в Москве называют 1-ю Дубровскую улицу), на ступенях у театрального здания, собрались все, по чьей судьбе и семье пронесся тот теракт. Заложники, родственники и друзья погибших. С раннего утра люди были на кладбищах - поминали своих близких у родных могил - так у нас принято. И поэтому задолго до 26-го публичную панихиду на Дубровке запланировали на 11 часов. Норд-остовцы – общественная организация

содействия защите пострадавших от терактов «Норд-Ост», в которую объединены пострадавшие, загодя распространили соответствующую информацию через информационные агентства, постоянно звучали сообщения по радио о панихиде, приглашения передали в московскую мэрию, в администрацию президента... Там заверили: «Будем».

И вот 11.20... 11.30... 11.50... Батюшка приехал, пора бы начинать. Люди тихо переговариваются: «Ну, не могут же они... не прийти совсем...». Речь – о представителях власти.

Однако наступает полдень. Толпа нервничает, многие тут с детьми – это сироты погибших. «Мы хотели поговорить с НИМИ», «Мы пришли, чтобы прямо задать вопросы»... Наконец, и крики отчаяния: «Нам нужна срочная помощь», «На нас не обращают внимания», «Детей перестали принимать на бесплатное лечение в больницах»...

Чиновников все нет. Становится понятно, что ждать дальше бессмысленно – так не опаздывают. Струсили посмотреть жертвам в глаза? Ведь расследование «Норд-Оста» сведено на нет - правда о теракте и газе так и остается большой государственной тайной... Или есть другая причина игнорирования?..

Площадь у театрального здания оцеплена милицией – обычными молодыми ребятами, которых пригнали усмирять возможные страсти. Они мнутя – они слышат, о чем люди говорят. И видно, что им как-то не по себе. Именно они, милиционеры из оцепления, объяснят норд-остовцам: «ОНИ уже были». То есть власти уже приезжали сюда – и устроили альтернативную, между собой, панихиду, намеренно раньше, пока люди были на кладбищах. Чтобы пути не пересеклись - в 10 утра представители московской мэрии и администрации президента приезжали на Дубровку, на СВОЮ ПАНИХИДУ. Вне народа. Чтобы не застать тех, кто был ими превращен в жертвы. И то, что было в 10 утра, зафиксировали все камеры главных телеканалов страны: возложение официальных венков, вышколенный почетный караул, все речи – запрограммированные, утвержденные вышестоящим

начальством. Пристойно, без слез и излишней скорби. И все это идеологическое варево вечером 26 октября многожды показывали по всем программам. Чтоб страна знала: власть очень внимательна к недавней трагической истории, и несогласных с тем, что она делает, не имеется... Официальные мероприятия по приватизации государственной памяти о «Норд-Осте» уложились в несколько минут.

...Конечно, ничто не помешало тысячной толпе родных и друзей погибших, бывших заложников и огромного числа иностранных журналистов помянуть ушедших. На ступенях театрального здания - именно там, куда вытаскивали еле живых людей, получивших порцию ядовитого газа, и где многие из них и умерли, не дождавшись медицинской помощи, - там зажгли свечи. Их нежные отблески ласкали 130 портретов. Шел дождь, как два года назад; он плакал вместе с нами. Как тогда, два года назад...

Но привкус от свершившегося цинизма в дожде не растворился. В новейшей истории подобной демонстрации государственной идеологической альтернативы огромной народной беде - демонстрации прямо на крови невинных жертв - еще не случалось. Власть закусила удила в ненависти к своему народу. Ненависти, основанной на паническом страхе перед своим народом. Людям показано, что уже и скорбь власти противна, что она не настроена жить воспоминаниями о прошлом, посыпая голову пеплом в связи с многочисленными жертвами многочисленных терактов, с которыми она справиться не в состоянии.

Все это именно то, что ждет жертв Беслана: официальная версия трагедии будет иной, чем неофициальная. Никаких бесконечных слез. И правды о теракте не будет. И слушать народ никто не станет. Все – в рамках сверху дозволенного. Никакой самодеятельности. Как при Советах. Идеология, которая вбивается в общество после сентябрьского теракта, такова: ничто не должно демонстрировать, что власть не справляется (а власть не справилась), если слезы, то не потоки (зачем потоки, если все под контролем), все в рамках - не забывать трагедию, но не биться головой об стенку, потому что такое битье будет показывать безысходность, а безысходности в стране Советов не место, потому что есть Путин, который думает

о нас и знает, как быть, лучше нас, и всегда есть место свету в конце тоннеля, и мы все боремся с «международным терроризмом», и «мы едины, как никогда», и т.д.

Наконец, пришло 29 октября. Подавляющим большинством Дума проголосовала за соответствующий закон, внесенный Путиным, согласно которому он, Путин, будет представлять свои кандидатуры на губернаторов, а местные парламенты станут эти кандидатуры утверждать на безальтернативной основе. Причем если местные парламенты посмеют дважды не утвердить путинскую кандидатуру, депутаты-бунтари будут распущены указом все того же Путина, как «выразившие недоверие».

Это, конечно, конституционное надругательство и презрение к народу - но народ ответил почти повсеместным молчанием. Оппозиция помитинговала, но тихо и локально. К ней никто и не думал прислушиваться. Путин на своем настоял. Как у нас говорят: это - советская Россия после Беслана.

Так что же у нас случилось после Беслана? Народ и «партия» все дальше друг от друга – в реальной жизни. И в то же время все ближе – на телекартинках. Совок крепчает и мужает. А с ним наступает и политическая зима - все сильнее устойчивые заморозки на государственной почве. Признаков к потеплению не уловить. Страна, отлично отдрессированная официальным враньем о «Норд-Осте», не требует справедливого следствия и правосудия по Беслану. И в этом смысле именно мы, после «Норд-Оста», позволили допустить Беслан – таким, каким он получился. Два года от «Норд-Оста» до Беслана протекли в том, что большинство народа продолжало спокойно дрыхнуть по домам и плясать на дискотеках, иногда отвлекаясь на то, чтобы проголосовать за Путина. Народ не волновала правда о «Норд-Осте» и муки жертв - и это был принципиальный момент – власть уразумела, что опять удачно справилась с задачей прогибания собственного народа. На этой волне и пришел Беслан.

Невозможно согласиться, чтобы политическая зима опять задержалась в России на несколько десятилетий. Очень хочется еще пожить. Очень хочется, чтобы

свободными были дети. И свободными родились внуки. Поэтому очень хочется скорой оттепели. Но повысить градус от минуса до плюса можем только мы. Больше никто. Ждать оттепели из Кремля, как это случилось при Горбачеве, теперь глупо и нереально. Да и Запад нам тоже не поможет - он вяло реагирует на «антитеррористические рецепты Путина». Запад многое устраивает - водка, икра, газ, нефть, медведи, люди особой породы... Русский экзотический рынок на уже привычном месте. Больше Европе и миру ничего и не нужно на нашей почти седьмой части суши.

А вы все: «Аль-Каида» да «Аль-Каида»... Проклятый лозунг - как самое простое, на что можно спихнуть ответственность за цепь новых кровавых трагедий: иди туда, не знаю куда, поймай то, не знаю что... И самое примитивное, чем можно убаюкать сознание общества, мечтающего быть убаюканным.

Самый последний постскрипtum

10 июля, только один день нашего российского календаря. День для описания выбран совершенно случайно и совсем произвольно – просто потому, что в этот день еще можно было внести самую последнюю правку в эту книжку.

Поздно вечером накануне в Москве убит Пол Хлебников, главный редактор русского издания журнала «Форбс». Он выходил из редакционного офиса, и кто-то изрешетил его пулями. Хлебников был известен тем, что писал книжки о наших олигархах и структуре российского капитализма. О больших и шальных деньгах, которые сумел получить один тип наших граждан. Тем же поздним вечером во Владивостоке совершено покушение на Виктора Черепкова, депутата Государственной Думы, известного защитника самых слабых и бедных. Черепков баллотировался на должность мэра крупнейшего дальневосточного города Владивостока, откуда сам родом, вышел во второй тур и имел реальные шансы на

победу. Поздно вечером он выходил из здания своего предвыборного штаба и подорвался на установленной прямо у двери мины-растяжке.

То есть – стабильность у нас наступила чудовищная. Никто не желает идти за правдой в суд, который демонстрирует свою полную зависимость и ангажированность. Никому не придет в голову искать защиты в правоохранительных структурах, которым никто не верит, потому что они тотально коррумпированы. Царит самосуд. В умах и действиях. Идея самосуда - как единственно верная и эффективная - правит Россией 2004 года: око за око, зуб за зуб. Пример подает сам президент, уничтожая крупнейшую нефтяную компанию «ЮКОС» вслед за посаженным в тюрьму Ходорковским: Ходорковский его лично обидел - вот он и мстит. Ладно бы ему, Ходорковскому, лично. Но мстит Путин до полного уничтожения этой «золотой курицы» российского бюджета. Совладельцы «ЮКОС»а предлагают правительству: возьмите наши доли, только не уничтожайте компанию – правительство говорит: нет, хотим все... И 9 июля проталкивает на пост вице-президента «ЮКОС-Москва» (управляющая компания «ЮКОС»а) своего преданного человека – Мухамеда Циканова, бывшего замминистра Минэкономразвития. Ни у кого и сомнений нет, что Циканова проталкивают ради одного – чтобы он координировал процесс раздачи ЮКОСа тем, кого на эту роль сватает Путин. Рынок лихорадит, инвесторы бегут, все мало-мальски зарабатывающие знакомые бизнесмены весь нынешний май и июнь искали возможность разместить свои капиталы на Западе.

И были правы. 8, 9 и 10 июля в стране выстроились километровые очереди к банкоматам: только одного намека властей, что начинаются банковские чистки и тот или иной банк может быть закрыт, оказалось достаточно, чтобы люди смели из одного из самых устойчивых - Альфа-банка - 200 миллионов долларов наличными за трое суток. И тем, конечно, подорвали его нешуточно. Только одного намека стало достаточно...

Потому что все ждут подвоха от государства – и, в действительности, никто не верит власти ни на йоту. Эти 200 миллионов за трое суток – самый яркий показатель царящей «стабильности».

Ну а если судить по официальным рейтингам прикремлевских социологических служб, работающих по контракту с администрацией президента и не желающих лишаться этих контрактов, то у Путина – отличный рейтинг, подавляющее большинство населения - за него, ему все верят и одобряют его политику...